САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

III Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 25 сентября 2024 года

М А Т Е Р И А Л Ы

Санкт-Петербург
2025

УДК 343.1
ББК 67.411
У26

Под общей редакцией **А. А. САПОЖКОВА,** заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственные редакторы **Е. Б. СЕРОВА,** заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; **Д. А. СЫЧЕВ,** доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук; **Н. В. КУЛИК,** доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

У26 **Уголовный процесс: от истоков к современности** : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 сентября 2024 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова ; отв. ред. Е. Б. Серова; Д. А. Сычев, Н. В. Кулик — Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2024. — 1 CD-R (1,24 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — Текст : электронный.

Сборник содержит материалы III Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в сентябре 2024 года. Предназначен для работников органов и организаций прокуратуры, педагогических работников, аспирантов.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным оргкомитетом конференции.

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Баркалова Е.В. Признание исполнения приговоров судов иностранных государств: новеллы законодательства……. *5*

Ватутина О.Ю. Юридическое значение деятельности специалиста для поддержания обвинения и осуществления защиты в российском уголовном процессе…….. *8*

Жуков Г.К. Поддержание государственного обвинения группой государственных обвинителей: проблемы и пути их решения…….. *10*

Загвоздкин Н.Н. Задержание подозреваемого на срок не более 30 суток в условиях военного положения: законность и целесообразность…… *15*

Иванов А.А. Проблемные вопросы организации исполнения органами прокуратуры Российской Федерации запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи……. *19*

Кируша Г.Н. О совершенствовании гарантий прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования…….. *27*

Кисленко С.Л. Формирование концепции модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения как индикатор совершенствования криминалистической теории и практики деятельности органов уголовного преследования в рамках досудебного и судебного производства по уголовным делам…… *31*

Комарова Е.А. Типичные нарушения, выявляемые прокурором, на этапе приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях……. *42*

Коршикова Е.О. Представительство несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства: проблемы законодательного регулирования…… *45*

Мингалимова М.Ф. Виртуальный государственный обвинитель: от теории к практике……. *49*

Самойлова Ю.Б. Совершенствование процедуры назначения судебной экспертизы в контексте соблюдения правовых гарантий участников уголовного судопроизводства…….. *54*

Серова Е.Б. Деятельность государственного обвинителя по возмещению ущерба, причиненного преступлением……. *59*

Сидоренко Е.В. Использование знаний криминалистики в ходе подготовки государственного обвинителя к рассмотрению уголовного дела……. *69*

Страхова С.В. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание отмены судебного решения в кассационном порядке……. *72*

Суходолов А.С., Суходолова И.А. Публичное и частное обвинение в уголовном судопроизводстве: теоретические и правоприменительные аспекты переквалификации…… *78*

Холопов А.В. О некоторых особенностях познания преступления в деятельности государственного обвинителя в суде присяжных……... *84*

Шилин В.В. Отдельные аспекты международного сотрудничества, осуществляемые прокуратурой в рамках уголовного судопроизводства……. *89*

Якушева С.В. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве при рассмотрении уголовного дела в суде….. *94*

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ…… *100*

Аржадеева К. И. Порядок использования электронных документов в судопроизводстве ……. —

Атабаева К.М. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения……. *104*

Демченко Е.А., Сушкина В.В. Подготовка государственного обвинителя к судебному разбирательству по делам о киберпреступлениях, рассматриваемых с участием присяжных заседателей…… *109*

Колошина Е.В. Медиация в уголовном судопроизводстве зарубежных стран……... *114*

Куконин В.И. Правовые аналоги института досудебного соглашения о сотрудничестве в иностранных государствах…… *118*

Манукян А.А. Ограниченная субъектность суда в уголовном судопроизводстве Российской Федерации…… *122*

Сведения для РИНЦ…….. *126*

Е.В. БАРКАЛОВА

ПРИЗНАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРОВ СУДОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Федеральным законом от 12.12.2023 № 570-ФЗ была ратифицирована Конвенция государств-участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, подписанная в городе Ашхабаде 11 октября 2019 года (далее по тексту — Ашхабадская конвенция). Данный международно-правовой договор урегулировал новое направление международно-правового сотрудничества — передачу исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, условно-осужденных, за исключением лиц, которым назначена иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа[1].

На практике ранее неоднократно возникали проблемные вопросы, связанные с невозможностью передать и принять исполнение приговора в полном объеме или в части при назначении наказания, не связанного с лишением свободы[2].

Принятие Ашхабадской конвенции повлекло за собой необходимость разработки и введения в действие правового механизма реализации данного института уголовно-процессуального права, в связи с чем федеральным законом 22.04.2024 № 85-ФЗ были введены в действие статьи 469.1, 471.1 УПК РФ, а также дополнен ряд статей Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ашхабадская конвенция применяется к уголовно-процессуальным правоотношениям при необходимости применения наказания, не связанного с лишением свободы, в качестве которого понимается любое наказание, назначенное судом, за исключением наказания, предусматривающего изоляцию осужденного от общества или смертную казнь, штраф или иное наказание имущественного характера.

---

[1] Баркалова Е.В. Новеллы международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / А43 Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 231, [1] с. — (Серия «В помощь прокурору» : вып. 14). — С. 196—213.

[2] Баркалова Е.В., Маначкин А.А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности граждан государств – участников Содружества Независимых Государств за преступления, совершенные ими на территории Российской Федерации или против ее интересов // КриминалистЪ. — 2023. — № 2 (43). — С. 12, 13—15.

В соответствии со статьей 4 Ашхабадской конвенции инициатором направления запроса о передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, может быть как компетентный орган государства-исполнителя, так и государства-отправителя запроса, который подготавливается на основании ходатайства осужденного или его законного представителя.

При этом следует обратить внимание на то, что перечни оснований для отказа в удовлетворении запроса о передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, установленный уголовно-процессуальным законом и Ашхабадской конвенцией отличаются. В частности, пунктом 8 статьи 471.1 УПК РФ предусмотрено в качества основания для отказа в исполнении запроса отсутствие законодательной регламентации в государстве, гражданином которого является осужденный, контроля за условно осужденным и за соблюдением условий отсрочки отбывания (исполнения) наказания. В качестве факультативного условия отказа в передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, пунктом 4 части 2 статьи 471.1 УПК РФ предусмотрено эксклюзивное основание — участие осужденного иностранного гражданина в конституционном, гражданском, арбитражном, административном и (или) уголовном судопроизводстве на территории Российской Федерации. Наличие исполнительного производства в отношении экстрадируемого лица, например, также становится препятствием к его выдаче, однако данное основание не предусмотрено уголовно-процессуальным законом, но применяется таможенными и транспортными органами в качестве отказа в выезде лица за границу.

Такое основание как невозмещение ущерба, причиненного преступлением (пункт 2 части 2 статьи 471.1 УПК РФ), корреспондирует аналогичному основанию, предусмотренному пунктом б части 2 статьи 5 Ашхабадской конвенции, однако по сравнению с международным договором является более широким, поскольку для участников Конвенции указанный определяется преюдициально, т.е. на основании судебного решения (в том числе приговора). В остальном перечни оснований для отказа в передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государство, гражданином которого является осужденный, совпадают в национальном российском законодательстве и международно-правовом.

Проводя параллель между основаниями для отказа в передаче исполнения наказания, связанного с лишением свободы (статья 470 УПК РФ)[3] и не связанного с лишением свободы (статья 471.1 УПК РФ), следует подчеркнуть более объемный характер второго перечня оснований. Во-первых, обязательным условием в исполнении соответствующего запроса является не только уголовная наказуемость деяния по законодательству обоих государств, но и не отнесение преступлениям к группе воинских (обязательное основание для отказа — пункт 9 части 1 ст. 471.1 УПК РФ), а также

[3] Более подробно см.: Баркалова Е.В. Актуальные вопросы передачи лица для отбывания наказания в иностранное государство // КриминалистЪ. — 2024. — № 1 (46). — С. 9—15.

налоговых и (или) таможенных (факультативное основание для отказа — пункт 1 части 2 статьи 471.1. УПК РФ). Во-вторых, отсутствие соответствующего вида наказания в уголовном законе государства, в которое предполагается передача исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, не предполагает возможность замены его правоприменителем на аналогичное или сопоставимое с назначенным по приговору суда иностранного государства. В-третьих, назначение наказания в виде штрафа (пункт 4 части 1 статьи 471.1 УПК РФ) также не предполагает передачу его исполнения в иностранное государство, поскольку бюджет государства исполнения наказания лишится существенной части дохода. В-четвертых, неустановление места жительства осужденного на территории иностранного государства препятствует передаче исполнения наказания в связи с невозможностью определения компетентного органа в области исполнения наказания, на который возложены обязанности по контролю за исполнением наказания.

В случае принятия положительного решения о передаче исполнения наказания личное или контрольное дело осужденного передается в компетентный орган в области исполнения наказания государства, гражданином которого является осужденный. Процедура разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства, установлена статьей 472 УПК РФ. По результатам рассмотрения представления (обращения) о передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, суд выносит постановление о признании и исполнении приговора суда иностранного государства или об отказе таковом. Содержание постановления суда регламентировано частью 2 статьи 472 УПК Р.

В случае согласования вопроса о передаче исполнения наказания осужденный информируется об этом, и в течение 45 дней он обязан прибыть в компетентный орган государства исполнения наказания для продолжения исполнения наказания и (или) меры уголовного-правового характера (ст. 6 Ашхабадской конвенции). Порядок обращения к исполнению постановления суда о признании и исполнении приговора суда иностранного государства регламентируется статьей 393 УПК РФ.

На сегодняшний день преждевременно делать выводы о положительных или отрицательных сторонах взаимодействия компетентных органов Российской Федерации и стран, ратифицировавших Ашхабадскую конвенцию, поскольку практика передачи исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, не сложилась. Однако, можно отметить безусловно, положительную тенденцию в развитии нового направления международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства — передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государство, гражданином которого является осужденный, выразившуюся в ратификации и введении механизма исполнения международного договора.

Список источников

1. Баркалова Е.В. Актуальные вопросы передачи лица для отбывания наказания в иностранное государство // КриминалистЪ. — 2024. — № 1 (46). — С. 9—15.

2. Баркалова Е.В. Новеллы международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / А43 Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 231, [1] с. — (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14). — С. 196—213.

3. Баркалова Е.В., Маначкин А.А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности граждан государств — участников Содружества Независимых Государств за преступления, совершенные ими на территории Российской Федерации или против ее интересов // КриминалистЪ. — 2023. — № 2 (43). — С. 11—16.

О. Ю. ВАТУТИНА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

При поддержании обвинения в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по различным вопросам, возникающим при поддержании обвинения. При осуществлении защиты адвокат-защитник, реализуя обязанность по активному участию в доказывании, также имеет право представлять доказательства, участвовать в их исследовании и высказывать свою позицию относительно представленных стороной обвинения доказательств. Соответственно, в процессе деятельности сторон уголовного судопроизводства по поддержанию обвинения и осуществлению защиты, исследованию и оценке подвергаются, все имеющиеся в деле доказательства, в том числе, доказательства, полученные с использованием специальных знаний, среди которых, особый интерес представляют заключение и показания специалиста, являющиеся, своего рода, научными доказательствами.

Заключение и показания специалиста, являются по своей природе научными доказательствами и прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом несмотря на то, что их доказательственная значимость[4], зачастую,

[4] Бочарова И. А. Заключение и показания специалиста как источник доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. — 2021. — № 27 (369). — С. 179 — 181.

отрицается, как в науке, так и на практике. Подобная ситуация вызвана отсутствием достаточного законодательного регулирования в отношении данных видов доказательств: отсутствием нормативно закрепленных требований к их содержанию, механизму их получения, неопределенностью в вопросе предупреждения специалиста за дачу заведомо ложного заключения, заведомо ложных показаний, а также наличием иных, допущенных законодателем неопределенностей.

Усугубляет неоднозначное отношение к доказательствам, полученным в результате деятельности специалиста, распространенное на практике мнение, о том, что такие доказательства являются исключительно доказательствами стороны защиты, направленными на оправдание подозреваемого.

Вместе с тем, подобный подход не имеет под собой правового основания и противоречит закону, поскольку, закон, предоставляя специалисту право формировать доказательства, не указывает на то, что «заказчиком» данного доказательства должна являться именно (и исключительно) сторона защиты. Закон в отношении инициатора получения заключения и показаний специалиста изложен нейтрально, соответственно, любая из сторон процесса имея потребность в научном доказательстве, в целях поддержания и обоснования своей правовой позиции, вправе и имеет возможность его получить и использовать в доказывании.

Несмотря на то, что привлекающая сторона устанавливает рамки для доказательственной деятельности специалиста, специалист, при формировании доказательств, не находится ни на чьей стороне, вне зависимости от того, кем вовлекается в процесс доказывания. Привлекающая сторона определяет предмет исследования, предоставляет (при наличии возможности) объекты для исследования, обязывает специалиста сформировать доказательства реализуя публично-правовой интерес, однако, сам специалист, как лицо, служащее интересам науки, не имеет собственного интереса в деле и, потому действуя в заданных рамках, решает научные, а не правовые задачи и, соответственно является объективным.

Научная деятельность специалиста не имеет обвинительной или оправдательной направленности и не имеет в качестве задачи убедить других участников доказывания и суд в виновности или невиновности обвиняемого, вопреки интересам науки. Специалист, в процессе участия в уголовно-процессуальном доказывании, в своих суждениях, не только сообщает научные положения, дает опытные, справочные данные, основанные на теории и практике применения специальных знаний, но и дает оценку научной обоснованности имеющихся в материалах дела судебных экспертиз, указывает на недостатки в их проведении, сообщает о неиспользованных возможностях[5], а в случаях, когда специалист не может сделать достоверный вывод о подлежащих установлению фактах, он сообщает о невозможности дать заключение, поскольку, должен дать заключение лишь тогда, когда убежден в истинности и достоверности своих выводов.

---

[5] Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. С. 49—52.

Заключение и показания специалиста, представленные в материалы дела, позволяют оценить результаты деятельности иных лиц в рамках уголовного дела, обладающих специальными знаниями (экспертов, специалистов), выявить возможные, допущенные ими ошибки, с целью последующего предоставления привлекающей стороне доводов и аргументов.

Соответственно, деятельность специалиста по доказыванию направлена на получение научного истинного, достоверного, обоснованного и мотивированного[6] результата, на получение научного доказательства, в тех случаях, когда оно необходимо. При этом, потребность в научном доказательстве может возникнуть не только у любой из сторон, но и у суда, когда оно в деле отсутствует, как таковое, когда имеющееся в деле научное доказательство вызывает сомнение или когда участники процесса не могут дать правильную и всестороннюю оценку определенным обстоятельствам в силу специфичности их природы.

В подобных случаях лишь научное доказательство, данное лицом, обладающим специальными (научными) знаниями, позволит разрешить возникшие коллизии и восполнить информационные пробелы дела, оказать помощь в проверке и оценке иных доказательств, сформировать и аргументировать надлежащим образом позицию стороны.

Таким образом, юридическое значение участия специалиста[7] при поддержании обвинения и осуществления защиты по уголовному делу, заключается в формировании доказательств[8], представлении научной информации и выводов, основанных на научных данных, интерпретация которых выходит за рамки знаний и опыта лиц, не получивших целенаправленного обучения и/или подготовки в соответствующей области, то есть, в обеспечении выводов лиц, осуществляющих доказывание по уголовному делу и суда научным знанием.

Г. К. ЖУКОВ

ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ГРУППОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Проблема поддержания государственного обвинения группой прокуроров представляется весьма актуальной, но незаслуженно недооцененной — и законодателями, и учеными, и зачастую даже главными интересантами — практиками, прокурорскими работниками, участвующими в судебных стадиях уголовного процесса. На законодательном уровне этот вопрос решен

[6] Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. — С. 41.

[7] Головко Л. В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

[8] Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2018. С. 120.

следующим образом: да, можно поддерживать обвинение нескольким прокурорам одновременно, гласит часть 4 статьи 246 УПК Российской Федерации, но, в отличии от весьма подробной регламентации деятельности следственных групп и групп дознавателей в ходе предварительного расследования, законодатель не посчитал нужным детализировать порядок формирования и работы прокуроров в случае коллегиального выполнения ими обязанностей обвинителей. Не является исчерпывающим и регулирование рассматриваемого вопроса на уровне отраслевого приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 376, изданного в 2021 году (далее — Приказ № 376)[9], который лишь в общих чертах, фактически в одном единственном предложении закрепляет возможность создания группы государственных обвинителей и необходимость определения ее руководителя (который в ранее действовавших организационно-распорядительных документах Генерального прокурора, между прочим, именовался иначе — старшим группы). Научные публикации на эту тему также носят, что называется, штучный характер[10].

На самом деле ситуация, при которой поддержание обвинения группой прокуроров не было полно и подробно урегулировано на законодательном уровне и отдавалось на откуп практикам — не нова, это исторически сложившаяся проблема, ведь ни в царский, ни в советский период отечественной истории уголовно-процессуальное законодательство также не содержало соответствующих детально проработанных положений.

Вместе с тем сильным импульсом к развитию рассматриваемой формы поддержания обвинения стали проведенные при активном участии СССР по итогам Второй мировой войны международные судебные процессы в отношении главных военных преступников, занимавших ключевые посты в военном и бюрократическом аппарате нацистской Германии и милитаристской Японии.

Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге — документ, являющийся приложением к Соглашению об уголовном преследовании и наказании главных военных преступников Европейской оси, принятый 8 августа 1945 г., устанавливал компетенцию главных обвинителей, назначаемых правительствами каждой из стран-участников соглашения — СССР, США, Великобританией и Францией, — задачей каждого из которых в отдельности являлось расследование преступлений и поддержание обвинения в отношении главных военных преступников[11]. При этом вместе главные обвинители действовали в качестве Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, в предметы ведения которого

---

[9] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 03.09.2024.

[10] См., напр.: Щерба С.П., Федяков Н.Н. Проблемы правового и организационно-методического обеспечения поддержания государственного обвинения группой прокуроров // Законность. 2016. № 2. С. 29—32.

[11] Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 8. — Москва, 1987—1999. — С. 146—153.

входило согласование плана работы каждого обвинителя и его штата; окончательное определение перечня лиц, подлежащих суду Трибунала; составление проекта регламента его работы. Главные обвинители, согласно ст. 15 Устава действуя индивидуально и в сотрудничестве, наделялись полномочиями расследовать, собирать и представлять до и во время судебного процесса все необходимые доказательства; производить предварительные допросы всех необходимых свидетелей и подсудимых; выступать в качестве обвинителей на суде; назначать уполномоченных для выполнения перечисленных обязанностей лиц; производить иные действия, необходимые для подготовки дела и производства суда. В Регламенте Международного трибунала в отдельном порядке излагались правомочия обвинителей в ходе судебного разбирательства, в частности им разрешалось предоставлять дополнительные доказательства.

Закрепленная Уставом коллегиальность поддержания обвинения была в полной мере реализована всеми союзными державами. Как известно, от Советского Союза обвинение представлял главный обвинитель, будущий Генеральной прокурор Союза ССР Руденко, в подчинении которого находились заместитель главного обвинителя Покровский и его помощники — Зоря, Карев, Рагинский, Смирнов и Шейнин. Наряду с этим была сформирована следственная часть, ответственная за формирование доказательственной базы обвинения, в состав которой вошли: Александров, Розенблит, Орлов, Пирадов[12]. Важно в разрезе обсуждаемой темы и то, что между помощниками главного обвинителя были четко распределены функциональные обязанности — каждому поручалась подготовка материалов персонально по каждому подсудимому и по определенной тематике. Такой подход к организации работы стороны обвинения доказал свою эффективность на практике и позволил не только избрать и реализовать грамотную тактику представления собранных в рамках подготовки к трибуналу доказательств, но и кратно увеличить объем доказательственной базы обвинения. К примеру, число только письменных доказательств с момента подписания обвинительного заключения до предъявления доказательств в судебном заседании возросло с 70 до 443.

Согласно Уставу Международного военного трибунала для Дальнего Востока, главный обвинитель трибунала являлся ответственным за следствие и поддержание обвинения против военных преступников и наделялся правами выступать со вступительной речью, представлять доказательства и допрашивать любого свидетеля и подсудимого, обращаться к трибуналу с обвинительной речью. От СССР в процессе участвовал заместитель главного обвинителя Васильев, в подчинении которого находились помощники и следователи. Согласно распределению обязанностей советское обвинение отвечало за доказывание обвинения в агрессии Японии против Советского Союза[13].

---

[12] Звягинцев А. Г. Суд народов. — Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020. — С. 245—246.

[13] Звягинцев А. Г. Ветер возмездия. Уроки Токийского международного военного трибунала. — Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. — С. 61—62, 68, 104, 292—313.

Данный опыт, безусловно, имел большое значение — ведь он был приобретен в ходе важнейших в истории человечества судебных процессов и не мог не повлиять на развитие как уголовного правосудия в целом, так и форм и методов осуществления прокурорами как носителями обвинительной власти уголовного преследования. Это особенно заметно по тому, как проходили в дальнейшем так называемые «малые нюрнбергские процессы» на территории Советского Союза, в рамках которых привлекались к уголовной ответственности нацистские оккупанты и их пособники[14]. Здесь, изучая архивные уголовные дела, мы не редко встречаем совместное поддержание обвинения несколькими прокурорами. Но и в дальнейшем участие групп обвинителей по делам, отличающимся большим объемом, сложностью и общественной значимостью, постепенно становится все более распространенным явлением.

Несмотря на это, к сожалению, и действующее федеральное законодательство, и наше ведомственное правотворчество, как уже было мною отмечено в начале доклада, немногословно в части регламентации рассматриваемой организационной формы прокурорского уголовного преследования.

Вместе с тем в ходе переписки с Главным уголовно-судебным управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2022 году по вопросу уточнения положений Приказа № 376 профильным отделом прокуратуры Новгородской области получены весьма ценные разъяснения методического характера относительно того, как на практике должна строиться работа в случае создания и функционирования группы обвинителей.

Так, было разъяснено, что положения пунктов 1.4, 7, 10 Приказа № 376, касающиеся создания групп государственных обвинителей, с определением их состава и руководителя, следует расценивать как универсальные, сформулированные с учетом всех возможных ситуаций.

Отмечено, что на руководителя группы возлагаются обязанности по выработке единой позиции по уголовному делу, общему руководству и распределению участков работы между членами группы, взаимодействию с вышестоящим прокурором и иными должностными лицами. В Приказе № 376 акцентировано внимание на обязательное наличие в группе ее руководителя, что свидетельствует о его организационных функциях.

При этом обращено внимание, что каждый член группы в судебном заседании является самостоятельным участником процесса, наделенным процессуальными правами и представляющим сторону обвинения. Вместе с тем в силу руководящего положения в группе согласование с руководителем группы ключевых процессуальных позиций стороны обвинения является обязательным.

Также нашло свое отражение в разъяснении Главного уголовно-судебного управления то, что формы (способы) распределения нагрузки на каждого государственного обвинителя в составе группы должны определяться

---

[14] Подробнее об этом: Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. Когда расстреливали прокуроров. Рассказы о военных прокурорах. — М.: 2000. С. 135—145.

сложностью и особенностями рассматриваемого дела, квалификацией государственных обвинителей, их специализацией и тактической ситуацией по делу.

Дополнительно позиция Генеральной прокуратуры о практике поддержания государственного обвинения в составе группы обвинителей нашла свое отражение в информационном письме заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 02 августа 2024 года, в котором обобщены итоги Всероссийского конкурса имени О.Т. Анкудинова на звание «Лучший государственный обвинитель», проведенного в текущем году[15]. В нем обращено внимание на то, что особенностью поддержания обвинения в составе группы является выработка консолидированной позиции по всем вопросам, имеющим значение по делу, в том числе относительно тактики предъявления доказательств, опровержения версий защиты, квалификации содеянного, наказания, судьбы арестованного имущества и прочее. В качестве примера участия в прениях группы государственных обвинителей приводится выступление с речью по делу об организации преступного сообщества, совершенных его участниками убийствах и экономических преступлениях, когда, в частности, один из обвинителей был назначен ответственным за доказывание экономической составляющей деятельности преступной организации и в своей речи анализировал доказательства виновности подсудимых в преступлениях в сфере экономики.

Таким образом, весьма лаконичные положения уголовно-процессуального закона и отраслевого приказа дополнены весьма ценными указаниями на роль руководителя группы обвинителей, возможность распределения между ее членами участков работы.

Однако, представляется, что правовая регламентация деятельности группы государственных обвинителей нуждается в дальнейшем совершенствовании как на законодательном, так и подзаконном, ведомственном уровне. При этом правовое регулирование работы группы государственных обвинителей должно строиться в основе своей на тех же принципах, что и следственных групп, также реализующих функцию обвинения в уголовном судопроизводстве, поскольку прокурорская деятельность, подчиненная принципам единоначалия и внутренней служебной дисциплины, должна, при сохранении за государственными обвинителями разумной творческой инициативы и процессуальной самостоятельности, в то же время быть подчинена достаточно строгим правилам и инструкциям.

Анализируя положения уголовно-процессуального закона, нетрудно увидеть, что применительно к досудебному производству законодатель с высокой степенью детализации регламентировал, каким образом должно производиться предварительное следствие следственной группой — как распределяются полномочия между членами группы, какие процессуальные решения могут быть приняты исключительно ее руководителем.

---

[15] Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 02.08.2024 № 12-16-2024 «Об итогах Всероссийского конкурса имени О.Т. Анкудинова на звание «Лучший государственный обвинитель».

Соответственно, и применительно к осуществлению уголовного преследования в судебных стадиях необходимо наполнить конкретным содержанием компетенцию руководителя группы, предусмотреть варианты распределения обязанностей между руководителем и членами группы государственных обвинителей.

Так, разумным видится закрепление за руководителем группы обязанностей по визированию таких процессуальных документов, подготавливаемых при поддержании обвинения, как перечень доказательств, предъявляемых стороной обвинения в ходе судебного разбирательства, ходатайства об изменении обвинения либо об отказе от такового, об исключении доказательств из числа допустимых, заявления об отводе участников судопроизводства, предложения, представляемые суду в порядке части 7 статьи 292 УПК, апелляционные представления на промежуточные и итоговые судебные решения и возражения на жалобы других участников, а также рапорт о результатах рассмотрения уголовного дела.

Также целесообразно нормативно определить, что распределение обязанностей и участков работы между членами группы может осуществляться по таким принципам как:

- предметный, закрепляющий за каждым обвинителем проработку доказательственной базы по отдельным блокам многоэпизодной преступной деятельности либо обеспечение взаимодействия с оперативно-разыскными подразделениями правоохранительных органов, следственными органами и экспертными учреждениями;

- персональный, предполагающий доказывание обвинителем роли конкретного подсудимого, являющегося соучастником групповой или организованной преступной деятельности;

- или смешанному, когда допускается оговоренное руководителем группы совмещение различного рода направлений деятельности конкретным государственным обвинителем.

Представляется, что полноценное регулирование организации этой работы позволит после обобщения прокурорской практики унифицировать подходы различных территориальных прокуратур к поддержанию обвинения группой государственных обвинителей, расширит практическое применение этой формы уголовно-судебной деятельности прокуроров и поспособствует повышению ее эффективности.

Н. Н. ЗАГВОЗДКИН

ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА СРОК НЕ БОЛЕЕ 30 СУТОК В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ЗАКОННОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Специальная военная операция (далее по тексту — СВО), начатая Российской Федерацией в феврале 2022 г., повлекла за собой значительные изменения в социально-экономической сфере, а также в различных отраслях российского законодательства. Многочисленные новеллы, внесенные зача-

стую в экстренном порядке, например, в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ), на мой взгляд, нуждаются в критическом осмыслении и, возможно, в коррекции.

Так, например, в результате принятия Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ[16] расширилось понятие задержания (п. 11 ст. 5 УПК РФ), которое в условиях военного положения стало возможным на срок не более 30 суток с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Аналогичные положения содержатся в части второй ст. 5 Федерального закона «О применении положений УК РФ и УПК РФ на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области»[17] (далее по тексту — новые субъекты).

Первым вышеназванным законом изменено содержание части второй ст. 100 УПК РФ — в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого предъявление обвинения по тяжким и особо тяжким преступлениям в условиях военного положения можно отсрочить до 45 суток, иначе мера пресечения подлежит немедленной отмене.

Полагаю, что обсуждаемая новелла (задержание подозреваемого на срок до 30 суток), появление которой можно объяснить многими объективными причинами (присоединение к Российской Федерации четырех новых субъектов, введение на их территории военного положения, необходимость срочного формирования и укомплектования кадрами судебных и правоохранительных органов и др.), противоречит части второй ст. 22 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что: 1) арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению; 2) до судебного решения лицо не может быть задержано на срок более 48 часов.

Хочу обратить внимание коллег на несколько теоретических, нормативных (законодательных) и правоприменительных аспектов, связанных с обозначенной межотраслевой проблемой.

1. Следует признать, что слово «арест», с которого начинается упомянутая конституционная норма, с учетом значительных изменений в федеральном законодательстве, произошедших с момента принятия в 1993 г. Основного закона (вступление в действие УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ и др. федеральных законов), вызывает неоднозначное понимание. В первом значении арест — один из видов уголовного наказания (п. «и» ст. 44 УК РФ), назначаемый приговором суда, и явно не имеет отношения к перечисляемым далее уголовно-процессуальным понятиям «заключение под стражу» (ст. 108 УПК РФ), «содержание под стражей» (ст. 109 УПК РФ), «задер-

[16] О внесении изменений в УПК РФ : Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] О применении положений УК РФ и УПК РФ на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области : Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жание» (ст. 91 УПК РФ). Далее следует назвать административный арест как вид административного наказания, назначаемый судьей (п. 6 ч. 1 ст. 3.2., ст. 3.9. Кодекса РФ об административных правонарушениях). Третьим сходным понятием является дисциплинарный арест с помещением военнослужащего на гауптвахту как крайняя мера дисциплинарного воздействия, назначаемый судьей гарнизонного военного суда (пп. 2 и 4 ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих»[18]).

Не исключаю, что термин «арест» есть и в других федеральных законах — автор этих строк не задавался целью провести исчерпывающе полный анализ.

Перечисленные виды ареста, урегулированные в разных отраслях права (уголовное, административное, военное), объединяют сущность (изоляция лица от общества) и судебная процедура их назначения.

Таким образом, слово «арест», используемое в действующей редакции части второй ст. 22 Конституции Российской Федерации без разъяснения этого неоднозначного понятия, нарушает смысл и логику обсуждаемой нормы, в которой речь идет о мерах процессуального принуждения (задержание, заключение под стражу, содержание под стражей), предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

2. Статья 22 Конституции Российской Федерации в части запрета задержания на срок более 48 часов без судебного решения является нормой прямого действия (ч. 1 ст. 15), то есть не требует конкретизации в других законах. Она не содержит оговорки «иначе как в случаях, установленных федеральным законом» — как, например, ст. 25 Основного закона, которая не обладает указанным свойством. Прямое действие следует из буквального содержания нормы, ее систематического, судебного и доктринального толкования[19].

3. Сравнительно недавняя история из 90-х годов прошлого столетия дает нам показательные примеры. Вскоре после принятия Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин своим Указом санкционировал возможность задержания подозреваемых в бандитизме на срок до 30 суток[20]. Несмотря на то, что норма подзаконного нормативно-правового акта противоречила статьям 15 и 22 Основного закона,

---

[18] О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая1998 г. № 76-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 мая 2024 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] См., например: По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П : Пункт 3.2. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный). — 2-е издание, изм. и доп. Рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. — Москва : Статут, 2013. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности : Указ Президента РФ от 14 июля 1994 г. № 1226. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а также действовавшему тогда УПК РСФСР 1960 года, Указ, с энтузиазмом воспринятый правоохранительными органами, действовал три года до его отмены инициатором — при гробовом молчании высших законодательных, судебных, прокурорских и исполнительных органов власти, ставящем под сомнение понятия «правовое государство», «права человека», «законность» и подтверждающим декларативность конституционных норм. При этом научное, адвокатское и журналистское сообщество, а также правозащитники оценили Указ и практику его применения однозначно отрицательно[21].

4. На мой взгляд, нельзя не учитывать, что судебные и правоохранительные органы, адвокатура в новых субъектах находятся в стадии формирования, что в условиях ослабленного судебного и ведомственного контроля, прокурорского надзора, ограниченного доступа к услугам защитников создает угрозы злоупотреблений должностных лиц предоставленными на период военного положения полномочиями.

5. А.А. Орлова обоснованно обращает внимание на иные проблемы соблюдения сроков задержания подозреваемого в условиях военного положения, например, на различия в исчислении часов и суток[22].

6. К сожалению, качество законодательства, принимаемого в связи с проведением СВО, — зачастую поспешно, в условиях дефицита времени, — вызывает обоснованную критику ученых-правоведов и других представителей юридического сообщества. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, нормы которого изначально требовалось включать в тексты УК и УПК РФ, однако эта грубая законодательная ошибка, противоречащая духу и букве указанных Кодексов, была исправлена позднее[23].

7. Расширение полномочий следователей в части задержания подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях на срок до 30 суток теоретически можно было бы оценить как целесообразное и оправданное — отвечающее временным потребностям правоохранительных органов в условиях военного положения, необходимости немедленного реагирования на совершенные преступления.

8. Обсуждаемое полномочие, на мой взгляд, следует оценить как незаконное, противоречащее статье 22 Конституции Российской Федерации (норме прямого действия). В конкуренции понятий «законность» и «целесообразность» первое превалирует над вторым — в правовом государстве, где права и свободы человека провозглашены как высшая ценность (ст. 2 Конституции Российской Федерации) иначе быть не может.

---

[21] См, например : Деришев Ю. В., Овчинников Ю. Г. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий. — Омск : Омский юридический институт, 2012. С. 161—162; Цыреторов А. И. Подзаконные нормативные правовые акты как источники уголовно-процессуального права // Журнал российского права. — 2023. — № 2. — С. 101—111.

[22] Орлова А. А. Соблюдение сроков задержания подозреваемого в условиях военного положения // Мировой судья. — 2024. — № 6. — С. 14—19.

[23] См. подробнее : Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. — 2023. — № 4. — С. 101—105.

9. Представляется вполне достаточным для нужд органов предварительного расследования полномочие, закрепленное в новой редакции части второй ст. 100 УПК РФ, а именно — избирать в отношении вышеуказанных подозреваемых меру пресечения (среди которых могут быть залог, запрет определенных действий, домашний арест и заключение под стражу) на срок до 45 суток, которого хватит для установления причастности лица и решения о предъявлении ему обвинения. В такой ситуации меры пресечения — в отличие от задержания на срок не более 30 суток — будут находиться под судебным контролем.

10. Полагаю, что в качестве «резервного» варианта возможно административное задержание правонарушителя на срок до 30 суток в случае нарушения запретов и ограничений, установленных указами Президента Российской Федерации на территории, на которой введено военное положение (п. 8.1. ч. 1 ст. 14 Федерального конституционного закона «О военном положении»[24]), хотя и в этом случае заложены возможности злоупотреблений должностных лиц, реализующих указанный правовой режим.

11. В условиях длящейся более двух лет СВО и военного положения на территориях четырех новых субъектов Российской Федерации должны быть предприняты самые энергичные меры по ресурсному обеспечению (финансированию, формированию, укомплектованию и др.) судебных и правоохранительных органов, адвокатского сообщества, созданию для них надлежащих условий труда[25].

Автор этих срок не претендует на исчерпывающий анализ всех многочисленных аспектов обсуждаемой новеллы в рамках данной статьи и приглашает коллег из юридического сообщества и всех заинтересованных лиц к неизбежной дискуссии.

А. А. ИВАНОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗАПРОСОВ КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Органами прокуратуры Российской Федерации в последние годы все больше внимания уделяется вопросам совершенствования форм международного взаимодействия по борьбе с преступностью. Вызовы, с которыми правоохранительные органы сталкиваются в условиях глобализации соци-

---

[24] О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1 ФКЗ: текст с изм. и доп. на 02 ноября 2023 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[25] См. подробнее: Загвоздкин Н. Н. Правоохранительные органы РФ : назревшие проблемы и пути их решения в условиях специальной военной операции // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации. VII Тихоокеанский юридический форум, 13—15 октября 2023 г. : материалы / сост. В.В. Гаврилов. — Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. ISBN 978-5-7444-5633-7. DOI https://doi.org/10.24866/7444-5633-7. — С. 125—129.

альных, экономических, технологических и иных процессов, требуют принятия адекватных, соразмерных решений, консолидации усилий по борьбе с негативными преступными проявлениями, в том числе носящими международный характер.

В условиях процесса унификации норм национальных правовых систем и имплементации в них норм международного права, именно создание на уровне органов, напрямую осуществляющих деятельность по борьбе с преступлениями, отдельных нормативно-правовых актов, способствующих определению порядка, форм и механизмов взаимодействия правоохранительных ведомств при решении конкретных вопросов уголовного судопроизводства, является ключом к успешному противодействию преступным посягательствам.

Ранее среди учёного сообщества наиболее распространенным являлось мнение, что понятие правовой помощи в международном праве «охватывает всю совокупность отношений между государствами, вытекающими из требований и положений международных договоров, участниками которых являются Договаривающиеся субъекты, то есть государства»[26].

Указанная точка зрения подтверждается и формулировками, приведенными в ряде международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией. Например, в ст. 6 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 года указывается, что Договаривающиеся Стороны оказывают взаимную правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны, в частности, составления, пересылки и вручения адресату документов, производства осмотров, обысков, выемок, передачи вещественных доказательств, проведения экспертиз, допроса сторон, третьих лиц, подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, гражданских истцов, гражданских ответчиков, их представителей, законных представителей обвиняемых, экспертов, предъявления для опознания, в том числе с использованием видеосвязи, видеозаписи и иных технических средств, розыска лиц, осуществления оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследуемого уголовного дела, уголовного преследования, выдачи лиц для привлечения их к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение, розыска и ареста (изъятия) денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также доходов от преступной деятельности, розыска имущества и денежных средств гражданских ответчиков для исполнения решений по гражданским делам, коммерческим и иным экономическим спорам, признания и исполнения исполнительных надписей, судебных решений по гражданским делам и приговоров[27].

---

[26] Например, Волженкина В. М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: Учебное пособие. СПб, 1999. стр. 5

[27] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002).

Таким образом, вышеуказанная Конвенция раскрывает понятие правовой помощи в широком смысле, как на то указывает в своих трудах В. В. Милинчук[28].

Как отмечает Е.В. Баркалова, «в последние годы существенно обновилась ведомственная нормативная правовая база органов прокуратуры Российской Федерации»[29], урегулировавшая отношения, возникающие при реализации органами прокуратуры полномочий по осуществлению отдельных направлений международного сотрудничества.

Подобное разграничение отдельными организационно распорядительными документами по осуществления взаимодействия в сфере международно-правового сотрудничества только подтвердило ранее высказанное еще в 2009 году мнение Давыдовой М.В. о том, что «нормы, регулирующие вопросы правовой помощи составляют самостоятельный институт российского уголовно-процессуального законодательства наряду с институтом выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора и институтом уголовного преследования лица по запросу иностранного государства» [30].

В целях совершенствования ведомственного регулирования порядка осуществления международного сотрудничества Генеральной прокуратурой Российской Федерации утверждено два отдельных организационно-распорядительных документа, а именно указание Генерального прокурора Российской Федерации от 05.03.2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора», регулирующих вопросы проведения процедуры выдачи (экстрадиции) как в Российскую Федерации, так и из Российской Федерации, а также указание Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам», в котором уделено внимание вопросам, связанным с реализацией функций по осуществлению уголовного преследования скрывшихся за рубежом обвиняемых и подозреваемых, осуществлению уголовного преследования лиц, скрывшихся на территории Российской Федерации по запросам компетентных органов иностранных государств, направления и исполнения запросов о правовой помощи при осуществлении предварительного расследования по уголовным делам.

При этом если первое полностью посвящено вопросам, связанным с выдачей преступников из Российской Федерации правоохранительным орга-

---

[28] Милинчук, В. В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам: действующая практика и перспективы развития / В. В. Милинчук. — Москва : Юрлитинформ, 2001. С 14.

[29] Баркалова, Е. В. Международное сотрудничество органов прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства учебное пособие / Е. В. Баркалова. — Санкт-Петербург Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. С. 4

[30] Давыдова М. В. Основания и порядок осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам : автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

нам компетентных органов иностранных государств, то второе сосредоточено непосредственно на решении вопросов сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по уголовным делам путем выполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам и осуществлению уголовного преследования.

Немаловажным является и тот факт, что именно в указании от 16.01.2020 № 23/35 обеспечено отграничение направлений осуществления правовой помощи в виде «запросов о правовой помощи» и «запросов об осуществлении уголовного преследования». Таким образом, руководствуясь логикой и структурой указанного организационно-распорядительного документа, следует обозначить, что направление и исполнение запросов о правовой помощи является самостоятельной формой международно-правового сотрудничества в сфере осуществления взаимодействия между органами прокуратуры Российской Федерации и органами прокуратуры иностранных государств, либо иными органами, выполняющими аналогичную функцию в зарубежных системах государственных органов.

Перед тем как коснуться вопроса организации исполнения органами прокуратуры запросов о правовой помощи, поступающих из компетентных органов иностранных государств, следует отграничить их по своей правовой сути от запросов о правоохранительном содействии, порядок исполнения которых в многом схож с порядком исполнения запросов о правовой помощи.

В целях обеспечения надлежащего функционирования указанного правового института Генеральным прокурором Российской Федерации 09.03.2022 утверждено указание № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности», в котором раскрывается суть международного сотрудничества в сфере оказания правоохранительного содействия. Данным ведомственным актом само понятие правоохранительного содействия не раскрывается, однако в пункте 1 указано то, что содействие в сфере правоохранительной деятельности осуществляется по тем категория запросов, в которых затрагиваются вопросы обмена информацией и документами, а также производства действий, которые не затрагивают вопросов оказания правовой помощи.

С учетом того, что ни Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, ни указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» не дается конкретного определения понятию запроса о правовой помощи, представляется необходимым выделить его основные черты, приведённые в п. 1 ст. 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как следует из содержания указанной правовой нормы, запрос о правовой помощи — это документ компетентного органа иностранного государства, в котором запрашивается производство допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ на территории другого государства.

При этом, положения ст. 453 УПК РФ регулируют вопросы, связанные с направлением в компетентные органы иностранного государства запроса о правовой помощи, в то время как исполнение запросов компетентных органов иностранных государств регулируется положениями ст. 457 УПК РФ, не раскрывающими само понятие «запрос о правовой помощи иностранного государства».

Таким образом, если исходить из буквального прочтения норм УПК РФ, применяя аналогию права, содержание иностранного запроса о правовой помощи относится лишь к производству процессуальных действий на территории Российской Федерации, в то время как запрос о правоохранительном содействии касается вопросов информационного обмена между правоохранительными органами иностранных государств, не требующих производства каких-либо следственных и процессуальных действий, а также обязательного наличия возбужденного уголовного дела или зарегистрированного сообщения о преступлении как основания для направления запроса о правовой помощи.

Несмотря на подобное разграничение институтов правовой помощи и правоохранительного содействия, анализ фактически поступающих для организации исполнения запросов компетентных органов иностранных государств, позволяет высказать мнение о наличии в них характерных критериев обеих обозначенных категорий.

Следует отметить, что с учетом ранее приведенных положений Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 года нерегламентированным в национальном законодательстве остаются вопросы, связанные с проведение по запросам компетентных органов иностранных государств оперативно-розыскных мероприятий на территории иностранного государства, в случае если они не связаны с процедурой объявления лица в межгосударственный или международный розыск, поскольку последние регулируются Договором государств - участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц, заключенным в г. Москва 10.12.2010 года и совместным Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола».

Несмотря на некоторую конкретизацию порядка и сроков организации исполнения запросов об оказании правовой помощи, приведенных в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федера-

ции по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам», сам порядок исполнения запроса о правовой помощи, поступившего из компетентного органа иностранного государства в настоящее время остается недостаточно регламентированным.

Одним из наиболее проблемных вопросов, связанных с организацией исполнения поступающих запросов об оказании правовой помощи, является компетенция конкретных правоохранительных органов, уполномоченных на их исполнение.

Например, положениями ст. 453 УПК РФ органы дознания не предусмотрены в качестве субъектов, способных инициировать вопрос о внесении запроса о правовой помощи, в связи с чем, возникает и спор о возможности исполнения указанными органами запросов о правовой помощи, поступающих из-за рубежа.

В практике прокуратуры г. Санкт-Петербурга при организации исполнения запросов о правовой помощи, в том числе, поступающих из компетентных органов государств – членов СНГ по категориям преступлений, отнесенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к посредственности органов дознания, выявлялись факты передачи их нижестоящими прокурорами для исполнения следственным органам.

Представляется, что суждение о фактическом исключении органов дознания Российской Федерации из числа субъектов, уполномоченных на исполнение запросов о правовой помощи является в корне неверным.

Федеральным законом от 06.06.2019 № 120-ФЗ «О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам» установлены полномочия как МВД России в целом, так и органов дознания по исполнению иностранных запросов о правовой помощи, Указом Президента Российской Федерации от 17.04.2017 № 170 «О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств – участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и Протокола к ней от 28.03.1997», Указом Президента Российской Федерации от 15.05.2023 № 349 «О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств - участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002» такими полномочиями наделены территориальные органы МВД России без исключения из них органов дознания. Данные правовые акты устанавливают нормы, специальные по отношению к общей норме ч. 1 ст. 457 УПК РФ, а также являются более поздними по времени принятия.

Указание о необходимости руководствоваться соответствующими положениями Указов Президента Российской Федерации и Федеральных законов Российской Федерации нашло своё отражение и в п. 1.1.3.7 указания

Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам».

Вместе с тем, вопросы, касающиеся сравнительного-правового анализа расследуемого компетентным органом иностранного государства преступления в соответствии со статьей Уголовного кодекса Российской Федерации и его подследственности в соответствии с требованиями ст. 151 УПК РФ зачастую остаются без должного внимания, поскольку прямой ссылки на необходимость их соблюдения в указанной части в вышерассмотренном ведомственном организационно-распорядительном документе не содержится.

Следует отметить, что данная проблематика наиболее характерна и особенно часто встречается в действующей практике при исполнении запросов о правовой помощи по уголовным делам, связанным с неуплатой алиментов, и иных, отнесенных к подследственности дознавателей органов принудительного исполнения Российской Федерации.

Проблемными являются и вопросы, связанные с выполнением иностранных запросов о правовой помощи о производстве следственных и процессуальных действий, связанных с выемкой предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну.

Так, до обеспечения возбуждения следователем с согласия руководителя следственного органа и дознавателем с согласия прокурора перед судом в порядке ст. 165 УПК РФ ходатайства о производстве следственного действия, а также фактического производства выемки в организации и государственном органе в соответствии с запросом иностранного государства точный характер и содержание планируемых к получению сведений является неизвестным.

В особенности данное утверждение является актуальным для документов, полученных по результатам обыска или выемки в электронном формате (на электронных носителях информации), последующее ознакомление с содержанием которых возможно лишь с использованием специальных технических средств.

Пунктом 1.1.3.5 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» закреплено положение о том, что исполнение иностранного запроса о правовой помощи не должно противоречить основополагающим принципам законодательства Российской Федерации либо наносить ущерб ее суверенитету или безопасности.

В целях соблюдения данных требований указания предполагается необходимым обеспечивать в каждом случае исполнения иностранного запроса о правовой помощи осмотр электронных носителей, содержащих изъятую информации, однако соответствующее требование фактически не нашло своего отражения в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Особенно актуальным этот

вопрос является при исполнении запросов о правовой помощи прокуратурами субъектов Российской Федерации, уполномоченных международными соглашениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации и компетентных органов иностранных государств на осуществление прямых сношений, минуя стадию направления материалов, полученных в ходе исполнения запроса, в Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

При исполнении запросов об оказании правовой помощи сложности возникают и при определении процессуального статуса лица, с которым иностранным государством запрашивается производство следственных действий, в частности допроса.

Например, при исполнении запросов о правовой помощи, поступающих из компетентных органов Социалистической Республики Вьетнам при наличии сведений об инициированном уголовном расследовании, в рамках которого оказывается правовая помощь, а также наличии в самом тексте запроса сведений о причастности лиц к расследуемому преступлению, их конкретный правовой статус не всегда указывается, что обусловлено особенностями национального законодательства, не дающего чёткого разграничения участников уголовного процесса[31].

При исполнении таких запросов в отсутствии четкого разграничения правового статуса лица как свидетеля, подозреваемого или обвиняемого, предполагается необходимым в каждом конкретном случае принимать меры к его уточнению на основании заключенных двусторонних соглашений путем прямых контактов с инициатором запроса.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые проблемные вопросы организации исполнения поступающих запросов о правовой помощи. В целом, следует отметить, что какого-либо обобщенного анализа проблем, возникающих при организации исполнения запросов об оказании правовой помощи до настоящего времени не имеется, поскольку данная работа требует углубленного изучения как действующих международных договоров и соглашений Российской Федерации, так и договоров, заключенных прокуратурой Российской Федерации с компетентными иностранными ведомствами, их сопоставления с национальными правовыми системами других государств, обеспечение производства комплексного анализа с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем, подробный и тщательный анализ проблем на данном направлении деятельности не только будет способствовать более эффективному осуществлению взаимодействия с иностранными партнёрами, но и позволит обеспечить дальнейшее совершенствование работы по заключению межведомственным соглашений с компетентными учреждениями иностранных государств.

---

[31] Участники уголовного процесса в Социалистической Республике Вьетнам, Закон и право 05-2020, ФАМ Ван Минь, https://cyberleninka.ru/article/n/uchastniki-ugolovnogo-protsessa-v-sotsialisticheskoy-respublike-vietnam

Г. Н. КИРУША

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении многих десятилетий ученые и законодатель признают необходимость установления дополнительных гарантий прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Однако, нормативное регулирование данных гарантий, как и практика реализации соответствующих норм, к сожалению, далеки от идеала.

Законное представительство — та гарантия, которая в идеале могла бы стать основой для всех иных. Основанная на семейных связях или профессиональной заинтересованности сотрудников, чьей первоочередной целью должна быть защита прав и законных интересов ребенка, эта гарантия призвана дать несовершеннолетнему надежную опору, чувство уверенности и защищенности в сложной для него ситуации, а также предотвратить, как поведение самого несовершеннолетнего вопреки своим интересам, так и нарушения прав несовершеннолетнего со стороны других участников уголовного судопроизводства.

Однако, как по причине безучастности значительной части законных представителей, так и в связи с незаинтересованностью лиц, осуществляющих предварительное расследование, эта гарантия нередко становится простой формальностью, отметкой в процессуальных документах и чаще всего особой роли законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства не играют, а иногда, к сожалению, сами являются причиной нарушения прав представляемого лица.

Сильно повлиять на вовлеченность всех законных представителей, их активность вряд ли возможно. Но можно попытаться скорректировать деятельность представителей учреждений и организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний участник уголовного судопроизводства, а также представителей органов опеки и попечительства, которые нередко привлекаются в качестве законных представителей и чья деятельность в качестве таковых нередко подвергается критике[32]. Их деятельность подконтрольна руководителю, от которого они находятся в служебной зависимости, усиление контроля с его стороны, неминуемость дисциплинарного взыскания за допущенные нарушения могут несколько улучшить ситуацию. Помимо этого, к сотрудникам предъявляются определенные квалификационные требования, проводится их обучение, которое должно

[32] См.: Литвинцева Н.Ю. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 4. С. 570, Михайлова Т.Н. Уголовно-процессуальная модель защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 61.

предполагать изучение вопросов осуществления законного представительства в уголовном судопроизводстве. Например, «Приказом Минобрнауки России от 24.02.2015 № 121 утверждена примерная дополнительная профессиональная программа повышения квалификации для работников органов опеки и попечительства[33] (далее — Программа). Программа не содержит упоминания об УПК РФ при характеристике правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства и не предполагает изучения вопросов участия представителей данных органов в уголовном судопроизводстве в качестве законных представителей несовершеннолетних его участников, что, по нашему мнению, является упущением. Предлагаем дополнить примерный учебный план (п. 8 Программы) разделом 2.4. «Обеспечение и защита прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства при выполнении функций их законных представителей»[34].

Кроме того, в УПК РФ практически без внимания оставлен процессуальный статус законного представителя несовершеннолетнего свидетеля. Изучение протоколов следственных действий в архивах судов Вологодской и Костромской областей позволяет сделать вывод, что чаще всего этим участникам разъясняются права, предусмотренные ст. 45 УПК РФ, которая касается представителя несовершеннолетнего потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя, что указывает на применение аналогии закона. Стоит согласиться с правоприменителями в том, что принцип определения объема прав законного представителя несовершеннолетнего свидетеля должен быть тем же, что и у законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, то есть его права должны основываться на правах представляемого лица, однако, это требует нормативного закрепления.

Также требуется расширение прав законных представителей несовершеннолетних свидетелей и подозреваемых, обвиняемых при производстве судебной экспертизы. В настоящее время в главе 27 УПК РФ подробно регламентированы лишь права представителя (в т.ч. законного представителя) потерпевшего, в аналогичных правах, по нашему мнению, нуждается и законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, наряду с представляемым лицом. Стоит отметить, что правоприменительная практика идет именно по такому пути. Так, во всех изученных в архивах уголовных делах, при ознакомлении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта присутствовал законный представитель, несмотря на отсутствие прямого указания на это в ч. 3 ст. 195 УПК РФ и ч. 1 ст. 206 УПК РФ,

---

[33] См.: Приказ Минобрнауки России от 24.02.2015 № 121 «Об утверждении примерной дополнительной профессиональной программы повышения квалификации для работников органов опеки и попечительства» // СПС «Консультант Плюс».

[34] Кируша Г.Н. Некоторые проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства их законными представителями // Сборник статей по результатам III Международной научно-практической конференции «Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве» — Том 2 // под ред. д.ю.н, доцента С.А. Трофимова, к.ю.н., доцента Е.В. Евсиковой, сост. И.В. Хмиль. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. — С. 285—286.

в то же время в протоколах чаще всего указывалось, что права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ и ч. 1 ст. 206 УПК РФ, разъяснялись лишь подозреваемому, обвиняемому, защитнику. Представляется, что в перечень субъектов, наделенных данными правами, должен входить и законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, в число субъектов, которые должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы, также должны входить свидетель, в отношении которого назначается экспертиза, и его законный представитель, они также должны иметь право ознакомиться с заключением эксперта.

Следующая гарантия прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства — это возможность получения в ходе судопроизводства квалифицированной юридической помощи.

В настоящее время гарантированность квалифицированной юридической помощи можно констатировать лишь в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В то же время ее значимость для несовершеннолетнего потерпевшего в последние годы также признается законодателем. Так, с появлением ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, получил право ходатайствовать об участии адвоката в качестве представителя такого потерпевшего. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета. Важно отметить также опыт некоторых регионов РФ, которые установили для несовершеннолетних потерпевших возможность в определенных случаях получить помощь адвоката бесплатно на различных этапах уголовного процесса, с оплатой их труда за счет средств бюджета субъекта РФ[35]. И все же можно сказать, что лишь незначительное количество несовершеннолетних потерпевших имеет реальную возможность получить квалифицированную юридическую помощь бесплатно. Полагаем, что право ходатайствовать об участии адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего с оплатой его труда за счет средств федерального бюджета должно быть предусмотрено для всех несовершеннолетних потерпевших, вне зависимости от категории дел.

Еще одна гарантия, на которую необходимо обратить внимание — это обязательное участие педагога, психолога, которое предусматривается при производстве ряда следственных действий с несовершеннолетними. При этом процессуальный статус данных участников судопроизводства практически не регламентирован. На практике это вызывает непонимание, как со стороны следователей и дознавателей относительно того, какие права необходимо разъяснить педагогу, психологу, так и со стороны самих

[35] См.: Закон Вологодской области от 16.03.2015 № 3602-ОЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Вологодской области» // Красный Север. 21.03.2015. № 29, Закон Ставропольского края от 11.11.2010 № 94-кз «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства» // Ставропольская правда. 13.11.2010. № 249.

педагогов, психологов, которым не всегда ясно, для чего они привлекаются, а также, что они могут и обязаны делать при производстве следственных действий.

Изучение протоколов следственных действий в архивах судов показало отсутствие единообразной практики относительно того, какие права разъясняются педагогу, психологу. Можно обозначить 3 варианта: 1) разъяснение прав, предусмотренных только статьями 58 и 168 УПК РФ, 2) разъяснение прав, предусмотренных статьями 58, 168 и 425 УПК РФ, 3) разъяснение прав, предусмотренных только ч. 5 ст. 425 УПК РФ. Из них первый вариант наиболее распространен, а последний имел место лишь в одном из уголовных дел, изученных в Вологодском районном суде[36]. При этом, второй вариант, предполагающий разъяснение прав, предусмотренных в том числе ст. 425 УПК РФ, которая посвящена допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, использовался не только при производстве этого следственного действия, но и при протоколировании следственных действий с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими, что позволяет говорить о применении правоприменителями аналогии закона. Такая неопределенность, как в законодательстве, так и правоприменении является одной из причин непонимания педагогами, психологами своих целей и возможностей, что в том числе может приводить к пассивному и безучастному поведению.

По нашему мнению, должен быть определен самостоятельный статус педагога и психолога с предоставлением прав, соответствующих цели их участия в производстве следственных действий. Цель не определена в УПК РФ и в научной литературе неоднократно высказывались различные мнения о ее содержании[37]. По нашему мнению, достаточно точно она обозначена Конституционным Судом Российской Федерации в одном из определений, «педагог или психолог участвуют в уголовном деле … в целях предотвращения возможного избыточного неблагоприятного воздействия на психику несовершеннолетнего»[38]. Исходя из этой цели педагог, психолог должен иметь возможность беседовать с несовершеннолетним участником судопроизводства, как перед производством следственного действия, так и, при необходимости, в перерыве, кроме того, педагог, психолог, должен иметь возможность влиять на продолжительность следственного действия, учитывая психологические состояние несовершеннолетнего, а именно: заявлять ходатайство о перерыве, о завершении следственного действия или его отложении.

---

[36] См.: Уголовное дело № 1-112/2018 // Архив Вологодского районного суда.

[37] См.: Машинская Н.В. Цели участия педагога и психолога в досудебном производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Право и образование. 2015. № 5. С. 138, Миронова А.В. Мандрыка Ю.С. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства при проведении процессуальных действий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 89.

[38] Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 3296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Димитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности части пятой статьи 172, части первой статьи 173 и части третьей статьи 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Также, следует устранить несоответствие регулирования данной гарантии применительно к несовершеннолетним с разным процессуальным статусом. Так, участие педагога, психолога должно быть предусмотрено не только при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, как это в настоящее время предусмотрено в ст. 425 УПК РФ, но и при производстве очной ставки, опознания и проверки показаний на месте, как это закреплено в ст. 191 УПК РФ для несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

В завершении хотелось бы отметить, что, к сожалению, в настоящее время можно констатировать отсутствие единой модели обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства с разными процессуальными статусами. Нормы, закрепляющие те или иные гарантии, распространены по всему кодексу, при этом для подозреваемого, обвиняемого по большей части сконцентрированы в главе 50 УПК РФ, а для потерпевшего и свидетеля — в ст. 191 УПК РФ. В итоге складывается ситуация, что для несовершеннолетних с разными процессуальными статусами предусматриваются некоторые схожие по сути гарантии с различным регулированием их содержания, которое не обусловлено отличиями процессуальных статусов.

Полагаем, что на основе главы 50 УПК РФ может быть создана единая модель обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Для этого необходимо устранить ряд существующих противоречий, восполнить имеющиеся пробелы и представить данную главу в обновленном содержании.

С. Л. КИСЛЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МОДУЛЬНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В современных реалиях уголовной политики и правоприменительной практики к одной из неотложных задач правосудия относится повышение эффективности практической деятельности правоохранительных органов на протяжении всего процесса уголовного преследования, вплоть до вступления приговора суда в законную силу. Ключевая обеспечительная роль в повышении эффективности реализации технологий досудебного и судебного изобличения преступников в разных ситуациях правоприменительной деятельности, несомненно, отводится криминалистической науке, возможности которой наиболее востребованы и апробированы практикой право-

охранительных органов по выявлению, познанию и доказыванию преступных событий.

Однако следует констатировать, что современная криминалистика продолжает оставаться наукой, рекомендации которой адресованы в большей степени нуждам практики досудебного выявления преступлений и изобличения лиц, их совершивших. Отчасти это объясняется тем, что большинство имевших место в криминалистической теории попыток обосновать и сформировать «криминалистику для государственных обвинителей» ограничивались механическим переносом традиционных (следственных) криминалистических категорий на область деятельности прокурора в суде. Что априори затрудняло формирование специализированных тактических и методических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности данного субъекта с учетом специфических условий судебного исследования доказательств. И это обусловлено такими факторами, как:

- малая продуктивность рекомендаций «следственной криминалистики» в условиях судебного производства по делу ввиду слабой изученности причинно-следственных связей, присущих переходу и последующей интерпретации и использованию информации об элементах механизма преступления из системы «предварительного доказывания» в систему «судебного доказывания». Как следствие — необходимость выявления, анализа и обобщение закономерностей оперирования криминалистически значимой и доказательственной информацией в системе ее судебного исследования, особенно, с учетом усложненных процессуальных форм (например, в суде присяжных);

- неэффективность «следственных» алгоритмов в рамках тактики и методики подготовки и реализации линии обвинения в суде. Отчасти это обусловлено тем, что криминалистические методики деятельности прямо детерминированы особенностями и той процессуальной формы, в рамках которой происходи реализация технологий поисково-познавательной и доказательственной деятельности. Естественно, что следственные алгоритмы в условиях разных ситуаций состязательного судебного производства теряют свою эффективность. Как следствие – необходимость алгоритмизации деятельности прокурора относительно судебного этапа и типовых ситуаций его деятельности;

- детерминированность судебных ситуаций не только результатами предварительного расследования, но и условиями судебного производства по конкретной категории уголовных дел. Отсюда — целесообразность комплексного подхода к познанию генезиса следственно-судебных ситуаций в процессе диагностики и управления ими субъектами уголовного преследования с учетом сменяющихся форм уголовного производства. Как свидетельствует следственная и судебная практика ситуационный характер ошибок пронизывает весь процесс движения дела, а сами ситуации никуда не исчезают, а постоянно трансформируются под влиянием изменяемых условий деятельности. Поэтому неумелое владение приемами диагностики ситуаций (особенно проблемных) на стадии предварительного следствия,

как следствие становится основанием допущения ошибок (тактических и процессуальных), которые сказываются на эффективности всей системы уголовного преследования (например, возвращение дела прокурору или вынесение оправдательного приговора в суде);

- отсутствие разработок в области моделирования деятельности лица, совершившего преступление, на протяжении всего процесса его криминального и посткриминального поведения. Следствие — необходимость типизации личности подсудимого, а также выявление генезиса свойств и состояний лица, совершившего преступление, с учетом прохождения им досудебного и судебного производства по делу. А также — классификация ошибок при установлении и изучении субъектами уголовного преследования данных о лице, совершившем преступление, в рамках реализации различных процессуальных процедур и их связей с изменением его поведения в суде;

- недостаточная изученность приемов деятельности стороны защиты по отдельным категориям уголовных дел и неэффективность «следственных» приемов преодоления противодействия поддержанию государственного обвинения в условиях состязательного судебного исследования доказательств. Как следствие — изучение механизмов противодействия, оказываемого в рамках судебного разбирательства по отдельным категориям уголовных дел, их типизация с учетом судебных ситуаций и разработка рекомендаций, направленных на их преодоление в рамках криминалистических методик поддержания государственного обвинения.

В качестве одного из перспективных направлений преодоления указанных негативных моментов в юридической литературе указывается на целесообразность учета при формировании научных положений криминалистических технологий деятельности правоохранительных органов во взаимосвязи закономерностей и методов расследования преступлений и последующего поддержания государственного обвинения в суде. В частности, речь идет о формировании модульных криминалистических методик, объединяющие методики расследования и поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел[39].

Следует констатировать, что прикладной потенциал криминалистической науки давно вышел за пределы нужд досудебного производства. Ее рекомендации востребованы и в рамках судебного исследования доказательств. Данное обстоятельство послужило основанием для перспективных разработок в области тактического и методического обеспечения деятельности прокурора, реализующего обвинительную позицию в суде[40]. Пере-

---

[39]См.: Гармаев Ю.П., Шашин Д.Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 12; Авакьян М.В. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2018. С. 4; Кисленко С.Л. Методологические аспекты формирования модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. № 3. 2023. С. 104 — 123.

[40] См.: Кислекно С.Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2023.

осмысление традиционных криминалистических рекомендаций через призму такой сферы их практического применения, как судебное разбирательство уголовных дел, дало толчок к расширению и совершенствованию содержания целого ряда частных криминалистических теорий: учения о личности лица, совершившего преступление, криминалистической ситуалогии, теории преодоления противодействия уголовному преследованию, криминалистической теории причинности и пр.

В частности, изучение посткриминальной деятельности лица, совершившего преступление, не может ограничиваться потребностями досудебного производства по делу. В ином случае это негативным образом скажется на перспективных разработках в области тактического и методического обеспечения деятельности прокурора, реализующего обвинительную позицию в суде. Модели поведения обвиняемого в суде не всегда прямо детерминированы механизмом совершенного преступного деяния и порождаемыми им последствиями. Что не может не учитываться при оценке его последующего поведения и принятии решений субъектами уголовного преследования на дальнейших стадиях судопроизводства.

Очевидно, что с индивидуальными (биологическими, психологическими, социальными) особенностями преступника тесно связан не только механизм совершаемого им уголовно-наказуемого деяния. Личностные особенности, как обвиняемых, так и подсудимых выступают причинами вариативности их поведения. В некоторых случаях личностные характеристики преступника могут стать существенными только в процессе его уголовного преследования. Например, отношение к потерпевшему и происшедшему событию наиболее полно проявляются как раз в процессе уголовного преследования, а иногда выступают причинами (и основанием) прекращением уголовного дела (ст. 25 УПК РФ) или уголовного преследования (ст. 28 УПК РФ).

Кроме того, на посткриминальное поведение лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений, существенное влияние оказывают целый ряд ситуационных особенностей производства по делу в рамках конкретной процессуальной формы. Например, можно констатировать наличие причинных связей между оперированием лицом, совершившим преступление, своими свойствами и степенью информированности о них правоохранительных органов. Как свидетельствует практика, после преступления лицо, его совершившее, прибегает, как правило, к сокрытию своих свойств, отраженных как в материальных, так и идеальных носителях информации в целях оказания противодействия расследованию (например, замалчивает или предоставляет заведомо ложные сведения о себе). Причинами того могут выступать: характеристики механизма преступления (например, его неочевидность); состояние процесса расследования (например, информативная недостаточность); относительная психологическая готовность и активность на оказание противодействия и др. По мере накопления субъектами, осуществляющими уголовное преследование, изобличающих доказательств подобная активность снижается. К моменту судебного разбирательства, ког-

да сведения об обвиняемом установлены в достаточном объеме, ему остается в большинстве своем использовать приемы интерпретации своих свойств в целях смягчения уголовной ответственности. Такая интерпретация возможна как через субъективные состояния субъекта (например, особая жестокость по отношению к потерпевшему была вызвана состоянием аффекта), так и через объективные факторы (например, виктимное поведение жертвы явилось причиной противоправного поведения). Зачастую обвиняемые используют связь своих свойств и состояний с процессом уголовного преследования в целях интерпретации его результатов (например, создание противоправного образа действий правоохранительных органов).

Причинно-следственные связи поведения обвиняемого/подсудимого с условиями производства по конкретному уголовному делу зачастую успешно используются стороной защиты для реализации приемов «пассивного» противодействия установлению истины в суде. Например, в ситуации, когда жертва и преступник хорошо известны местным жителям и которые испытывают сильные негативные чувства в отношении обвиняемого, сторона защиты может прибегнуть к умышленному затягиванию процесса судебного разбирательства уголовного дела из расчета на то, что к моменту его рассмотрения по существу оно утратит свою актуальность, снизится общественный резонанс, отдельные характеристики подсудимого заретушируются в памяти свидетелей и потерпевших, либо приобретут иную, более выигрышную для подсудимого, интерпретацию.

Следует отметить, что смена стратегии поведения лица, совершившего преступное деяние, на протяжении всего уголовного судопроизводства является очень частым явлением на практике. В качестве условных причин этому выступают: качество проведенного расследования по делу (неоспоримость или уязвимость доказательственной базы); вид процессуальной формы производства по делу (упрощенная ли усложненная); позиции сторон; ситуационные факторы (место производство по делу, его продолжительность и пр.) и др. В результате можно констатировать, что условия, как совокупность независимых от причины явлений, способны превратить в действительность заключенную в причине возможность порождения следствия. В этом плане следует согласиться, что проблемы в правоприменительной деятельности субъектов уголовного преследования возникают тогда, когда наряду с поведением лица, совершившего преступление, действуют иные силы (или другие лица), усиливающие действия причин[41]. В связи с этим, в криминалистической ситуалогии неочевидность для субъекта деятельности причины при наличии какого-либо неблагоприятного следствия, традиционно выступает признаком проблемной ситуации. Наличие последней обуславливает необходимость выявления вероятностных связей между исходными данными и предположениями субъекта познания о типовых вариантах их развития.

---

[41] См.: Игнатьев М.Е. Криминалистическое значение уголовно-правовой причинной связи // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 48—53.

Следует констатировать, что для проблемных ситуаций с их неустойчивой и многовариантной составляющей остро стоит проблема принятия субъектом правоприменения решений (тактических, организационных, процессуальных и пр.), а также определения оптимального варианта выхода из них. Особенно актуально данное положение видится применительно к механизму судебного разбирательства, в рамках которого состязающимся сторонам зачастую приходится действовать в условиях функционирования систем, характеризующихся нелинейными взаимодействиями и многообразием путей развертывания процессов в зависимости от различных факторов. Например, по одному уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, проецирование социально-демографических свойств личности подсудимого на характеристики состава коллегии присяжных заседателей, позволило прокурору укрепить свою обвинительную позицию по делу и добиться вынесения обвинительного вердикта. В этих целях, при отборе кандидатов в присяжные заседатели, государственный обвинитель прибегнул к следующему алгоритму: кандидаты, которые раньше участвовали в судебном разбирательстве → кандидаты, имеющие детей → кандидаты-женщины → лица, занимающиеся или в прошлом занимавшиеся педагогической деятельностью[42]. В данной ситуации процесс принятия прокурором решения о выборе указанной последовательности действий строился на принципах оценки вероятностных связей и ряда условий (например, возможности отвода кандидата в присяжные стороной защиты).

В связи с этим, процесс моделирования криминалистической тактики и методики деятельности по поддержанию государственного обвинения невозможен без учета взаимосвязи категорий необходимости и вероятности в системе причинно-следственных связей. Данное положение учитывает и законодатель, отмечая в ч. 7 ст. 246 УПК РФ возможность появления в деятельности прокурора в суде таких ситуаций, которые не имели однозначных признаков и не были спрогнозированы им при изучении материалов уголовного дела и которые могут привести к отказу от обвинения[43].

Сложность диагностики судебных ситуаций обуславливается и тем, что в компонентном их составе (особенно проблемных их разновидностей) отражается, как правило, лишь следствие какого-либо явления, процесса

---

[42] См.: Волошин В.М. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Следственная практика. Научно-практический сборник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Выпуск № 184. М., 2011. С. 150.

[43] При всей прогрессивности абсолютизации законодателем самостоятельности ~~в~~ деятельности следователя, сокращение полномочий прокуратуры в области надзора за предварительным следствием существенно повлияло на качество реализации обвинительной позиции в суде. Каких-либо существенных компенсаторных механизмов (даже на уровне ведомственных актов) в настоящее время не появилось. При этом законодатель и правоприменительная практика продолжает игнорировать причинно-следственные связи в деятельности субъектов уголовного преследования, носящие системный характер. Ошибки, всплывающие в процессе поддержания обвинения в суде, являются результатом упущений (процессуальных и криминалистических) не только органов предварительного следствия, но недоработок самих прокуроров, надзирающих за дознанием, утверждающих обвинительные заключения.

и т.п. А причина следствий порой находится далеко за пределами, как самого момента возникновения такой ситуации, так и той процессуальной формы, в рамках которой произошла ее актуализация для субъекта правоприменения. Кроме того, выявление и оценка элементов системы «причина-следствие» происходит разными субъектами, исходя из задач их деятельности на определенном процессуальном этапе. В результате чего, для субъекта начального этапа уголовного преследования оценка обнаруживаемых или поступающих данных происходит без должного соотнесения с задачами деятельности субъекта последующего этапа, а конечная цель изобличения преступника выступает в виде некой абстракции. Что объективно приводит к системным ошибкам стороны обвинения. Например, причинами выдвижения стороной защиты новых версий в суде могут выступать следующие факторы, проявляющиеся уже в ходе предварительного расследования: отказ обвиняемого давать показания в силу ст. 51 Конституции Российской Федерации, ссылки на забывчивость, потерю памяти, смена адвокатов перед направлением дела в суд, заявление ходатайств в ходе ознакомления с материалами дела о вызове и допросе дополнительных свидетелей и др.[44]. Однако следует констатировать, что редко кто из государственных обвинителей на этапе изучения материалов уголовного дела обращается к следователю за консультативной помощью в целях прогнозирования и минимизации возможных проблемных ситуаций в суде (например, по вопросам «надежности» участников процесса и т.д.). Так, данные практики по половым преступлениям свидетельствуют, что воздействие на потерпевших со стороны родственников преступников оказывается как в процессе предварительного следствия, так и после направления дела в суд (в основном с целью склонения потерпевших к даче ложных показаний).В связи с этим в литературе настоятельно рекомендуется государственному обвинителю по данной категории дел заранее обсудить со следователем особенности личности потерпевшей, факты имеющегося воздействия на нее со стороны заинтересованных лиц и др.[45]. Получение от следователя подобной информации позволит государственному обвинителю спрогнозировать влияние данных фактов на возникновение проблемных ситуаций поддержания государственного обвинения в суде и предпринять превентивные меры по нивелированию вероятных «нежелательных» следствий (например, принятие мер по защите участника судебного разбирательства).

Исходя из этого, одной из задач криминалистической науки является разработка рекомендаций, позволяющих минимизировать тактические риски при принятии решений в рамках многофакторной среды (обусловленной длящейся и «многосубъектной» природой уголовного преследования), связи элементов которой не всегда носят однозначных характер и сущест-

---

[44] См.: Поддержание государственного обвинения: учебное пособие / под общ.ред. В. И. Рохлина. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 10.

[45] См.: Криминалистика для государственных обвинителей: учебник / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 291.

венно разорваны по времени. Так, ключевое место в прогнозировании возможного поведения обвиняемого в суде традиционно отводится процессу изучения прокурором материалов предварительного расследования. Неполнота сбора и недостаточная проверка данных, характеризующих личность совершившего преступление, также формальная проверка его доводов на стадии досудебного производства, выступают причинами появления «проблемных» ситуаций при поддержании государственного обвинения в суде и смены модели поведения подсудимого, как составляющего элемента противодействия его изобличению. Однако несмотря на то, что законодатель предписывает уделять государственным обвинителям повышенное внимание заблаговременной подготовке к участию в судебном разбирательстве уголовных дел[46], практика реализации данного положения оставляет желать лучшего.

Эффективное использование возможностей теории причинности, а также учения о личности подсудимого для решения практических проблем изобличения преступника в проблемных ситуациях судебной формы уголовного судопроизводства, нивелируется в криминалистической теории и практике отсутствием должных теоретических разработок в области системы «следственные → судебные» ситуации». Это приводит к тому, что формирование приемов нейтрализации проблемных ситуаций, носящих сквозной по отношению к досудебному и судебному этапу обвинения характер, не решается на системном уровне[47]. Так, применительно к поддержанию государственного обвинения, к одной из распространенных детерминант проблемных ситуаций относят так называемые «продолжаемые ошибки»[48], то есть те ошибки, предшествующий период которых, а также процесс возникновения и формирования негативных результатов ошибки были заложены в процессе уголовного преследования обвиняемого (подозреваемого). Данное обстоятельство свидетельствует о преимуществе комплексного подхода к пониманию причинности генезиса криминалистических ситуаций в процессе изобличения лица, совершившего преступление. Последнее позволит с практической точки зрения отслеживать изменения во всей цепочке причинно-следственных связей их появления и функционирования и задействовать ресурсы всех уровней и подсистем уголовного преследования в целях управляющего воздействия на такие ситуации.

Подводя итог, отметим, что развитие модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения по от-

---

[46] П. 1.4, 3 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

[47] Вместо этого в деятельности субъектов уголовного преследования продолжает процветать пагубная практика обвинения «с запасом», который заложен в обвинительное заключение и дающий возможность, поддерживая обвинение в суде, отказаться от него в части «запаса», если в полном объеме обвинение не подтвердится.

[48] См.: Посохина И. В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве: дис. … канд. юрид. наук. СПб. 2006. С. 141.

дельным категориям уголовных дел позволит выявить комплекс не только теоретических, но и практических проблем, связанных с повышением эффективности деятельности всей системы органов уголовного преследования на протяжении досудебного и судебного производства по делу. В частности, это позволит:

- провести дополнительные классификационные исследования с целью типизации ошибок, допускаемых системой обвинения и установить их внутрисистемные причинно-следственные связи, обусловленные технологическими составляющими детальности в рамках досудебных и судебных процедур. Это позволит повысить качество, как деятельности системы органов уголовного преследования, так и отправления правосудия в целом[49];

- разработать эффективные рекомендаций по устранению ошибок следствия и минимизации проблемных ситуаций в рамках судебного доказывания обвинительной позиции. В данном направлении необходимо уделить пристальное внимание разработке рекомендаций по адаптации криминалистических методик поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел к проблемным ситуациям (детерминированными ошибками обвинения)[50];

- учет интегрального эффекта как основного свойства анализируемой нами модульной системы позволит разработать более эффективные формы и средства деятельности по реализации системы уголовного преследования. В частности, это касается решения вопроса о модификации ряда организационных составляющих деятельности правоохранительных органов. Практика поддержания государственного обвинения должна чаще задействовать эффективные формы взаимодействия государственных обвинителей и работников оперативных и следственных подразделений в процессе досудебной подготовки и судебного рассмотрения уголовного дела. Например, по наиболее сложным делам (о бандитизме, терроризме) целесообразно создавать группы оперативного сопровождения из опытных сотрудников оперативных подразделений. Представляется, что такие формы взаимодействия должны выражаться в виде совместных межведомственных актов;

- модернизировать «следственные» криминалистические средства, приемы и методы изобличения преступников применительно к современ-

---

[49] Как свидетельствует судебная практика количество отмененных и измененных обвинительных приговоров остается на достаточно высоком уровне, что обусловлено, в первую очередь, низким качеством производства предварительного следствия по уголовным делам, в том числе ввиду игнорирования субъектами расследования криминалистических методических и тактических рекомендаций.

[50]Например, Н.П. Кириллова в структуре частной криминалистической методики поддержания государственного обвинения, наряду с таким «традиционным» компонентом, как подготовка прокурора к судебному разбирательству, отдельно выделяет раздел, посвященный типичным следственным ошибкам, допускаемым при формировании доказательственной базы, а также способам исправления следственных ошибок в ходе судебного разбирательства (Кириллова, Н.П. Структура частной методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел // КриминалистЪ. 2011. № 2. С. 47–54).

ным потребностям состязательного судебного исследования доказательств и его отдельным формам (особенно применительно к такой усложненной процессуальной форме, как суд присяжных);

- распространение криминалистических положений на область деятельности государственных обвинителей, позволит повысить результативность отстаивания позиции обвинения в суде;

- выявление проблемных аспектов реализации криминалистических технологий деятельности органов уголовного преследования в рамках отдельных процессуальных процедур и разработка рекомендаций по минимизации тактических рисков при осуществлении такой деятельности[51];

- на уровне криминалистической теории реализация концепции модульных криминалистических методик позволит синтезировать отдельные положения учений: о лице, совершившем преступление, криминалистических ситуациях, криминалистической теории причинности, теории преодоления противодействия уголовному преследованию на уровне их принципов (например, принцип повторяемости поведенческих актов лица, совершившего преступление, в схожих ситуациях однотипных этапов уголовного судопроизводства; исходя из вида и особенностей преступного деяния; их причинная обусловленность свойствами и состояниями такого лица, а также результатами изобличения преступника на каждом предыдущем этапе производства по делу и др.);

- с позиций дидактики анализируемый нами подход позволит развить в процессе обучения будущих правоохранителей системное криминалистическое мышление. Как справедливо отмечается в литературе, именно отсутствие ориентации на стратегическую постановку целей и оценку деятельности представляет собой одну из серьезных ошибок практической криминалистической деятельности[52]. В частности, знания о «судебной перспективе» уголовного дела и типичных проблемных ситуациях стороны обвинения в суде, позволит следователям более тщательно подходит к процессу, выявлению, собиранию и оценке доказательственной информации. А повышение уровня знаний у прокуроров в области криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений позволит им на практике всесторонне подойти к оценке качества и полноты проведенного расследования при подготовке к поддержанию государственного обвинения.

---

[51] Например, по одному уголовному делу на начальной стадии судебного заседания подсудимый вернулся к своим показаниям, данным в ходе предварительного расследования и заявил, что признает вину частично, дополнительно пояснив, что признание вины полностью было вынужденным и формальным, исключительно в целях заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Судья прекратил особый порядок и перешел на обычный порядок судебного следствия. В результате чего государственный обвинитель не смог доказать обвинение в полном объеме и был вынужден частично от него отказаться.

[52] Ищенко Е. П., Колдин В. Я., Крестовников О. А. Актуальные проблемы системных исследований в криминалистике // Научные труды МГЮА. 2006. № 6. С. 1174.

Список источников

1. Гармаев Ю.П., Шашин Д.Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 12.

2. Авакьян М.В. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2018. С. 4.

3. Кисленко С.Л. Методологические аспекты формирования модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. № 3. 2023. С. 104—123.

4. Кисленко С.Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2023.

5. Игнатьев М.Е.. Криминалистическое значение уголовно-правовой причинной связи // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 48—53.

6. Волошин В.М. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Следственная практика. Научно-практический сборник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Выпуск № 184. М., 2011. С. 150.

7. Поддержание государственного обвинения: учебное пособие / Под общ.ред. В. И. Рохлина. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 10.

8. Криминалистика для государственных обвинителей: учебник / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 291.

9. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

10. Посохина И.В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве: дис. … канд. юрид. наук. СПб. 2006. С. 141.

11. Кириллова, Н.П. Структура частной методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел // КриминалистЪ. 2011. № 2. С. 47—54.

12. Ищенко Е. П., Колдин В. Я., Крестовников О. А. Актуальные проблемы системных исследований в криминалистике // Научные труды МГЮА. 2006. № 6. С. 1174.

Е. А. КОМАРОВА

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ ПРОКУРОРОМ, НА ЭТАПЕ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Одним из важнейших этапов уголовного судопроизводства является этап рассмотрения сообщения о преступлении. Своевременный прием, регистрация и рассмотрение сообщения о преступлении и принятие по нему законного и обоснованного процессуального решения способствует достижению целей, задач, основного назначения уголовного судопроизводства, соблюдению его разумных сроков.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации[53] предписывают прокурору осуществлять надзор за неукоснительным исполнением органами предварительного расследования требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении.

При проведении проверок прокурорам необходимо обращать особое внимание на проведение проверок сообщений, размещенных в средствах массовой информации; сроков регистрации, проверок и продления сроков проверок сообщений о преступлениях; на вопросы оценки достоверности документов и результатов проверки сообщений; правильно ли применены норма материального и процессуального права. Тщательной проверке подлежат вопросы изменения первоначального обращения (объяснения) или отказ от него заявителем, не имело ли место применения незаконных методов воздействия на заявителя со стороны органов предварительного расследования. В ходе проверок также необходимо выяснять разъяснялись ли заявителю право обжаловать принятое по сообщению решение, уведомлен ли сам заявитель о данном решении.

Расширяя полномочия прокурора на данном этапе уголовного судопроизводства, законодатель наделил прокурора правом требования устранения нарушений федерального законодательства не только на стадии предварительного расследования, но и при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях[54].

Принимаемые меры способствуют улучшению состояния законности в данной сфере, но по-прежнему стадия регистрации и разрешения сообщений о преступлениях требует особого внимания со стороны прокурора.

---

[53] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[54] Федеральный закон от 27.12.2019 № 499-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Результаты надзорной практики свидетельствуют о том, что до настоящего времени органами предварительного расследования допускаются многочисленные нарушения требований именно в сфере учетно-регистрационной дисциплины.

Так, в первом полугодии 2024 года прокурорами выявлено почти 3,1 млн. нарушений федерального законодательства в работе органов предварительного расследования (рост составил +2,7%). При этом больше половины из них — 63% это нарушения, допущенные на этапе рассмотрения сообщений о преступлениях.

На учет прокурорами поставлено 75,9 тысяч преступлений, ранее известных, но по различным причинам не учтенных (+6,4%).

Результаты прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования свидетельствуют, что основным нарушением в рассматриваемой сфере остается принятие незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе неоднократных.

Данные нарушения приводят к затягиванию сроков проверок сообщений о преступлениях, нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства, возможности утраты доказательств, их несвоевременной фиксации и собиранию, что в итоге приводит к нарушению прав участников уголовного судопроизводства.

Путем принятия необоснованного (незаконного) решения об отказе в возбуждении уголовного дела органами предварительного расследования чаще всего осуществляется укрытие от учета преступлений. Проведение дополнительных проверок после отмены прокурором таких постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела завершается возбуждением уголовного дела.

Так, по результатам изучения материала проверки по заявлению Ф. от 21.03.2024 по факту мошеннических действий со стороны неустановленного лица, которое под предлогом оказания услуги по доставке груза похитило денежные средства заявителя в сумме 85 000 рублей, органами прокуратуры Республики Крым установлено, что при наличии достаточных данных для принятия решения о возбуждении уголовного дела по данному факту, органом дознания отдела полиции № 3 «Центральный» УМВД России по г. Симферополю необоснованно принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с отменой надзирающим прокурором данного процессуального решения, итогом дополнительной проверки стало возбуждение 28.05.2024 уголовного дела по ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Имеют место также факты укрытия преступлений от учета путем необоснованного вынесения по сообщениям о преступлениях решений в порядке КоАП РФ.

Примером может послужить решение, принятое должностным лицами ОМВД России по Симферопольскому району по заявлению заместителя директора по хозяйственной части одного из МБОУ района о хищении из школьных автобусов топлива и аптечек. Проведенной в соответствии с КоАП РФ проверкой установлено, что к хищению причастны несовершеннолетние П. и Б.

По результатам проведенной проверки законные представители несовершеннолетних привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ ввиду ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних.

Однако, проведенной прокуратурой проверкой установлено, что правовая оценка факту хищения имущества не дана. По инициативе надзирающего прокурора 04.03.2024 СО ОМВД России по Симферопольскому району возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Органами предварительного расследования не дается правовая оценка действиям лиц при наличии достаточных оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела и при расследовании уголовных дел.

К примеру, органами прокуратуры Ростовской области в рамках надзора за расследованием уголовного дела, находящегося в производстве Зерноградского МСО СУ СК (возбуждено 13.06.2023), установлено, что помимо преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, несовершеннолетний О. с иными лицами причастен к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, однако решение по данному факту следствием принято не было. Только после вмешательства надзирающего прокурора и внесенных им мер, 09.08.2023 возбуждено уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 139 УК РФ.

Органами предварительного расследования допускаются факты нерегистрации сообщений о преступлениях, принятие мер, направленных на изменение первоначальной позиции заявителем. Данные нарушения прокурорами выявляются путем опроса заявителей.

Так, органами прокуратуры Республики Крым установлено, что в КУСП ОП № 2 «Киевский» УМВД России по г. Симферополю 09.04.2024 зарегистрировано заявление Р. о хищении неустановленным лицом, представившимся сотрудником банка «М инвест», денежных средств в сумме 56 тыс. руб.

Сотрудниками правоохранительного органа выездом на место происшествия по данному заявлению было зафиксировано, что Р. обратился преждевременно, в помощи сотрудников полиции не нуждается, от написания заявления отказался.

В связи с изменением заявителем своей позиции сотрудниками прокуратуры установлено, что Р. было совершено 3 платежа на общую сумму 56 850 руб. посредством системы быстрых платежей за одобрение кредита, его страхование и транспортировку кредитного договора, однако данные действия неустановленным лицом совершены не были. Указанные обстоятельства были изложены Р. В своих объяснения в ходе проверки. В результате принятых по данному факту надзирающим прокурором мер ОП № 2 «Киевский» УМВД России по г. Симферополю 19.04.2024 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Имеют место и такие нарушения как необоснованное продление сроков процессуальной проверки без проведения необходимых проверочных мероприятий при наличии в материале очевидных признаков преступления. В целях нивелирования статистической отчетности правоохранительными органами принимаются заведомо незаконные решения о направлении сообщения о преступлениях по подследственности.

В ходе проверок прокурорами выявляются факты необоснованной регистрации и проведения доследственных проверок по сообщениям, не содержащим сведений о совершенном или готовящемся преступлении.

К примеру, по зарегистрированному 15.03.2024 в КУСП УМВД России по г. Керчи по заявлению И. о словесном конфликте с дочерью, необоснованно организована и проведена доследственная проверка, по результатам которой принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате принятых надзирающим прокурором мер заявление И. рассмотрено в порядке Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Несмотря на широкий спектр полномочий прокурора, направленных на устранение выявляемых нарушений закона, не всегда данные нарушения устраняются в полном объеме и в кратчайшие сроки. Органами предварительного расследования могут быть проигнорированы требования прокурора, в рамках проверок сообщений о преступления неоднократно принимаются незаконные и необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела и др.

В этой связи следует обеспечивать надлежащий надзор, контроль за проведением дополнительных проверок после отмены решения об отказе в возбуждении уголовного дела, а также добиваться своевременного принятия решения по сообщениям о преступлении.

Е. О. КОРШИКОВА

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В соответствии с частью 4 статьи 67^1 Конституции Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики страны. Защите прав данной категории граждан, которые в силу возраста не в состоянии самостоятельно их отстаивать, должно уделяться особое внимание со стороны органов государственной власти, что в наибольшей степени относится к сфере уголовного судопроизводства.

Сам факт, что ребенок оказался вовлеченным в уголовно-правовые или уголовно-процессуальные отношения, совершив преступление или став его жертвой либо очевидцем, означает, что он оказался в нездоровой ситуации, способной причинить вред его психическому развитию.

Учитывая уязвимость положения несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, наделенных правами и несущими обязанности, однако в силу возраста не способных их до конца осознавать и защищать свои интересы, особое место в защите их прав занимает институт представительства несовершеннолетних, которому посвящен ряд уголовно-процессуальных норм, не лишенных вместе с тем недостатков.

В научной литературе достаточно широко обсуждаются проблемы отсутствия четкого закрепления статуса представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, бессистемности организации правовых норм, регламентирующих рассматриваемый институт[55].

Исходя из положений действующего уголовно-процессуального закона, представлять интересы несовершеннолетних участников процесса могут: адвокаты; защитники; законные представители; близкие родственники или иные лица (для потерпевшего и гражданского истца); представители.

Законом предусмотрено обязательное участие в деле законного представителя или представителя несовершеннолетнего потерпевшего (часть 2 статьи 45 УПК РФ). Круг лиц, которые могут быть законными представителями, исчерпывающим образом приведен в пункте 12 статьи 5 УПК РФ. Представителем потерпевшего физического лица, согласно части 1 названной статьи закона, может быть адвокат, а также близкий родственник или иное лицо, о допуске которого он ходатайствует. Из буквального толкования указанных положений закона следует, что представлять интересы несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе могут либо законный представитель, либо адвокат, близкий родственник или иное лицо, при этом участие последних зависит от усмотрения лица, в производстве которого находится уголовное дело. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации[56], представители органы опеки и попечительства допускаются в качестве законных представителей несовершеннолетних потерпевших в случаях, когда последний не имеет родителей или проживающих с ним родственников. То есть Пленум, решая вопрос об участии в деле законных представителей в лице органов опеки и попечительства либо представителей в лице близких родственников, отдал предпочтение последним. При этом в постановлении Пленума ничего не сказано о том, каким образом в деле участвуют иные представители: наряду с законным представителем либо близким родственником, либо вместо них.

---

[55] См., например: Булыжников А.В., Чаплыгина В.Н. Особенности реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (89). — с. 104—111. Орлова А.А., Виноградова О.Б. Правовое регулирование представительства интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства: проблемы и способы их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2019. — № 4. С. 23—38.

[56] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/15885/ (дата обращения: 05.09.2024).

Представляется правильным участие в деле адвоката либо иного лица наряду с законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего по ходатайству, заявленному им самим либо его законным представителем. Из положений действующего законодательства следует, что законное представительство является не только обязанностью, но и правом родителей (часть 2 статьи 64 СК РФ), и единственным основанием для ограничения этого права является нанесение родителями ущерба интересам детей (часть 2^2 статьи 45 УПК РФ), а потому допуск в качестве представителей лиц, не являющихся родителями либо заменяющими их лицами, вместо законных представителей невозможен. Кроме того, несовершеннолетний потерпевший в силу возраста далеко не всегда имеет возможность реализовать право на заявление ходатайства о допуске в качестве представителя адвоката либо иного лица, и в таком случае последние появляются в деле не иначе как по ходатайству законного представителя.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об участии в деле за счет средств федерального бюджета адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего. В настоящее время закон предусматривает возможность участия в деле адвоката потерпевшего по назначению следователя, дознавателя или суда только для одной категории граждан: потерпевших, не достигших возраста 16 лет, в отношении которых совершено преступление против половой неприкосновенности, и только по ходатайству его законного представителя (часть 2^1 статьи 45 УПК РФ). Такой механизм представляется весьма спорным, поскольку не обеспечивает одинаковым объемом процессуальных гарантий всех несовершеннолетних потерпевших, ограничиваясь одной из категорий таких лиц в зависимости от возраста и характера совершенного в отношении них преступления.

В научной литературе высказываются мнения о необходимости обеспечения участия адвоката в качестве представителя любого несовершеннолетнего потерпевшего по его ходатайству или ходатайству его законного представителя с оплатой расходов на оказание юридической помощи за счет средств федерального бюджета[57]. Представляется, что такое законодательное решение способствовало бы более эффективной защите прав несовершеннолетних потерпевших на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Другой проблемой правового регулирования института представительства в уголовном процессе является отсутствие в законе четко определенного круга лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетнего свидетеля, и перечня их процессуальных прав.

Лица, которые могут быть законными представителями, исчерпывающим образом перечислены в пункте 12 статьи 5 УПК РФ. Все они, кроме органа опеки и попечительства, состоят в правоотношениях с подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим. Указание на родителей, усыновите-

[57] Артамонова Е.А. Представительство несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве: законное, профессиональное, адвокатское // Российская юстиция. — 2024. — № 3. — С. 34—41.

лей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего свидетеля, представителей учреждений или организаций, на попечении которых он находится, в названной норме отсутствует. При этом статья 191 УПК РФ предусматривает присутствие законного представителя несовершеннолетнего свидетеля при его допросе, однако его права, в отличие от прав законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, изложенных в части 3 статьи 45 УПК РФ, в законе не приведены[58].

В соответствии со ст. 48 УПК РФ к обязательному участию по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, привлекаются их законные представители. Поскольку круг лиц, которые могут быть законными представителями, четко определен, в случае отсутствия у несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого родителей, усыновителей, опекунов или попечителей и при наличии у него других близких родственников, последние не могут быть привлечены к участию деле, что на практике порой приводит к затруднению в реализации процессуальных прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

К примеру, по одному из дел, рассмотренных судом в Приморском крае, трое несовершеннолетних обвинялись в совершении ряда грабежей и разбоев. В ходе предварительного расследования в качестве законного представителя одного из несовершеннолетних по постановлению следователя допущена его бабушка, с участием которой произведен ряд следственных и процессуальных действий, в том числе привлечение в качестве обвиняемого, ознакомление с материалами дела по окончании предварительного расследования[59]. Поскольку участие в деле близких родственников несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в качестве законных представителей законом не предусмотрено, суд пришел к выводу о нарушении права обвиняемого на защиту, и возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Представляется, что участие близкого родственника несовершеннолетнего лица, привлекаемого к уголовной ответственности, будет больше способствовать защите его прав, нежели участие представителя органа опеки, а потому следует согласиться с мнением авторов научных публикаций, предлагающих расширить перечень лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, включив в него близких родственников[60].

Проведенный анализ охватывает далеко не все проблемы правового регулирования института представительства несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, обсуждаемые в науке, возникающие в правоприменительной практике и нуждающиеся в дальнейшем исследовании.

---

[58] Виноградова О. Б., Орлова А. А. Там же.

[59] Постановление Хасанского районного суда Приморского края от 09.04.2018 по делу № 1-4/2018 // Архив Хасанского районного суда Приморского края.

[60] См., например: Савицкая И.Г. Круг участников следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. — 2018. — № 1 (5). — С. 131.

М. Ф. МИНГАЛИМОВА

ВИРТУАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Время и законодательство требуют постоянного совершенствования. Необходимость освоения новых, современных информационно-коммуникационных технологий, внедрение передовых форм и методов работы, в том числе в уголовное судопроизводство — тенденция последнего десятилетия. Указом Президента Российской Федерации цифровая трансформация государственного и муниципального управления, отнесена к числу национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. [61] Для реализации указанной цели создается правовая база[62].

Вопросы применения информационных технологий при поддержании государственного обвинения также все чаще становятся предметом обсуждения в научной среде [63].

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в марте 2024 г. Генеральный прокурор Российской Федерации Краснов И.В. подчеркнул важность использования информационных технологий, необходимость последовательно расширять использование прокурорами искусственного интеллекта, что позволит спрогнозировать динамику и структуру преступлений и правонарушений, а также поможет определить направления прокурорской деятельности, которые будут актуальны через несколько лет. В этих целях на федеральном уровне был утвер-

---

[61] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.

[62] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2010 № 1060 «О совершенствовании государственного управления в сфере информационных технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.08.2010. № 35. Ст. 4528; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г.»; Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2022. № 10. Ст. 1468; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.03.2024. № 13. Ст. 1837 и др.

[63] Зайцев О.А., Пастухов П.С. Использование информационных технологий в российском уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 40—43; Спесивов Н.В. Цифровизация и транспарентность как основы модернизации уголовно-процессуальной деятельности прокурора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4 (96). С. 129—136; Чурикова А. Цифровая трансформация уголовно-процессуальной деятельности // Законность. 2024. № 2. С. 62—66; Кисленко С., Смушкин А. Современные возможности и перспективы применения технических средств и методов визуализации доказательственной информации в процессе поддержания государственного обвинения в суде // Законность. 2024. № 4. С. 10—15; Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. Программирование справедливости: возможности искусственного интеллекта в назначении наказаний // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2 (109). — 124—131; Спиридонов А. Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования // Законность. 2024. № 8. С. 3—7 и др.

жден план по внедрению технологий искусственного интеллекта в органах прокуратуры на ближайшие три года, в котором отражена необходимость изучения возможных направлений и перспектив использования современных информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, при поддержании государственного обвинения и отправлении правосудия[64].

На сегодняшний день информационные технологии достаточно широко используются при организации и осуществлении прокурорского надзора в досудебном производстве[65]. Рассматривая вопросы внедрения цифровых возможностей в судебную стадию рассмотрения уголовных дел, в научной литературе встречаются весьма обоснованные предложения о рассмотрении вопроса участия прокурора в судах апелляционной и кассационной инстанций посредством видео-конференц-связи[66].

Мы же задались вопросом: можно ли заменить государственного обвинителя в уголовном деле искусственным интеллектом и передать роботизированной программе функцию поддержания обвинения в суде?

Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ государственный обвинитель — это поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры, участие которого в силу ч.1 ст. 246 УПК РФ в судебном разбирательстве является обязательным.

В соответствии с п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (далее Приказ № 376) участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства относится к числу важнейших функций прокуратуры. Как следует из содержания приказа, основной задачей прокурора в судебной стадии рассмотрения уголовного дела является способствование вынесению судом законного, обоснованного и справедливого решения, обязательным условием для достижения которой является активность, профессионализм, принципиальность и объективность государственного обвинителя в отстаивании своей позиции. По мнению Н.Ю. Решетовой, конечной целью деятельности государственного обвинителя является возложение уголовной ответственности на действительно виновное лицо[67].

---

[64] Пункт 7 Плана Генеральной прокуратуры Российской Федерации по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024 — 2026 г.г., утвержденного Генеральным прокурором Российской Федерации 22 марта 2024 г.

[65] См. подробнее: Исаенко В.Н. Информационные технологии в оценке прокурорами допустимости доказательств в досудебном производстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5 (79). С. 53; Семенцов В.А. Искусственный интеллект в следственных действиях // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности, Ижевск, 14—15 марта 2024 г. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. — С. 67—77 и др.

[66] См. подробнее: Багаутдинов Ф.Н. Виртуальный прокурор // Законность. 2020. № 6 (1028). С. 30—31.

[67] Решетова Н.Ю. Совершенствование уголовно-процессуальных процедур как одно из средств обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 3 (65). С. 96—103.

В первую очередь, мы задали вопрос о возможности замены государственного обвинителя на электронный суррогат самой продвинутой на сегодняшний день модели искусственного интеллекта — мультимодальной нейросети ChatGPT-4.0. Ответ искусственного интеллекта был следующий: «Виртуальный прокурор или виртуальный государственный обвинитель, полностью автономный и работающий без вмешательства человека, пока что невозможен». В качестве причин такого вывода нейросеть назвала отсутствие этической основы, сложность правовых систем, возможность неточной трактовки закона, необходимость человеческого взаимодействия с лицом, привлекаемым к уголовной ответственности и другими участниками процесса, в том числе с потерпевшими, а также технологические ограничения для реализации данного процесса.

Ответ на данный вопрос в своем выступлении раскрыл Генеральный прокурор Российской Федерации: «… Никакой искусственный интеллект не заменит прокурора с его профессиональным чутьем, навыками, преданностью своей стране и внимательным отношением к людям»[68].

Вопрос об использовании искусственного интеллекта взамен государственного обвинителя — это сложная тема, поднимающая множество практических и этических проблем. С одной стороны, искусственный интеллект лишен эмоций и предвзятости, которые характерны для человека. Он может беспристрастно анализировать обстоятельства совершенного преступления, основываясь исключительно на имеющихся в уголовном деле доказательствах. Кроме этого, искусственный интеллект может ускорить процесс рассмотрения уголовного дела, предлагая наиболее вероятные выходы из сложных ситуаций. С другой стороны, отсутствие доступа подсудимых, их защитников, потерпевших к алгоритмам, применяемым искусственным интеллектом, затруднит понимание участников процесса о причинах принятия виртуальным государственным обвинителем того или иного решения.

На сегодняшний день мы солидарны с мнением о невозможности передачи функции поддержания обвинения от человека роботизированной программе по следующим причинам:

1) Виртуальный государственный обвинитель, созданный на основе искусственного интеллекта, не сможет принимать решения, которые требуют индивидуального подхода, в том числе к назначению наказания. Искусственный интеллект не сможет учитывать личные истории подсудимых, мотивы, условия воспитания в семье, обстоятельства, подтолкнувшие к совершению уголовно-наказуемого деянию. У искусственного интеллекта отсутствует набор нравственных качеств, доступных только человеку: сострадание, милосердие, прощение, чувство ответственности. Понятие справедливости будет «размыто»[69].

---

[68] См.: Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735 (дата обращения: 07.08.2024).

[69] Согласно ст. 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствах его совершения и личности виновного.

2) Существующая правовая система допускает принятие судебных решений, основывающихся на тенденциях судебной практики, что требует от государственного обвинителя способности интерпретировать законы и применять их к конкретному случаю. Одновременно с изложенным, каких-либо запретов или ограничений в уголовном законе для принятия того или иного решения не содержится. К примеру, речь идет о невозможности освобождения виновных лиц от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ по уголовным делам о преступлениях со смертельным исходом. Так, Верховным Судом Российской Федерации по кассационным представлениям прокурора в период с 2022 по 2024 г.г. отменено нескольких решений по уголовным делам в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, при совершении преступлений по неосторожности, последствием которых явилась смерть человека (ч.1 ст. 109, ч.4 ст. 264, ч.2 ст. 216 УК РФ)[70]. При этом уголовный закон прямого запрета для прекращения уголовных дел о преступлениях анализируемой категории не содержит.

3) Виртуальный государственный обвинитель не сможет эффективно осуществлять допрос подсудимого и других лиц, учитывать эмоциональную составляющую всех участников процесса и правильно интерпретировать их поведение.

4) За недостатки, допущенные при поддержании обвинения по уголовному делу, государственный обвинитель может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Кто будет нести ответственность за ошибки и решения виртуального государственного обвинителя, если они приведут к несправедливому осуждению или другим негативным правовым последствиям? Разработчик программы? Государство?

Да, безусловно, информационные технологии могут стать ценным и полезным инструментом в руках государственного обвинителя, и помочь ему:

- в анализе больших объемов информации за короткий промежуток времени, касающихся обстоятельств совершенного преступления;
- в прогнозировании риска рецидива на основе анализа данных о предыдущих судимостях привлекаемого к уголовной ответственности лица;
- при составлении документов (рапорт; формулировки по вопросам, перечисленным в части 1 статьи 299 УПК РФ);
- в представлении доказательств в суде: 1) возможность визуализации данных (использование интерактивных презентаций, 3D-моделей, видеороликов, графиков и диаграмм для наглядного представления доказательств); 2) использование проекторов, экранов, планшетов для демонстрации цифровых доказательств, таких как фотографии, видео, электронные письма и др.; 3) использование интерактивных карт для демонстрации места преступления, маршрутов движения подсудимых и др.; 4) создание виртуальных моделей места преступления; 5) использование созданных с помощью

[70] См.: Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2023 №31-УДП23-6-К6; Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 №12-УДП24-2-К6; Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2024 №45-УДП24-15-К7 и др.

информационных технологий схем для анализа показаний допрошенных подсудимых, свидетелей, потерпевших и подготовки вопросов для перекрестного допроса;

- в процессе отслеживания изменений законодательства, актуальных тенденций и позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации деяния и назначения наказания;

- при арифметическом подсчете срока наказания при применении специальных правил его назначения.

Последний пункт весьма актуален, когда расчет наказания происходит при одновременном применении нескольких правил назначения наказания.

Приведем пример. Приговором Кировского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 27 июня 2022 г. Ш. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть за кражу, совершенную с незаконным проникновением в иное хранилище, и ему назначено наказание в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ на срок 3 года условно с испытательным сроком 3 года. Как следует из текста приговора, уголовное дело рассмотрено в особом порядке судопроизводства, без проведения судебного разбирательства. Подсудимый Ш. свою вину признал в полном объеме. Обстоятельствами, смягчающими наказание, суд признал раскаяние в содеянном, признание вины, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, положительные характеристики, наличие на иждивении родственников и иных близких, возраст, инвалидности, состояние здоровья подсудимого и его родственников, возможное добровольное возмещение ущерба в будущем. Обстоятельств, отягчающих наказание, по делу судом не установлено.

При назначении наказания по уголовному делу в отношении Ш. суд применил специальные правила назначения наказания: ч.5 ст. 62 УК РФ (назначение наказания в особом порядке не более 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренное за совершенное преступление) и ч.1 ст. 62 УК РФ (назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч.1 ст. 61 УК РФ и отсутствии отягчающих обстоятельств, не более 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ). Исходя из указанных правил, Ш. полагалось по п. «б» ч.2 ст. 158 УК РФ =лишение свободы на срок 5 лет; 5 лет=60 месяцев: 2/3 (ч.5 ст. 62 УК РФ) = 40 месяцев=3 года 4 месяцев; 3 года 4 месяцев: 2/3 (ч.1 ст. 62 УК РФ) = 27 месяцев = 2 года 3 месяца. Наказание Ш. по п. «б» ч.2 ст. 158 УК РФ при применении специальных правил (ч.5 ст. 62, ч.1 ст. 62 УК РФ) могло быть назначено с учетом положений ст. 56 УК РФ в виде лишения свободы на срок от 2-х месяцев до 2-х лет 3-х месяцев. Однако судом подсудимому было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года, что превышает максимально допустимый предел наказания в виде лишения свободы при применении специ-

альных правил назначении наказания. Приговор районного суда не был обжалован сторонами, в том числе прокурором, и вступил в законную силу[71].

Безусловно, это не единичный случай, когда судьей были неверно произведены подсчеты при одновременном применении нескольких специальных правил назначения наказания. Применение искусственного интеллекта могло бы помочь и судье, и прокурору при подсчете срока и вида наказания. Тем более, что подобный опыт уже имеется в Китае, США и ряде других стран.

В заключение отметим, что информационные технологии молниеносно интегрируются во все аспекты современной жизни. И уголовное судопроизводство не является исключением. Использование информационных технологий в правосудии — это очень деликатный вопрос, который требует тщательного подхода. Необходимо не только обеспечить прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта, но и защитить права человека. Возможность передачи искусственному интеллекту функции поддержания государственного обвинения — смелая идея в современных реалиях. Но, учитывая консервативные начала уголовного судопроизводства, ее реализация не позволит сохранить баланс между технологическими инновациями и человеческим суждением, а значит на сегодняшний день является недостижимой. Использование искусственного интеллекта взамен государственного обвинителя — это скорее гипотетическая возможность, чем реальность. Куда предпочтительнее использовать искусственный интеллект в качестве вспомогательного средства при выполнении прокурором своих процессуальных функций в суде: для анализа материалов уголовного дела, подготовки к судебным заседаниям, представлении доказательств и осуществлении надзора за законностью судебных решений.

Ю. Б. САМОЙЛОВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О значимости такого доказательства как заключение судебной экспертизы сказано много. Акцентировать на этом внимание нет надобности. Соответственно и признание недопустимым этого доказательства имеет не менее важное значение. Процессуальному порядку назначения и производства экспертизы в УПК РФ отведена отдельная глава, что дает основание предположить о достаточно подробной регламентации данной процедуры.

[71] Архив Кировского районного суда г. Казани Республики Татарстан за 2022 год: уголовное дело № 1-223/2022 // [Электронный ресурс]. // URL: https://kirovsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=46890701&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.09.2024).

В тоже время изучение следственной и судебной практики позволяет выявить проблему: сторона защиты, обжалуя приговоры, зачастую ставит под сомнение заключение судебных экспертиз, указывая на процессуальные нарушения. К примеру, по уголовному делу о ряде преступлений, совершенных преступным сообществом, были указаны нарушения: от технических ошибок в постановлении о назначении судебной экспертизы, несоблюдения права на ознакомление с таким постановлением до примененных методик и достоверности заключений экспертов[72].

При подготовке данной публикации были изучены 25 решений судов кассационной инстанции, в которых отражены жалобы по проведённым в ходе предварительного расследования судебным экспертизам. Их анализ свидетельствует о том, что порой стороны защиты и обвинения по-разному трактуют закон. Не снимает эту проблему и всем известная позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации по многим вопросам регламентации судебных экспертиз, отраженная в соответствующем постановлении 2010 года. Нередки случаи заявления подсудимого, что в связи с несовременным ознакомлением с постановлением он был лишен на стадии предварительного расследования возможности реализовать свои права, связанные с назначением и производством экспертизы. Эти доводы опровергаются, тем, что подсудимый сам не воспользовался предоставленными ему законом правами. Подобная ситуация может возникнуть при выбранной линии защиты заявлять ходатайства уже в суде. Суды при этом зачастую указывают на отсутствие фундаментальных нарушений.

Еще при проверке сообщения о преступлении законодатель предоставил возможность назначения судебной экспертизы. И уже здесь обнаруживаются проблемные аспекты. Возможность назначения судебной экспертизы еще до возбуждения уголовного дела не только позволяет наиболее полно провести проверку сообщения о преступлении, но и дает возможность еще на этой стадии уголовного судопроизводства установить подлежащие доказыванию обстоятельства и принять обоснованное процессуальное решение в порядке ст. 145 УПК РФ. Однако, как видится, говорить о процессуальной экономии в рамках данной процедуры можно лишь в том случае, если назначение судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела является исключительным случаем, при одновременном обеспечении гарантий участников уголовного судопроизводства. Данная цель (процессуальная экономия) не может быть достигнута при действующей редакции норм УПК РФ, регламентирующих назначение и производство судебной экспертизы. Это обусловлено следующим.

Не имеется необходимости напоминать всем известную процедуру назначения судебных экспертиз. В рамках обозначенной тематики акцентируем внимание на предусмотренную УПК РФ (ч.3 ст. 195) необходимость ознакомления с постановлением следователя, с которым связаны права

[72] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2024 № 77-455/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участников уголовного судопроизводства (ст. 198 УПК РФ). Положения же ч.1 ст. 144 УПК РФ не содержат четкого указания, что экспертиза до возбуждения уголовного дела производится в порядке, установленном гл. 27 УПК РФ. На наш взгляд, обязанность обеспечивать осуществлении прав лиц, чьи интересы затрагиваются производством экспертизы, возлагается на лицо, ее назначившую, ч.1[1] ст. 144 УПК РФ. Но такая позиция поддерживается не всеми правоприменителями, что обусловлено, в том числе отсутствием в ст. 198 УПК РФ положений, распространяющих ее действие на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство на стадии возбуждения уголовного дела. Так, по уголовному делу о покушении на убийство кассационный суд, не усмотрев нарушений процессуального законодательства, отметил, что первоначальная экспертиза проводилась до придания гражданину статуса подозреваемого, а потому и оснований для ознакомления с постановлением о назначении экспертизы не было[73].

Приведем пример: суд первой инстанции, а затем апелляционной и кассационной инстанций последовательно приходили к выводу о том, что не были нарушены права лица, заявившего о совершении преступлении, и рассчитывающего в дальнейшем на признание его потерпевшим на том основании, что лицо может быть признано только после возбуждения уголовного дела, а на момент назначения этих экспертиз такого решения принято не было. При этом суды отметили, что заключения экспертов выполнены в соответствии с законодательством. «Для реализации всей полноты процессуальных возможностей потерпевшего требуется официальное придание лицу такого статуса», — подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации. Но далее указал: если по заявлению лица органом предварительного расследования проводится доследственная проверка, то в соответствии с ч.1 ст. 144 УПК РФ заявителю и другим лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ[74].

Это порождает правовую неопределённость, а также нарушает права лиц, чьи интересы затрагиваются производством экспертизы, не предоставляя возможности знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявить ходатайства об отводе, о постановке дополнительных вопросов и пр. Безусловно, сторона защиты редко оставляет без внимания данный факт. Изучение следственной и судебной практики свидетельствует о достаточно большом количестве жалоб на допустимость заключений экспертиз, проведенных до возбуждения уголовного дела.

---

[73] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2024 № 77-1425/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[74] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 № 2098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Песоцкого Игоря Олеговича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 195, частью первой статьи 198, частью первой статьи 205 и частью первой статьи 206 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 13, подпунктом «а» пункта 14 и подпунктом «а» пункта 15 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

Поскольку эффективность уголовного судопроизводства рассматривается как необходимое условие справедливого правосудия[75], представляется весьма важным его соблюдение в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей — прав и свобод человека, справедливости.

Если неукоснительно следовать требованиям ч. 1^2 ст. 144 УПК РФ, то обязательно назначение дополнительной или повторной в каждом случае соответствующего волеизъявления сторон в связи с проведением первоначальной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Изучение решений судебной коллегии кассационных судов, позволило обнаружить подтверждение тому и в правоприменительной практике. В 2021 году в основе решения для передачи уголовного дела на новое рассмотрение был вывод о том, что закон прямо предписывает удовлетворять ходатайства сторон о назначении дополнительной судебной экспертизы в рамках возбужденного уголовного дела. Более того, отказ в удовлетворении такого ходатайства суд рассматривает как нарушение права на защиту[76]. Аналогичный вывод содержится в кассационном определении этого же суда 2023 года[77].

Среди правоприменителей немало тех, кто полагает недостаточным для признания недопустимым доказательством заключения экспертизы, проведенной в рамках доследственной проверки (даже, если никто не был ознакомлен с постановлением о ее назначении), ходатайства сторон о проведении дополнительной или повторной экспертизы после возбуждения уголовного дела. В практике встречаются случаи, когда суды не считают отказ в удовлетворении такого ходатайства необоснованным, приводя следующие доводы: ч.1^2 ст. 144 УПК РФ должна рассматриваться во взаимосвязи со ст. 207 УПК РФ, а формальное обращение сторон с соответствующим ходатайством не влечет его удовлетворение в обязательном порядке[78]. Такая точка зрения вполне обоснована с позиции соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства.

Вопросы совершенствования процедуры назначения судебной экспертизы по уголовному делу не утрачивает своей актуальности. Подтверждением этому является огромный массив обращений в Конституционный Суд Российской Федерации по поводу отсутствия в УПК РФ конкретных сроков ознакомления с постановлением о назначении экспертизы. Однако это процессуальное действие (ознакомление), как неоднократно указывал Консти-

---

[75] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.03.2014 № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

[76] Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу № 77-642/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[77] Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 № 77-1297/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[78] Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 17.05.2017 по делу №44У-78/2017, 4У-180/2017; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2023 № 77-5145/2023; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2022 № 77-2600/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

туционный Суд Российской Федерации должно быть осуществлено до начала производства экспертизы[79].

Жалобы на процессуальное нарушение (ознакомление с постановлением экспертизы во время либо после ее проведения) рассматривались в 2024 году в судах кассационной инстанции с первого по девятый[80], а также в Кассационном военном суде[81]. Это свидетельствует об актуальности обозначенного вопроса, необходимости его дальнейшего исследования на предмет формулирования уголовно-процессуального закона четко и недвусмысленно.

В правоприменительной практике имеются примеры, когда суды отмечают, что законодательно не регламентирован момент ознакомления с постановлением о назначении экспертизы. Иллюстрацией может служить уголовное дело, по которому в 2020 году осужденному по ч.4 ст. 111 УК РФ было назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы. Тогда суд первой инстанции не принял во внимание доводы стороны защиты о нарушении УПК РФ в части ознакомления с постановлениями о назначении экспертиз уже после их проведения. Для признания нарушенным права на защиту потребовалось обращение в кассационную инстанцию[82].

Далеко не всегда суды признают недопустимым доказательством заключение судебной экспертизы, проведенной на основании постановления, с которым стороны были ознакомлены уже во время производства экспертизы или после ее завершения[83].

Определенный интерес представляет в этом плане одно из последний определений высшего судебного органа конституционного контроля, в котором последовательно отражена позиция о том, что исключением из обще-

---

[79] Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 года № 206-О, от 25 декабря 2008 года № 936-О-О, от 17 ноября 2009 года № 1398-О-О, от 17 декабря 2009 года № 1629-О-О, от 22 марта 2011 года № 340-О-О, от 25 января 2012 года № 32-О-О и др. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[80] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 № 77-2074/2024; Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2024 № 77-1334/2024; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2024 по делу № 77-940/2024; Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 № 77-1805/2024; Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2024 № 77-244/2024; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2024 № 77-1711/2024; Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2024 № 77-1870/2024; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 по делу № 77-2569/2024; Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2024 по делу № 77-394/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[81] Кассационное определение Кассационного военного суда от 30.06.2021 № 77-220/2021// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[82] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2021 № 77-4517/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[83] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2021 № 77-4982/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2021 № 77-6145/2021; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.10.2020 № 77-2102/2020; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 № 77-1809/2023// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го правила ознакомления с постановлением до начала производства экспертизы является лишь объективная невозможность это сделать. Примечателен в нем следующий тезис: само по себе нарушение этого правила не ставит под сомнение допустимость и достоверность заключения эксперта[84].

Поддерживая в целом позицию о неприемлемости формального подхода к исключению из числа доказательств заключений экспертиз, как отражено в целом ряде судебных решений, полагаем все же целесообразным совершенствование уголовно-процессуального закона во избежание оспаривания соблюдения прав при назначении и производстве судебной экспертизы.

Е. Б. СЕРОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Одним из наиболее действенных правовых способов охраны имущественных интересов общества, государства и личности и восстановления прав, нарушенных преступлением, является институт гражданского иска в уголовном процессе. Как справедливо отмечает Н.Е. Григорьев, предъявленное «в судебном заседании стороной обвинения исковое заявление — наиболее своевременный инструмент компенсации причинённого преступлением морального и имущественного вреда, поскольку суд одновременно с признанием виновности лица на него возлагает обязанность возмещения причинённого преступлением ущерба. В совокупности с наложением ареста на имущество по делу это позволяет суду принять решение о реализации этого имущества в пользу потерпевшего и таким образом реально компенсировать ущерб. При такой правоприменительной практике приговор по уголовному делу становится законченным актом правосудия, восстанавливающим справедливость как в уголовном, так и в гражданско-правовом аспектах»[85].

В теории под гражданским иском традиционно понимается требование потерпевшего или иного лица, которому преступлением причинен вред, о возмещении имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, к обвиняемому или лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, заявленное при производстве по уголовному делу. На практике чаще всего приходится сталкиваться с исками о возмещении ущерба, причиненного преступлением, возмещении затрат на лечение и о взыскании процессуальных издержек, связанных с оказанием потерпевшему помощи представителя.

---

[84] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2024 №863-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[85] Григорьев, Н. Е. Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе / Н. Е. Григорьев // Законность. — 2017. — № 2 (988). — С. 12.

Гражданский иск может быть заявлен как в досудебном производстве, так и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции до момента окончания судебного следствия (в случае вынесения обвинительного вердикта при производстве в суде с участием присяжных заседателей — до момента окончания исследования обстоятельств, отнесенных к обсуждению последствий вердикта), что обуславливает необходимость внимательного отношения к нему со стороны надзирающего прокурора и государственного обвинителя. Прокурор не только должен обращать внимание на соблюдение прав и законных интересов гражданских истца и ответчика, но и вправе сам предъявить иск, что предусмотрено ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Несомненно, деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве чрезвычайно многогранная и разнопланова. Более того, по мнению ряда исследователей (и мы это мнение разделяем), она более сложна и разнообразна, чем деятельность следователя и (даже) суда и следует вести речь не только о неразделимом единстве прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве, обусловленном едиными задачами, но и о многофункциональном, многоплановом характере такой деятельности, ее полифункциональной направленности[86]. Применительно к теме нашего исследования отметим, что ряд исследователей даже выделяет функцию предъявления или поддержания предъявленного по делу гражданского иска, если этого требует охрана государственных, общественных интересов или прав граждан (ч. 6 ст. 246 УПК РФ) в качестве самостоятельной функции, реализуемой в судебном производстве[87].

Не ставя перед собой цели исследования функции прокурора в уголовном судопроизводстве, отметим, что прокурор, в силу возложенных на него обязанностей не только вправе, но и обязан предъявлять гражданский иск в предусмотренных законом случаях, поскольку в силу своего должностного положения и возложенных на него УПК РФ и приказами Генерального прокурора Российской Федерации[88] функций обязан использовать все предоставленные полномочия, обеспечивающие исполнение законов об охране прав и интересов граждан и государства. В частности, Генеральный прокурор Российской Федерации обязывает всех прокуроров добиваться выполнения следственными органами требований закона о признании потерпевшим лица, которому причинен вред преступлением, незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела либо после получения данных об этом

---

[86] См.: Спирин, А. В. Об особых видах деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве / А. В. Спирин // Алтайский юридический вестник. — 2021. — № 1 (33). — С. 130; Ястребов, В. Б. Системный принцип в судопроизводстве: сущность и роль прокурора в его реализации / В. Б. Ястребов, В. В. Ястребов // Законодательство. 2018. № 11. С. 45—53.

[87] Семененко, М. Э. О многофункциональной деятельности прокурора в судебном производстве по уголовным делам / М. Э. Семененко // Аграрное и земельное право. — 2014. — № 6 (114) — С. 151.

[88] См.: Приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», от 30.06.2021 № 376 (ред. от 03.07.2024) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

лице, обращать внимание на выполнение положений статьи 160.1 УПК РФ, обязывающих следователя незамедлительно принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, а также принять меры по наложению ареста на такое имущество, в необходимых случаях реализовывать полномочия, предусмотренные статьей 44 УПК РФ, в части предъявления гражданского иска.

При обнаружении бездействия органа, осуществляющего предварительное расследование (или низкой эффективности действия) в части выявления имущества, на которое может быть наложен арест, неприменения или ненадлежащего применения обеспечительных мер, а также при невозможности потерпевшим самостоятельно осуществлять свои права и законные интересы в ходе изучения дела и в судебном разбирательстве прокурор должен принять меры к устранению выявленных недостатков, а в случаях, предусмотренных законом, самостоятельно предъявить иск.

Следует подчеркнуть, что распоряжение данным полномочием способствует наиболее полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела и более эффективному и быстрому решению вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступлением. Более того, как отмечает С. В. Легостаев, несмотря на то что статус прокурора не дает преимуществ перед гражданским истцом, круг правомочий прокурора в уголовном судопроизводстве значительно шире. Следовательно, у прокурора больше возможностей для отстаивания имущественных интересов, в том числе государственных интересов, чем у гражданского истца [89].

УПК РФ не содержит жестких требований по оформлению искового заявления, в том числе и подаваемого прокурором. Следует придерживаться тех правил, которые нашли закрепление в Гражданско-процессуальном кодексе РФ (далее — ГПК РФ). Иск подается в письменной форме, хотя в литературе высказано мнение о возможности подачи заявления в устной форме (в этом случае об этом делается отметка в протоколе следственного действия или судебного заседания). С нашей точки зрения, иск прокурора всегда должен подаваться в письменной форме. Исковое заявление должно содержать следующие сведения:

- наименование суда, куда подается иск (вопрос определения подсудности в данном случае не стоит, поскольку она определяется подсудностью уголовного дела. Представляется, что в данном случае следует говорить о подсудности по связи дел);

- наименование процессуального (прокурора) и материального (при его наличии) истца;

---

[89] Легостаев, С. В. Гражданский иск прокурора в уголовном процессе / С. В. Легостаев // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2021 года. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 232.

- наименование ответчика по уголовному делу;

- цена иска;

- предмет и основание (фактическое и юридическое) иска. Исковое заявление должно содержать указание на орган, осуществлявший предварительное расследование; дату совершения деяния и причинения ответчиком ущерба; обстоятельства противоправного деяния; наименование ущерба (перечень имущества, которому преступными действиями ответчика причинен ущерб, предмет хищения и его стоимость и т.п.); документы, которыми подтверждается ущерб; расчет взыскиваемой суммы; требование о взыскании с виновного причиненного ущерба;

- необходимо представить число копий по количеству участников уголовного судопроизводства с приложением подтверждающих их документов (статья 132 ГПК РФ).

Если иск подается в ходе судебного разбирательства, государственный обвинитель должен заявить ходатайства:

- о приобщении и рассмотрении судом иска, которое должен мотивировать исходя из содержания иска;

- о признании гражданским истцом, а виновного лица – гражданским ответчиком с обязательным разъяснением гражданских прав.

Важно обратить внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой по смыслу норм УПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также принимая во внимание принцип законности при производстве по уголовному делу, в силу которого определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (часть четвертая статьи 7 УПК Российской Федерации), принятые в рамках уголовного дела процессуальные решения по гражданскому иску — как промежуточные (признание гражданским истцом, привлечение в качестве гражданского ответчика, наложение ареста на имущество в целях обеспечения иска, продление действия этой принудительной меры, оставление иска без рассмотрения), так и итоговые (отказ в удовлетворении или удовлетворение иска) — требуют обоснования имеющимися доказательствами, подлежащими судебной проверке и оценке[90].

Реализуя предоставленные ему полномочия, государственный обвинитель, изучающий материалы уголовного дела, должен обращать внимание на целый ряд моментов:

- заявлен ли по делу гражданский иск, разъяснено ли потерпевшему и иным заинтересованным лицам право на предъявление иска. Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что данное право органами

[90] По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.04.2019 № 18-П.

предварительного расследования потерпевшему не разъяснялось, суд обязан устранить допущенное нарушение разъяснив потерпевшему его права в ходе предварительного слушания либо в подготовительной части судебного заседания (часть 1 статьи 234, часть 1 статьи 268 УПК РФ), а при наличии к тому оснований — принять меры к обеспечению гражданского иска (статья 230 УПК РФ).

- что является предметом иска, дана ли органами предварительного расследования надлежащая юридическая оценка деяния (как в части его уголовно-правовой квалификации, так и в части гражданско-правового характера);

- правильно ли следователем определены лица, которым предоставлен статус истца и ответчика, поставлен ли вопрос и привлечении к делу третьих лиц, извещены ли они о принятых по делу решениях, затрагивающих их права;

- правильно ли определена цена иска, размер которой непосредственно связан с размером ущерба, причиненного преступлением. Цена иска зависит, прежде всего, от доказанного размера материального ущерба, причиненного преступлением. Представляется, что возмещение морального вреда предметом иска прокурора быть не может. Этот тезис следует из позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой право требовать компенсацию морального вреда неразрывно связано с личностью потерпевшего и носит личный характер[91]. Однако прокурор в процессе должен раскрыть свою позицию по данному вопросу. При этом он должен выразить позицию как относительно того, подлежит ли данный вред возмещению в конкретной ситуации, и в каком размере. Ориентируя суд на необходимость удовлетворения исковых требований потерпевшего-гражданского истца, прокурор должен ориентироваться на положения ст. 151 и пункта 2 ст. 1101 ГК РФ и учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости.

Установление размера материального ущерба, а также характера физических и нравственных страданий потерпевшего входит в предмет доказывания по делу. Хотя факт причинения морального вреда потерпевшему от преступления, в том числе преступления против собственности, не нуждается в доказывании, если судом на основе исследования фактических обстоятельств дела установлено, что это преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага, при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать фактические обстоятельства, при которых было совершено преступление, повлекшее причинение вреда, поведение субъекта после совершения преступления, индивидуальные особенности потерпевшего и т.п.

---

[91] О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33.

Следует помнить, что к подлежащему возмещению имущественному вреду помимо указанного в обвинении относится также вред, возникший в результате уничтожения или повреждения обвиняемым чужого имущества, когда данные действия входили в способ совершения преступления (например, повреждение устройств сигнализации или видеонаблюдения, взлом замка, повреждение двери или окна при проникновении в помещение, повреждение автомобиля с целью его угона) и не требовали самостоятельной квалификации по статье 167 или статье 168 УК РФ. При этом следует учитывать, что имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья; расходы на погребение, когда последствием преступления являлась смерть человека; расходы по ремонту поврежденного имущества при проникновении в жилище и др.), подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов (квитанций об оплате, кассовых и товарных чеков и т.д.). Кроме того, по смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным, о возмещении вреда в случае смерти кормильца), а также регрессные иски (о возмещении расходов страховым организациям и др.) подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. В этой части гражданский иск по уголовному делу суд оставляет без рассмотрения с указанием в постановлении (определении) или обвинительном приговоре мотивов принятого решения;

Приговором Забайкальского краевого суда от 17 августа 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Б. признан виновным в совершении разбойного нападения на М. и Ш., в ходе которого совершил убийство Ш., и осужден по пункту "в" части 4 статьи 162 УК РФ, по пункту "з" части 2 статьи 105 УК РФ.

Приговором разрешены гражданские иски.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 27 октября 2021 г., рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката в интересах осужденного, отменила судебные решения в части разрешения гражданского иска по следующим основаниям.

Согласно материалам уголовного дела и.о. прокурора Читинского района Забайкальского края в период предварительного следствия был заявлен гражданский иск о взыскании с Б. в пользу территориального фонда медицинского страхования Забайкальского края средств, затраченных на лечение потерпевшей Ш., который судом при рассмотрении уголовного дела удовлетворен. Согласно приговору суда, с Б. взыскано 54 294,06 руб. затрат на лечение потерпевшей.

При этом по смыслу части 1 статьи 44 УПК РФ требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего, регрессные иски, в том числе о возмещении расходов страховым организациям, подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства, в связи с чем оснований для рассмотрения иска прокурора в рамках судебного разбирательства по уголовному делу у суда не имелось.

Судом апелляционной инстанции данное обстоятельство какой-либо оценки не получило, соответствующих изменений в приговор внесено не было.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор и апелляционное определение в части взыскания с Б. в пользу территориального фонда медицинского страхования затрат на лечение потерпевшей отменила, разъяснив прокурору право на обращение с иском в порядке гражданского судопроизводства [92].

- имеются ли в деле достаточные доказательства, подтверждающие исковые требования;

- применялись ли в досудебном производстве меры по обеспечению гражданского иска.

Результатом изучения дела должно стать решение прокурора о необходимости поддержать исковые требования, а при отсутствии заявленного иска сделать это самостоятельно в ходе предварительного слушания или в судебном следствии. Если в последующем государственный обвинитель откажется от обвинения, гражданский иск подлежит передаче на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. М.А. Мусаев в связи с этим отмечает, что судьба гражданского иска тесно связана с обвинением и в зависимости от оснований прекращения дела по заявлению обвинителя может оказаться бесперспективной[93]. По нашему мнению, такое решение абсолютно логично и направлено на защиту прав ответчика, деяние которого не признается преступлением. В свою очередь, права истца также не нарушены, поскольку он может отстаивать свои интересы в порядке гражданского судопроизводства.

В целях разрешения предъявленного по делу гражданского иска суд в ходе судебного следствия выясняет у гражданского истца и (или) его представителя, государственного обвинителя, если гражданский иск предъявлен прокурором, поддерживают ли они иск, и предлагает огласить содержащиеся в нем требования, после чего выясняет, признают ли подсудимый, гражданский ответчик и (или) его представитель гражданский иск.

Участникам судебного разбирательства, интересы которых затрагиваются гражданским иском, предоставляется возможность выразить по нему свою позицию и представить в случае необходимости относящиеся к иску дополнительные материалы. Суд также выслушивает мнение государственного обвинителя по иску гражданского истца.

---

[92] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022).

[93] Мусаев М. А. О судебной защите интересов жертв преступлений / М. А. Мусаев // Современное право. — 2011. — № 11. — С. 132.

С учетом положений пункта 4 части 1 статьи 73 УПК РФ бремя доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда лежит на государственном обвинителе.

В ходе судебного следствия гособвинитель обязан обеспечить представление доказательств, в том числе по обстоятельствам, связанным с заявленным иском, обозначить суду свою позицию относительно каждого заявленного в иске требования (по ним судом в дальнейшем должно быть принято решение), установить, причинен ли преступлением вред и какой именно (имущественный, физический или моральный), причинен ли этот вред подсудимым, подлежит ли он возмещению и в чью пользу. В случае возмещения виновным лицом причиненного преступлением вреда либо неподтверждения факта причинения преступлением ущерба прокурор, выяснив позицию потерпевшего (но не будучи связан этой позицией), вправе отказаться от иска полностью или в части.

Как справедливо отмечает С. В. Легастаев, «в ходе судебного следствия государственный обвинитель обязан обеспечивать представление доказательств, в том числе по обстоятельствам, связанным с заявлением иском, к числу которых могут быть отнесены дополнительные расчеты взыскиваемой суммы ущерба, бухгалтерские и другие финансовые документы, договоры, справки, заключения специалистов, экспертов, акты аудиторских проверок, ревизий, расписки и другие документы. При этом участвующий в деле прокурор должен обозначать суду свою позицию относительно предъявленного иска, установить, причинен ли преступлением вред и какой именно (имущественный, физический или моральный), причинен ли этот вред подсудимым, подлежит ли он возмещению и в чью пользу. Кроме того, в случае не подтверждения суммы причиненного ущерба либо частичного добровольного возмещения ущерба виновным, участвующий в уголовном деле прокурор вправе в судебном заседании ставить вопрос об изменении подлежащего возмещению объема ущерба в сторону уменьшения»[94].

Вред, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина (пункт 11 статьи 152 ГК РФ).

Относительно определения размера причиненного преступлением ущерба и, соответственно, расчета сумм, подлежащих взысканию с подсудимого, О.Е. Громов обращает внимание на необходимость тщательного изучения прокурором материалов дела, касающихся «вида имущества, похищенного или поврежденного, его стоимости, частичного возмещения, определения конечного размера подлежащего возмещению вреда. При подготовке к участию в судебных прениях государственному обвинителю необходимо составлять план расчета гражданского иска. В прениях сторон государственный обвинитель должен мотивировать требования об удовлетворении заявленного иска в части или полностью. В случае, если расчет сумм,

[94] Легостаев С. В. Указ. соч. С. 233.

подлежащих взысканию, по имеющимся в деле данным произвести не представляется возможным, государственный обвинитель в своей речи должен предложить оставить иск без рассмотрения с правом обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства. В случае отказа от обвинения в связи с отсутствием события преступления или недоказанностью участия подсудимого, гражданский иск должен быть оставлен без удовлетворения»[95].

Прокурор должен стремиться к тому, чтобы в деле находились все необходимые доказательства, подчеркивающие обоснованность заявленных требований и правильность произведенных расчетов. В противном случае рассмотрение гражданского иска становится невозможном и суд вправе признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (часть 2 статьи 309 УПК РФ). В таких случаях дополнительного заявления от гражданского истца не требуется.

Такой подход достаточно распространен на практике даже при наличии необходимой доказательственной базы. Однако это противоречит как логике производства по делу, так и позиции Верховного Суда Российской Федерации, который в своем Постановлении указывает, что суду в ходе судебного разбирательства надлежит принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу, с тем чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены, не допускать при постановлении обвинительного приговора необоснованной передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

При этом следует иметь в виду, что не является основанием передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства необходимость производства дополнительных расчетов, если они связаны в том числе с уточнением размера имущественного вреда, который имеет значение для квалификации содеянного и определения объема обвинения, даже когда такие расчеты требуют отложения судебного разбирательства.

В случае если в соответствии с частью 2 статьи 309 УПК РФ суд признал за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передал вопрос о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, такое решение всегда должно быть мотивировано в приговоре. Следовательно, отступление суда от данного требования может потребовать оспаривания состоявшегося судебного акта в апелляционном порядке. Также апелляционным поводом является несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам в части разрешения вопроса по гражданскому иску, выразившееся в расхождении суммы ущерба, предъявленного в обвинении, установленного в ходе судебного разбирательства и взысканного по приговору суда.

---

[95] Громов, О. Е. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве / О. Е. Громов // Законность и правопорядок. — 2015. — № 1(11). — С. 85—86.

В заключение отметим, что на практике имеют место случаи бездействия прокурором при наличии основания для предъявления гражданского иска в уголовном деле. Н.Е. Григорьев, выделяя основные причины бездействия прокуроров по предъявлению исков (отсутствие целесообразности предъявления исков по уголовным делам, в рамках которых примирение с потерпевшим достигнуто; намерение прокуроров предъявить иск после вынесения итогового решения по делу в порядке гражданского судопроизводства; отсутствие согласия на предъявление исков законных представителей не совершеннолетних потерпевших), оценивает их как несостоятельные, негативно влияющие на процесс рассмотрения уголовного дела,[96] в чем мы с ним полностью согласны.

Подводя итог изложенному, следует сделать вывод, что прокуроры активно реализуют полномочия, предусмотренные ч. 3 ст. 44 УПК РФ, в первую очередь по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также в случаях, когда речь идёт о защите интересов государства. Однако использование этого правового инструмента не носит безусловный, системный характер, и в перспективе есть потенциал для его более активного применения.

Список источников

1. Григорьев, Н. Е. Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе / Н. Е. Григорьев // Законность. — 2017. — № 2(988). — С. 12—14.

2. Громов, О. Е. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве / О. Е. Громов // Законность и правопорядок. — 2015. — № 1(11). — С. 84—87.

3. Легостаев, С. В. Гражданский иск прокурора в уголовном процессе / С. В. Легостаев // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2021 года. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 231—235.

4. Мусаев, М. А. О судебной защите интересов жертв преступлений / М. А. Мусаев // Современное право. — 2011. — № 11. — С. 130—136.

5. Семененко, М. Э. О многофункциональной деятельности прокурора в судебном производстве по уголовным делам / М. Э. Семененко // Аграрное и земельное право. — 2014. — № 6 (114). — С. 146—151.

6. Спирин, А. В. Об особых видах деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве / А. В. Спирин // Алтайский юридический вестник. — 2021. — № 1(33). — С. 128—132.

7. Ястребов, В. Б. Системный принцип в судопроизводстве: сущность и роль прокурора в его реализации / В. Б. Ястребов, В. В. Ястребов // Законодательство. 2018. № 11. С. 45—53.

[96] Григорьев, Н. Е. Указ. соч. — С. 13.

Е. В. СИДОРЕНКО

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К РАССМОТРЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Что мешает государственному обвинителю надлежаще выполнять свои профессиональные обязанности?

Большой объем рассмотрения уголовных дел в особом порядке: около 75% уголовных дел рассматривается в районных (городских) судах без исследования доказательств, в порядке глав 40, 40-1 УПК РФ. Государственные обвинители перед рассмотрением уголовного дела в особом порядке не изучают материалы уголовного дела, ограничиваясь ознакомлением с обвинительным заключением (актом). При этом теряется квалификация государственных обвинителей, вырабатывается пагубная привычка вообще не изучать материалы уголовного дела.

Поддержание обвинения исключительно на основании надзорного производства по делу также не способствует росту профессионального мастерства. Кроме всего прочего, версия, изложенная в обвинительном заключении — это всего лишь одна из возможных версий, которой придерживается следствие (дознание).

Полагаясь на свой опыт и особые аналитические способности, государственный обвинитель, не изучив материалы всего уголовного дела, не сможет учитывать, например, версии защиты или иметь свою собственную версию, несколько отличную от версии следствия.

Прокурорские работники, поддерживающие государственное обвинение, впрочем, как и надзирающие за предварительным расследованием, не имеют опыта и знания расследования преступлений.

В 2017 году Д.М. Широков и А.М. Широков писали: «В настоящее время имеется тенденция к снижению количества прокурорских работников, имеющих стаж следственной работы. Отсутствие опыта расследования уголовных дел лишает сотрудника прокуратуры в полной мере возможности апробации знаний науки криминалистики и зачастую выводит данные знания за рамки их фактического использования в ежедневной деятельности»[97]. Сегодня, спустя 7 лет, эта тенденция вообще стремиться к нулю. Остались лишь старожилы, заставшие прокурорское следствие.

Прокурор, поддерживающий государственное обвинение (как судья и адвокат) не являются субъектами криминалистики. Тем не менее нет необходимости отрицать, что государственному обвинению необходимы знания криминалистики.

---

[97] Широков Д.М., Широков А.М. К вопросу о предмете криминалистики с позиций прокурорской деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 2. С. 190.

Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора реализуется в совершенствовании процесса доказывания в суде; в совершенствовании оценки собранных доказательств; в тактике поддержания государственного обвинения.

Развитие науки криминалистики свидетельствует о возможности и необходимости применения отдельных положений криминалистической тактики, техники и методики в рамках деятельности прокурора как в досудебной, так и в судебных стадиях уголовного судопроизводства[98].

Применительно к судебной стадии государственному обвинителю необходимо знание тактических особенностей производства судебных действий, то есть методика поддержания государственного обвинения.

Но сначала в ходе изучения материалов уголовного дела необходимо проанализировать:

- всю информацию, содержащуюся в материалах уголовного дела,
- допущенные следственные ошибки,
- оценить объем технических средств и других методов, примененных для поиска, фиксации и изъятия доказательств,
- оценить достаточность этих доказательств.

Знание прокурором тактических приемов проведения следственных действий позволит оценить их качество с содержательной стороны, а именно выявить допущенные следственные ошибки.

Н.А. Данилова и Т.Г. Николаева к таким ошибкам относят: неоправданно краткое описание проведения следственного действия; использование неясных, нечетких формулировок; несоответствие описания протокола обнаруженным предметам, следам, приложенным фотоснимкам, видеозаписи, планам, схемам; отсутствие указаний на признаки, позволяющие индивидуализировать обнаруженные объекты и тому подобное[99].

Криминалистическое мышление должно способствовать еще при подготовке к поддержанию государственного обвинения спрогнозировать возможные изменения ситуации судебного следствия и разработать варианты действий по нейтрализации неблагоприятной ситуации.

Прокурору необходимо руководствоваться типовой криминалистической характеристикой преступлений соответствующего вида, являющейся ориентирующей информацией для начала уголовного преследования и служащей основой для сбора и использования доказательств.

Кроме общей методики поддержания государственного обвинения, которая содержит в себе комплексы организационных, стратегических и тактических действий прокурора, важное значение имеют частные методики

---

[98] Глоба Э.Ю. Некоторые особенности криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном процессе // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 9 (110). С. 42.

[99] Данилова Н.А., Николаева Т.Г. Криминалистика в деятельности прокурора: нонсенс или насущная необходимость? // Актуальные проблемы российского права. 2020. №9 (118). С. 117.

поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях отдельных категорий и видов.

Проблема заключается в том, что разработка частных криминалистических методик осуществляется и базируется на общей теории криминалистики, в которой прокурор фактически не фигурирует.

Мы согласны с мнением тех авторов, которые приходят к выводу, что целям эффективного применения криминалистических знаний могло бы служить расширение предмета криминалистики.

Так, уже упоминавшиеся Д.М. Широков и А.М. Широков предлагают расширить предмет криминалистики «хотя бы в той части, в которой прокурор, являясь полноправным субъектом уголовного преследования, отражается в нем как субъект применения данных знаний в специфике своей деятельности»[100].

А.А. Корчагин и Л.Ю. Кирюшина называют одним из перспективных направлений развития науки криминалистики разработку криминалистических рекомендаций для государственных обвинителей и судей с целью их применения в суде, справедливо утверждая, что «данное направление пока еще остается мало разработанным, поскольку в криминалистической науке преобладает мнение об ограничении предмета криминалистики исключительно рамками предварительного следствия»[101].

М.М. Шаврова полагает, что «представители науки прокурорской деятельности имеют не меньше, если не больше оснований включать в предмет своей науки разработку рекомендаций, касающихся участия прокурора в судебных стадиях уголовного процесса[102].

Прокурор в целях тщательной проверки материалов уголовного дела, оценки эффективности проводимого комплекса следственных действий, должен оценить следственную работу не только с позиций формального соответствия предъявляемым уголовно-процессуальным требованиям, но и с учетом имеющихся криминалистических методик, направленных на достижение положительного результата расследования.

Таким образом, прокурор не в меньшей, а то и большей степени должен владеть методикой расследования преступлений.

Криминалистическое обеспечение, применение и разработка криминалистических рекомендаций, методик, выработка навыков криминалистического мышления должны стать одним из главных направлений совершенствования деятельности государственного обвинителя.

---

[100] Широков Д.М., Широков А.М. Указ. соч. С.188.

[101] Корчагин А.А., Кирюшина Л.Ю. Особенности подготовки тактики поддержания государственного обвинения по уголовным делам об убийствах // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6 (98). С. 92.

[102] Шаврова М.М. Уголовный процесс и криминалистика //Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 12. С. 51. Электронный ресурс — URL: http://nauka-rastudent.ru/36/3769/.

Список источников

1. Глоба, Э. Ю. Некоторые особенности криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном процессе / Э. Ю. Глоба // Общество: политика, экономика, право. —2022. — № 9 (110). — С. 41—44.

2. Данилова, Н. А. Криминалистика в деятельности прокурора: нонсенс или насущная необходимость? / Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева // Актуальные проблемы российского права. —2020. — № 9(118). — С. 113—119.

3. Корчагин, А. А. Особенности подготовки тактики поддержания государственного обвинения по уголовным делам об убийствах / А. А. Корчагин, Л. Ю. Кирюшина // Известия Алтайского государственного университета. — 2017. — № 6 (98). — С. 92—99.

4. Шаврова, М.М. Уголовный процесс и криминалистика // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 12. С. 51. Электронный ресурс — URL: http://nauka-rastudent.ru/36/3769/.

5. Широков, Д. М. К вопросу о предмете криминалистики с позиций прокурорской деятельности / Д. М. Широков, А. М. Широков // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Т. 23. — № 2. — С. 188—190.

С. В. СТРАХОВА

СУЩЕСТВЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Среди оснований отмены приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ предусмотрены существенные нарушения уголовного и (или) уголовного закона, повлиявшие на исход дела. Законодатель допускает возможность пересмотра в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда и по основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, но лишь в пределах годичного срока со дня вступления их в законную силу. Таковыми, в том числе признаются допущенные в ходе судебного разбирательства нарушения закона, повлиявшие на исход дела, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (ч. 1 ст. 401.6 УПК РФ).

В рамках данного исследования проведен анализ судебной практики прекращения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ, и практики оспаривания прокурором незаконных судебных постановлений о прекращении уголовных дел о преступлениях данной категории в кассационном порядке.

Судами в Российской Федерации в 2023 году рассмотрено 67 190 уголовных дел о преступлениях в сфере нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Несмотря на тенденцию к снижению количества рассматриваемых судами уголовных дел о преступлениях данной категории, на протяжении нескольких лет она занимает третью строчку среди иных рассматриваемых судами уголовных дел, уступая лишь уголовным делам о кражах и о незаконных действиях с наркотическими средствами и психотропными веществами. При этом практически каждое десятое уголовное дело о преступлениях сфере нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств прекращается судом (в 2023 году прекращено 6630 уголовных дел)[103].

К данной категории преступлений относится деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ: нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Основным объектом данного преступления являются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, дополнительным объектом — жизнь и здоровье человека. Общественная опасность данного преступления заключается в причинении вреда интересам государства и общества в сфере эксплуатации транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности. Данное деяние относится к категории преступлений средней тяжести.

В соответствии с положениями ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ суд на основании заявления потерпевшего или его законного представителя вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Вместе с тем, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 10.02.2022 № 188-О изложил свою правовую позицию по данному вопросу, указав, что право прекратить уголовное дело не означает произвольного разрешения этого вопроса уполномоченным органом или должностным лицом. Рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, они не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая особенности объекта преступного посягательства, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, а также личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Такое решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, как это следует из ч. 4 ст. 7 УПК РФ,

[103] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688.

а потому обстоятельства, дающие возможность его принять, должны быть подтверждены процессуально на основе доказательств и закреплены в процессуальных актах. В противном случае само по себе постановление о прекращении уголовного дела не может отвечать критерию законности и обоснованности — как не основанное на установленных фактах, подтвержденных материалами дела[104].

Кроме того, в постановлении от 27.06.2013 № 19 Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в частности, указал, что при решении вопроса об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет[105]. Наряду с указанными положениями в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 года № 25 Верховный Суд разъяснил, что принимая решение о прекращении уголовного дела о преступлениях, связанных с нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, судам следует оценивать, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства[106].

Между тем, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций нередко принимают решения о прекращении уголовных дел данной категории в связи с примирением сторон без учета указанных выше положений. Зачастую лишь принципиальная позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации при оспаривании незаконных, необоснованных, немотивированных судебных решений в Верховный Суд Российской Федерации позволяет добиваться их отмены, направления уголовного дела на новое судебное разбирательство и принятия правосудных решений.

Так, по приговору К-ского городского суда К-ской области от 19.09.2022 Ш., несудимый, осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ 2 годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на 2 года. Апелляционным постановлением К-ского областного суда от 10.11.2022 приговор в отношении Ш. оставлен без изменения. Кассационным постановлением Седьмого кассационного суда общей

---

[104] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 188-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=702790&ysclid=m1dj0tr491974251550#zSsU6PUWeyTC7Lgf2.

[105] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/?ysclid=m1dj5eqbhd180817291.

[106] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: от 09 декабря 2008 года № 25 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/?ysclid=m1dj9kd4wk845858789.

юрисдикции от 15.03.2023 приговор и апелляционное постановление в отношении Ш. отменены, уголовное дело прекращено за примирением сторон.

На указанное кассационное постановление заместителем Генерального прокурора Российской Федерации принесено представление в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Соглашаясь с доводами кассационного представления, Судебная коллегия отметила, что суд кассационной инстанции, принимая решение о прекращении уголовного дела, не убедился в доказанности факта состоявшегося примирения и заглаживания вреда потерпевшему, так как данный вывод основывался лишь на утверждениях обвиняемого, заинтересованного в таком решении, в то время как позиция потерпевшего в судебном заседании не выяснялась и в уголовном деле отсутствуют документы, позволяющие с уверенностью утверждать, что вред потерпевшему был заглажен и примирение состоялось. В условиях фактической неопределенности суд кассационной инстанции должен был убедиться в позиции потерпевшего по указанному вопросу.

Решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон при таких условиях Судебная коллегия сочла принятым с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела, искажающим саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Кассационное постановление в отношении Ш. было отменено, уголовное дело направлено на новое кассационное рассмотрение. Кассационным постановлением Судебной коллегии Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2024 приговор и апелляционное постановление в отношении Ш. оставлены без изменения[107].

С учетом обстоятельств уголовного дела в отношении Ш. полагаем, что в позиции потерпевшего должен был убедиться суд апелляционной инстанции, в судебном заседании которого возможно было бы допросить потерпевшего, — на это суд должен был ориентировать государственный обвинитель.

Между тем, в судебной практике встречаются и иные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие отмену состоявшихся судебных решений по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Так, постановлением Г-ского районного суда К-ской области от 17.03.2023 уголовное дело в отношении Т. прекращено по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением сторон. Апелляционным постановлением К-ского областного суда от 04.05.2023 постановление оставлено без изменения. Кассационным постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2023 постановление и апелляционное постановление в отношении Т. оставлены без изменения.

---

[107] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 82-УДП23-10-К7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=790775&ysclid=m1dfqrj4tr741733376#ndl76PUED7SmPxnr.

На указанные решения заместителем Генерального прокурора Российской Федерации принесено кассационное представление, в котором в обоснование доводов, в частности, указано, что при принятии судом решения о прекращении уголовного дела в отношении Т. судом оставлено без внимания, что основным объектом преступного посягательства, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Общественная опасность содеянного заключается в причинении вреда интересам государства и общества в сфере эксплуатации транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности. При этом какие именно действия Т. расценены как загладившие вред этим общественным интересам, судебными инстанциями не указано. В данном случае именно лишение Т. на определенное время возможности управлять автомобилем как раз и могло обеспечить восстановление нарушенных им законных интересов общества и государства, а также послужило бы его исправлению и предупреждению новых преступлений.

Дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, является здоровье и жизнь человека — непреходящая общечеловеческая ценность, охраняемая Конституцией Российской Федерации, и утрата которой необратима и невосполнима. В этой связи абсолютно любые позитивные действия, в том числе выплата компенсации морального вреда потерпевшей Т. и потерпевшей В., а также принесение последней извинений, никоим образом не снижают общественную опасность содеянного Т., заключающуюся в гибели человека, а отсутствие лично у В. претензий к Т. не может быть единственным подтверждением снижения общественной опасности преступления, которое позволило бы суду освободить Т. от уголовной ответственности. При этом судом не указано, какие действия Т. расценены как загладившие вред этим общественным интересам; выплата денежной компенсации Т. супруге погибшего — В. не уменьшает общественную опасность содеянного, которая заключается в наступлении от совершения этого преступления необратимых последствий — гибели человека; выводы суда о достаточности указанных действий для освобождения Т. от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, фактически аннулируют высшую ценность человеческой жизни, необъемлемое право на которую охраняется законом. Принятие судом решения о прекращении уголовного дела в отношении Т. В связи с примирением сторон исключает возможность назначения Т. не только основного, но и дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, в связи с чем Т. вправе продолжать управлять автомобилем, подвергая опасности других участников дорожного движения.

Соглашаясь с доводами кассационного представления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судом первой инстанции по делу Т. допущены существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела и искажающие саму

суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, которые не получили должной правовой оценки со стороны судов апелляционной и кассационной инстанции. Так, принимая решение о прекращении уголовного дела в отношении Т. за примирением сторон, суд должен был оценить, в какой степени предпринятые Т. действия по заглаживанию вреда в виде извинений, принесенных супруге погибшего — В., а также выплаченных ей денежных средств позволяли компенсировать наступившие от этого преступления негативные последствия в виде смерти В. Наряду с этим Судебная коллегия отметила, что суд не привел суждений о том, соответствует ли прекращение уголовного дела по данному основанию общественным интересам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом характера нарушения Т. правил дорожного движения и способны ли меры, которыми ограничился суд, предотвратить в будущем подобные нарушения.

Ввиду указанных нарушений состоявшиеся по уголовному делу в отношении Т. судебные решения отменены как незаконные и необоснованные, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции. 27.02.2023 по уголовному делу в отношении Т. постановлен обвинительный приговор, который 03.05.2024 вступил в законную силу[108].

Аналогичные примеры из судебной практики можно привести по уголовным делам отношении Р.[109], Б.[110] и др.

С учетом вышеизложенного полагаем, что прокурорам, поддерживающим государственное обвинение по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ, необходимо способствовать формированию судебной практики, основанной на требованиях закона, правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, положениях постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В этой связи ориентировать суды на необходимость учета двух объектов данного преступного посягательства, выяснять в судебном заседании с участием сторон, какие действия были предприняты подсудимым по заглаживанию вреда интересам общества и государства, потерпевшему; в какой степени предпринятые подсудимым действия по заглаживанию вреда позволяют компенсировать наступившие в результате этого преступления негативные последствия — гибель человека; состоялось ли примирение, имело ли волеизъявление потерпевшего добровольный характер; подтверждены ли указанные обстоятельства доказательствами. При наличии оснований акцентировать

---

[108] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.01.2024 по делу №71-УДП23-11-К3 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2328874&ysclid=m1dlmbjmms740863806.

[109] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2023 № 66-УДП23-20-К8 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2310172&ysclid=m1cayi9svd80657791.

[110] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9.07.2024 № 6-УДП24-2-К2 |// Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=818648&ysclid=m1cb6tun9a95998587#AsxV1PUGQ3p5hHZ71.

внимание суда на том обстоятельстве, что лишение подсудимого на определенное время возможности управлять автомобилем способно обеспечить восстановление нарушенных им законных интересов общества и государства, тогда как принятие судом решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон исключает возможность назначения не только основного, но и дополнительного наказания подсудимому в виде лишения права управлять транспортными средствами, что не способствует предупреждению совершения подобных преступлений.

А. С. СУХОДОЛОВ
И. А. СУХОДОЛОВА

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ

В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»[111]. Выполнение государством этой обязанности невозможно без эффективной правоприменительной деятельности. Частью правоприменения является юридическая (правовая) квалификация — «правовая оценка фактических обстоятельств дела путем их отнесения к определенным нормам права» [1, с.7]. В юридической литературе обращается внимание на то обстоятельство, что «правильная квалификация верно отражает социальную сущность деяния, утверждает в обществе справедливость, укрепляет законность и правопорядок» [2, с.8]. Однако, как верно отмечается в юридической доктрине, единой системы правил законной переквалификации общественно опасного деяния и обвинения в уголовном судопроизводстве, «которые бы единообразно воспринимались практикой, в современной теории не выработано» [3, с.24].

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ уголовное преследование, включая обвинение в суде, делится на осуществляемое в публичном, частно-публичном и частном порядке. Основанием деления при этом выступает характер и тяжесть совершенного преступления.

Переквалификация уголовного дела публичного (частно-публичного) обвинения на уголовное дело частного обвинения влечет за собой соответствующую трансформацию вида уголовного преследования с публичного (частно-публичного) порядка на частный. Изменение вида уголовного преследования неотделимо от неукоснительного соблюдения правоприменителем принципа *сочетания публичных и диспозитивных начал* в уголовном

[111] Российская газета. — 1993. 25 декабря.

судопроизводстве. Так, публичное начало в контексте нашего исследования выражается прежде всего в осуществлении уголовного преследования по преступлениям «двойной превенции» к которым относятся преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и назначения виновным справедливого наказания, что обеспечит надлежащую профилактику тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья. Диспозитивное же начало выражается в разумном сочетании в целях надлежащей защиты как государственных, общественных, так и личных интересов. Реализация вышеуказанного принципа в правоприменительной практике будет способствовать, по выражению А.А. Александрова, «достижению компромисса между интересами и потребностями личности и общества» [5, с. 36].

Основными началами государственного обвинения являются, по утверждению Н.Н. Полянского [6, с.143], принципы «легальности» и целесообразности или «удобства». Принцип «легальности» может быть рассмотрен в материальном и процессуальном аспектах. В первом случае он выражается формулой: «каждое преступление должно быть наказано», во втором он исчерпывается обязанностью обвинительной власти неукоснительно преследовать преступления. Как процессуальное начало принцип «легальности» может быть сформулирован двояко: 1) каждое преступление должно влечь за собой уголовное преследование, или 2) орган государственного обвинения обязан возбудить преследование, поскольку ставшее ему известным деяние предусмотрено законом в качестве преступления. Считаем, что судья должен руководствоваться только законом, игнорируя соображения целесообразности или «удобства», когда они противоречат закону. Это несомненно, поскольку только законность в правосудии обеспечивает доверие к нему. Но если правосудие вообще должно определяться началом законности, то тем же началом должна определяться и деятельность обвинительной власти. Однако, по делам частного обвинения возможны ситуации, когда вследствие бездействия стороны обвинения в лице частного обвинителя бездействует и суд.

Так, при осуществлении уголовного преследования в частном порядке, в отличие от публичного, на первый план выходят случайные факторы (неспособность частного обвинителя выдвигать и поддерживать обвинение вследствие юридической неграмотности, отсутствия необходимых организационных, материальных и иных ресурсов), подчиняющие суровую силу закона соображениям неправового характера. Но разве основная черта правового государства не состоит именно в том, что в нем право, в своей неуклонности, не уступает преходящим, более или менее случайным интересам?

Проиллюстрируем бездействие стороны обвинения на примерах из судебной практики. Например, уголовное дело было возбуждено:

- по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, но в процессе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции действия подсудимого переквалифицированы на ч. 1 ст. 115 УК РФ (дело частного обвинения), рассмотрение уголовного

дела продолжено в частном порядке и прекращено в связи с неявкой частного обвинителя (уголовное дело № 1-205/2017 Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым[112]);

- по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, однако, в суде кассационной инстанции действия осужденного переквалифицированы на ч. 1 ст. 158 УК РФ и ст. 116 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13.06.1996 г. №63-ФЗ) (дело частного обвинения), при этом уголовное дело по ст. 116 УК РФ прекращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием заявления потерпевшего (определение №69-УД15-11 судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации[113]).

Определённый научный и практический интерес представляют случаи переквалификации обвинения с публичного на частное с сохранением публичного порядка уголовного преследования.

Например, уголовное дело было возбуждено:

- по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, но в ходе дознания переквалифицировано на ч. 1 ст. 115 УК РФ (дело частного обвинения), направлено с обвинительным актом в суд, который рассмотрел дело по существу в публичном порядке с вынесением приговора (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фленова И.В. на нарушение его конституционных прав рядом положений УПК РФ»);

- по п. «а», «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ, однако, в суде апелляционной инстанции действия осужденного переквалифицированы на ч. 1 ст. 112 УК РФ и ч. 1 ст. 115 УК РФ (дело частного обвинения), по которой назначено наказание (апелляционное определение Московского городского суда от 15.05.2023 по делу №10-7826/23[114]);

- по ч. 2 ст. 162 УК РФ, однако, в суде кассационной инстанции действия осужденного переквалифицированы на п. "а" ч. 2 ст. 161 УК РФ и на ч. 1 ст. 115 УК РФ (дело частного обвинения) по которой назначено наказание (определение от 06.05.2021 №18-УД21-25-К4 судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации)[115].

Как видно из приведенных примеров, вопросы переквалификации обвинения с публичного на частное судебной практикой решаются по-разному. В одних случаях суды допускают сохранение публичного порядка уголовного преследования при вышеназванном изменении квалификации. В других — сохранение такого порядка считают невозможным. В последнем случае становится возможным на законных основаниях уклонение

---

[112] Дело № 1-205/2017 // Архив Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым.

[113] Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за № 3 (2015) // [Электронный ресурс]-Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[114] Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-7826/23 от 15 мая 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[115] Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2021 г. по делу № 18-УД21-25-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

виновных от ответственности за совершенные преступления по той лишь причине, что потерпевший (частный обвинитель) не явился в судебное заседание. Изложенное, по нашему мнению, противоречит интересам уголовного судопроизводства, сформулированным в ст. 6 УПК РФ, и приводит к нарушению баланса публичных и частных интересов.

Вместе с тем, неоднозначную позицию правоприменителей вызывают и случаи, когда *уголовное дело, возбужденное в публичном порядке* в результате переквалификации на стадии дознания переводится в категорию *дел частного обвинения,* однако уголовное преследование *продолжается в публичном порядке,* несмотря на отсутствие предусмотренных ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ оснований.

Данная правоприменительная проблема была поднята в жалобе, обратившегося в Конституционный Суд РФ гражданина Фленова И.В., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст.115 УК РФ, по уголовному делу которого проводилось дознание. По мнению Фленова И.В., его конституционные права нарушены:

- переквалификацией дознавателем с согласия прокурора уголовного преследования с п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ (публичное обвинение) на ч. 1 ст. 115 УК РФ (частное обвинение), непринятием мер к прекращению уголовного дела частного обвинения в связи с отсутствием предусмотренных ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ оснований, направлением уголовного дела с обвинительным актом в суд;

- рассмотрением судом уголовного дела частного обвинения, поступившего в суд с обвинительным актом, непринятием мер к его прекращению в связи с отсутствием предусмотренных ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ оснований.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Вместе с тем, согласно ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ по уголовному делу частного обвинения может производиться предварительное расследование, по результатам которого дело рассматривается в суде как уголовное дело публичного обвинения, что не может расцениваться как нарушение прав обвиняемого[116].

На наш взгляд, состоявшееся решение Конституционного Суда Российской Федерации демонстрирует назревшую необходимость нормативно регламентировать порядок принятия решений о переквалификации, который до настоящего времени в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не определен. Случай с делом Фленова И.В. осложнен еще и тем,

[116] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фленова И. В. на нарушение его конституционных прав рядом положений УПК РФ»// [Электронный ресурс]-Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что одновременно с переквалификацией уголовного преследования с п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ в силу ч. 2 ст. 20 УПК РФ должен был измениться и вид уголовного преследования: с публичного на частный чего, однако, не произошло. Отсутствие в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 668-О сведений о несоответствии положений Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод о предполагаемом нарушении, допущенном при производстве дознания по данному уголовному делу. Рассмотренный пример, на наш взгляд, подчеркивает актуальность вопроса об определении порядка изменения вида уголовного преследования с публичного на частный, который до настоящего времени в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не сформулирован. При этом, необходимо учитывать особенности указанной трансформации не только на досудебном производстве, но и в судах первой, апелляционной и кассационной инстанции.

О законодательной неурегулированности этого вопроса высказывался также и Титов П.М., мнение которого в этой части мы разделяем, однако, не можем согласиться с предложенными им путями решения проблемы. С целью более полного урегулирования данного вопроса указанным исследователем предлагается ввести ч. 1.1 ст. 155 УПК РФ следующего содержания «В случае если в ходе предварительного расследования по делу публичного или частно-публичного обвинения деяние переквалифицируется на норму уголовного закона, отнесенную к частному обвинению, следователь, дознаватель выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения о соответствующем преступлении, из уголовного дела и направляет их для принятия решения мировому судье в соответствии с правилами территориальной подсудности» [4, с.71]. На наш взгляд, предложенные изменения не позволят урегулировать исследуемый вопрос по следующим причинам. Во-первых, как уже отмечалось, действующее законодательство не только не содержит понятия «переквалификация», но и не предусматривает процессуальный порядок принятия соответствующего решения. Во-вторых, предложенные изменения не регулируют стадии судебного производства. В-третьих, уголовные дела частного обвинения о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ подсудны районному суду, а не мировому судье. И, в-четвертых, что на наш взгляд, наиболее важно, указанные изменения не учитывают возможные случаи совокупности преступлений, когда, следуя предложенным изменениям, возникнет необходимость искусственно разъединять уголовное дело по обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений, часть из которых относится к делам частного обвинения, а часть — к делам публичного. Вместе с этим, уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможность совмещения в одном производстве двух таких различных по своей сути видов уголовного преследования, как частный и публичный порядок.

На преодоление указанных пробелов было направлено разъяснение, содержащееся в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 №55 «О судебном приговоре», согласно которому «если судом в действиях подсудимого установлены признаки преступления, отнесенного уголовным законом к категории дел частного обвинения, и в материалах уголовного дела имеется заявление о привлечении его к уголовной ответственности за данное преступление, но потерпевший или его законный представитель заявляют о примирении с подсудимым, дело подлежит прекращению на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ. При отсутствии в деле заявления о привлечении подсудимого к уголовной ответственности за совершение преступления, указанного в ч. 2 или 3 ст. 20 УПК РФ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 данной статьи, суд разъясняет потерпевшему или его законному представителю право обратиться к суду с таким заявлением. Устное заявление этих лиц отражается в протоколе судебного заседания. Если заявление от них не поступит, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ»[117].

Между тем, следует отметить, что указанное постановление не разъясняет в каком: частном или публичном порядке следует осуществлять уголовное преследование если судом в действиях подсудимого установлены признаки преступления, отнесенного уголовным законом к категории дел частного обвинения, и в материалах уголовного дела имеется заявление (письменное либо устное) о привлечении его к уголовной ответственности за данное преступление, но заявление о примирении от потерпевшего или его законного представителя не поступит.

На наш взгляд до ликвидации института частного обвинения, разрешить указанную коллизию можно введением следующего правила:

«если органом предварительного расследования, прокурором, судом в действиях подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного установлены признаки преступления, отнесенного уголовным законом к категории дел частного обвинения, уголовное преследование, включая обвинение в суде, продолжается в публичном порядке».

Изложенные выше неоднозначные подходы правоприменительной практики, относящиеся к вопросу переквалификации обвинения с публичного на частное, свидетельствуют *о неэффективности* института частного обвинения в существующем виде, что требует дальнейшей научной проработки и создания механизма в УПК Российской Федерации, который позволял бы учитывать публичные и частные интересы как на досудебных, так и в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

[117] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 1. январь. 2017.

Список источников

1. Болонин, С. Ю. Роль и значение юридической квалификации в правоприменительной деятельности / С. Ю. Болонин // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2009. — №4. — С. 7—12.

2. Плотников, А. И. Теоретические основы квалификации преступлений : учебное пособие. / А. И. Плотников — Оренбург : Изд-во ОИ МГЮА, 2001. — 103 с.

3. Макаров, С. Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве: научно-практич. пособие. / С. Д. Макаров — Москва: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. — 215 с.

4. Титов, П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / П. М. Титов// Российская юстиция. — 2019. — №6. — С. 69—77.

5. Александров, А. А. Некоторые особенности соотношения публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве России на современном этапе / А. А. Александров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2010 — № 05 (181). — Серия Право Выпуск 21. — С. 33—36.

6. Полянский, Н. Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение/ Н. Н. Полянский // Юридический вестник. —1914. — Кн. 6. — С. 143—163.

А. В. ХОЛОПОВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

С момента расширения в России в 2016 году института суда присяжных следует говорить об особенностях в процессе познания преступления в судебной стадии уголовного судопроизводства. Полагаем, такие особенности познания преступления относятся к деятельности прокуроров, участвующих в рассмотрении уголовных дел в судебных разбирательствах с участием присяжных заседателей, т. к. согласно ч. 5 ст. 246, ст. ст. 273 и 274 УПК РФ состязательный процесс возлагает на государственного обвинителя обязанность доказывания виновности подсудимого. Основываясь на этом, а также рассматривая уголовное судопроизводство как процесс познания, можно говорить, что государственному обвинителю отводится одна из ключевых ролей в обеспечении познания преступления присяжными заседателями.

В связи с этим рассмотрим некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные особенности познания преступления в деятельности государственного обвинителя в судебных разбирательствах с участием присяжных заседателей.

Присяжные как непрофессиональный субъект познания преступления. С момента начала рассмотрения уголовных дел в суде присяжных следует говорить о появлении в уголовном судопроизводстве двух субъектов — профессиональных и непрофессиональных субъектов познания преступления.

Профессиональные субъекты, а именно следователь, прокурор, эксперт, судья, защитник, имеют специальное юридическое образование и, соответственно, профессиональные знания и опыт в области криминологии, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, которые в целом позволяют осуществлять исследование такого сложного объекта познания, как преступление. Процесс познания преступления профессиональных субъектов уголовного судопроизводства преимущественно основан на использовании знаний в области криминалистики, позволяющих системно и объективно реконструировать событие преступления на основе исследования механизма формирования объектно-следовой обстановки на месте происшествия на основе результатов следственных действий и экспертиз. В этом смысле таких профессиональных субъектов также можно назвать субъектами применения криминалистических знаний в процессе познания преступления.

Непрофессиональные субъекты — присяжные заседатели, напротив, не имеют такого образования и знаний, что существенно осложняет для них восприятие, анализ и оценку представляемой в судебных разбирательствах доказательственной информации о событии преступления. Такая особенность налагает на государственного обвинителя как профессионального субъекта уголовного судопроизводства обязанность в обеспечении познания преступления для непрофессиональных субъектов — присяжных заседателей.

Фактически, появление непрофессионального субъекта в отечественном уголовном судопроизводстве определяет все последующие особенности познания преступления в деятельности государственного обвинителя в суде присяжных.

Профанные знания в процессе познания преступления. С точки зрения процессов познания существенное отличие профессиональных и непрофессиональных субъектов уголовного судопроизводства также заключается в том, что, например, теоретические знания и практические навыки (опыт следственной работы) в области криминалистики позволяют при восприятии сложной разнородной информации (вербальной, текстовой, фотографической) осуществить в сознании так называемую внутреннюю визуализацию, т. е. сформировать целостный визуальный образ (модель) события преступления. Иными словами, профессиональные знания в области уголовного судопроизводства, в особенности криминалистики, предоставляют субъекту познания возможность при восприятии информации о событии преступления, например, лишенной наглядности (текст протоколов или экспертиз, вербальная информация в виде показаний и т. д.), представить (визуализировать) её в сознании в виде визуальных образов, которые также можно назвать внутренними мысленными моделями.

Очевидно, что у присяжных заседателей, не обладающих такими профессиональными знаниями, существенно снижена способность к внутренней визуализации мысленных наглядных образов, формирующихся в сознании в результате восприятия представленной в судебных заседаниях доказательственной информации. Предвидя возражения, отметим, что способность к формированию визуальных образов в сознании при восприятии информации, лишенной свойства наглядности, например, представление в сознании образа автомобиля по звуку его двигателя или запаху бензина, является базовым свойством психики человека. В нашем случае познание такого сложного объекта, как преступление, требует профессиональных способностей к внутренней визуализации, преимущественно основанных на знаниях в области криминалистики, а не обывательских (профанных), не позволяющих на основе закономерностей формирования объектно-следовой обстановки в механизме преступления, отраженной в материалах уголовного дела, полноценно конструировать в сознании целостный визуальный образ (мысленную модель) события преступления. Конечно же, это не означает, что присяжные заседатели как носители профанных (обывательских) знаний в области уголовного судопроизводства не могут осуществлять функции народного правосудия, установленные в ст. ст. 20, 47, 123 Конституции Российской Федерации[118]. Напротив, по нашему мнению, именно данное обстоятельство является одной из фундаментальных особенностей судебных разбирательств с участием присяжных заседателей, основанных на специфике обеспечения процессов познания преступления для непрофессиональных субъектов уголовного судопроизводства.

«Это коренное свойство суда присяжных», как писал, выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони, которое выражается в том, что «присяжные заседатели решают дела, по внутреннему убеждению, которое складывается свободно и независимо, согласно с тем, что они видят и слышат на суде. (…) Оно слагается под влиянием внутренней переработки той массы разнородных впечатлений, которые производит на них разбирательство дела» [119]. Это высказывание определяет следующую особенность познания преступления в деятельности государственного обвинителя в суде присяжных.

Реализация принципа наглядности в обеспечении познания преступления. Одна из важнейших интеллектуальных задач профессиональных субъектов уголовного судопроизводства, в особенности государственного обвинителя, заключается в осуществлении деятельности по обеспечению познания преступления. Как отмечалось ранее, профессиональные участники уголовного судопроизводства, обладающие знаниями в области криминалистики, способны осуществлять, так называемую, внутреннюю

---

[118] См.: Непеин Г. Г., Холопов А. В. Институт суда с участием присяжных заседателей как реализация конституционных принципов в развитии гражданского общества в России. // Научно-практический журнал «КриминалистЪ» №3 (28) 2019. С. 26—31.

[119] Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони ; ред. В. Г. Базанов. Москва : Юридическая литература. 1966—1969. Т. 4 / сост., коммент. М. М. Выдря ; авт. предисл. И. Д. Перлов, 1967. С. 212.

визуализацию, то есть формировать мысленную модель события преступления на основе изученных материалов уголовного дела, тем самым познавая преступление «для себя». Напротив, у присяжных как непрофессиональных субъектов познания преступления способность к осуществлению внутренней визуализации события преступления существенно снижена. Поэтому важнейшая задача государственного обвинителя заключается в использовании криминалистических технологий наглядного представления (визуализации и демонстрации) доказательственной информации в судебных заседаниях, с целью обеспечения познания преступления «для других», т. е. присяжных как непрофессиональных субъектов уголовного судопроизводства.

Для обеспечения познания преступления «для других» присяжными заседателями профессиональным субъектам уголовного судопроизводства, например, государственному обвинителю и защитнику на судебной стадии в процессе представления доказательственной информации и следователю на досудебных стадиях в процессе формирования уголовного дела необходимо руководствоваться принципом наглядности. Другими словами, обеспечение познания преступления непрофессиональным субъектам, имеющим обывательские знания в области уголовного судопроизводства и криминалистики, в частности, и, соответственно, пониженные способности к внутренней визуализации мысленной модели события преступления, необходимо компенсировать высоким уровнем наглядности представляемой доказательственной информации в судебных разбирательствах.

В связи с этим, об исключительной важности реализации принципа наглядности в деятельности государственного обвинителя ещё в 1993 г. в письме Генеральной прокуратуры РФ отмечалось, что «в отличие от нынешних народных заседателей присяжные, очевидно, не будут знакомиться с письменными материалами дела… (…) …имеющиеся доказательства… (…) …должны быть продемонстрированы в суде наглядно, убедительно, чтобы значение их было понятно не только профессиональным судьям, но и неспециалистам»[120].

Принцип наглядности в деятельности государственного обвинителя в суде присяжных, можно сказать, имеет фундаментальное значение, т.к. преимущественно связан с такими психологическими процессами познания, как внутренняя визуализация в сознании (познание для себя) события преступления, а также в управлении процессами восприятия (познание для других) представляемой непрофессиональным субъектам доказательственной информации с помощью не только красноречия, но и наглядности речи. Кроме этого, важнейшее значение имеет криминалистическое обеспечение реализации принципа наглядности на стадии судебного разбирательства, которое представляет собой систему научно-технических, технико- и тактико-криминалистических средств и методов демонстрации и визуализации, позволяющих представить доказательственную информацию в виде

[120] Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12.03.1993 N 12/13-93 «О методических рекомендациях об участии прокурора в исследовании доказательств в судебном разбирательстве» // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». — Версия 2012. — Режим доступа: (внутриинститутская компьютерная сеть).

чувственно-воспринимаемых наглядных образов с целью обеспечения познания преступления как профессиональными, так и непрофессиональными субъектами уголовного судопроизводства. Например, для обеспечения у присяжных внутренней визуализации (мысленного моделирования) события преступления существует возможность наглядного представления его анимированной 3D-модели, являющейся, своего рода, средством, компенсирующим отсутствие образования и опыта в области юриспруденции и криминалистики[121].

Таким образом, особенности познания преступления в деятельности государственного обвинителя в судебных разбирательствах с участием присяжных заседателей заключаются в следующем:

1. Присяжные как непрофессиональный субъект познания преступления обладают профанными знаниями в области криминалистики, в связи с чем их способность к внутренней визуализации (мысленному моделированию) события преступления на основе, в основном, вербально воспринятой доказательственной информации ограничена, ими вернее, существенно снижена по сравнению с профессиональными субъектами уголовного судопроизводства.

2. Деятельность государственного обвинителя по обеспечению познания «для других» учитывая, можно сказать, фактор профанности присяжных должна быть основана на криминалистическом обеспечении реализации принципа наглядности, являющегося отражением психофизиологической сущности процесса восприятия и познания, построенного на визуальной (зрительной) модальности психики человека.

Список источников

1. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони ; ред. В. Г. Базанов. Москва : Юридическая литература. 1966—1969. Т. 4 / сост., коммент. М. М. Выдря ; авт. предисл. И. Д. Перлов, 1967. 543 с.

2. Крысин В.В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей // Следственная практика. 2020. Вып. 210. С. 98—101.

3. Непеин Г.Г., Холопов А.В. Институт суда с участием присяжных заседателей как реализация конституционных принципов в развитии гражданского общества в России. // Научно-практический журнал «КриминалистЪ» № 3 (28) 2019. С. 26—31.

4. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 12.03.1993 № 12/13-93 «О методических рекомендациях об участии прокурора в исследовании доказательств в судебном разбирательстве» // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». — Версия 2012. — Режим доступа: (внутриинститутская компьютерная сеть).

[121] См.: Крысин В. В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей // Следственная практика. 2020. Вып. 210. — С. 98—101.

В. В. ШИЛИН

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ ПРОКУРАТУРОЙ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Для прокуратуры Ленинградской области вопросы реализации различных форм межгосударственного сотрудничества, находящихся на стыке судебной и досудебной сферы уголовного судопроизводства более чем актуальны.

Обуславливается это прежде всего близостью к крупному центру (Санкт-Петербургу), развитостью и приграничным статусом Ленинградской области, что оказывает влияние на масштаб миграционных потоков. Только по официальным данным 102 тысячи иностранных граждан состоят на миграционном учете в компетентных органах Ленинградской области. Это количество из года в год серьезно не меняется, однако число проводимых прокуратурой экстрадиционных проверок остается немалым и имеет тенденцию к росту. Прежде всего имеются в виду сейчас те ситуации, когда иностранный гражданин задержан на территории России за преступление, совершенное у себя на родине.

Одной из сложностей является квалификация содеянного в иностранном государстве по российскому законодательству. Незначительные, казалось бы, различия в нюансах формулировок объективной стороны состава в нашем и зарубежном уголовном кодексе могут существенно менять отношение к оценке деяния как преступного либо нет.

В 2024 году, например, был задержан гражданин Белоруссии, разыскиваемый за совершение в Белоруссии аналога нашей 264.3 УК РФ — управление транспортным средством лицом, лишенным права управления и подвергнутым административному наказанию по ст.12.7 КоАП (управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления). В белорусском аналоге рассматриваемой уголовной статьи — управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, то есть более широкая категория, не только лица, лишенные прав. В связи с чем у белорусской стороны мы в этой связи вынуждены запрашивать дополнительные сведения из материалов уголовного дела, в том числе причины отсутствия прав (лишен или не имел вообще), обстоятельства и периоды ранее совершенных административных правонарушений, и в итоге признали, что гражданин из-за несоответствия нормативных дефиниций выдаче не подлежит.

Нередко сложности вызывает отсутствие в иностранном законодательстве категории «значительный ущерб гражданину» по делам о мошенничествах. Встречаются случаи связанные с необходимостью квалифицировать содеянное по первой части нашей 159-й статьи при сумме ущерба потерпевшему в 50 тыс. руб., так как формулировка о значительности ущерба не содержалась в показаниях потерпевшего и иных документах иностранной стороны.

Подобные случаи являются примером того, что на практике для правильного определения оснований для выдачи лица в большинстве случаев нужно вникать в иностранное уголовное дело по существу и истребовать от правоохранителей за рубежом куда больший объем документов, чем только лишь постановление о возбуждении и фабулу обвинения.

В 2023 году по ст.18.8 КоАП РФ принято решение о выдворении гражданина Таджикистана, который в своей стране разыскивался по экстремистской статье, аналог нашей 282.2 — участие в деятельности общественного объединения, в отношении которого судом принято решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремисткой деятельности. Поскольку организация, в которой он состоял, российским судом к таковым не отнесена, оснований для выдачи лица не имелось, но нормы административного законодательства позволили принять решение об административном выдворении.

Не меньше сложностей занимает процесс выдачи для уголовного преследования и суда российских граждан, скрывающихся от правосудия за рубежом. Не только и не столько позиция иностранных государств, сколько наши же собственные недостатки взаимодействия (здесь, в регионе) тому причиной.

Инструкция по организации сотрудничества по линии Интерпола, утвержденная совместным приказом правоохранительных ведомств еще в 2006 году, вполне понятно описывает процесс инициирования соответствующих процедур, но, к сожалению, иногда и следователи, и прокуроры, и суды, нечасто сталкивающиеся с этими вопросами, допускают ошибки. Имели место вынесенные при формальном несоблюдении требований инструкции решения о заочном аресте фигурантов (как правило, это решения прошлых лет, когда все возможные сроки обжалования давно прошли), например при вынесении постановления об объявлении в розыск ненадлежащим должностным лицом, что впоследствии станет препятствием для фактического международного розыска, или в условиях отсутствия доказательственной базы. В трех таких случаях мы были вынуждены констатировать невозможность запроса о выдаче лица и принимать меры к отмене необоснованно избранной меры пресечения.

Да и в целом в тех случаях, когда основания для выдачи лица имеются, проблемы остаются, как правило, они связаны с позиций иностранной стороны. Уже не первый год мы пытаемся добиться экстрадиции из Израиля и стран Евросоюза двух обвиняемых по делу о мошенничестве в сфере долевого строительства жилья. Классическое дело этой категории с несколькими тысячами потерпевших и миллиардным ущербом, полностью оконченное расследованием, только фигурантов нет. Один из них — гражданин Израиля, другой — россиянин, в последний раз установленный в Испании несколько лет назад. В Россию фигуранты, конечно же, не вернутся, а на запрос о выдаче ответ просто не поступил.

Сейчас с областным судом мы прорабатываем вопросы возможности заочного осуждения в подобных случаях, в нашем регионе, к сожалению, такой практики пока нет. Медленно, но позиция суда меняется. Если раньше нам говорили о возможности применения ч. 5 ст. 247 УПК о заочном осуждении только к ситуациям, когда фигурант скрылся на этапе вручения обвинительного заключения, то сейчас нарабатывается первичная практика более широкого толкования закона в этой части.

С Санкт-Петербургским городским судом один из следственных органов достиг предварительной договоренности о направлении такого дела в суд в порядке ч. 4 ст. 222 УПК после ознакомления адвоката скрывшегося лица с материалами дела и с описанием в справке к обвинительному заключению хода международно-правового сотрудничества, направленного на выдачу лица из иностранного государства, и обоснованием причин невозможности таковой (в конкретном случае — неполучение ответа на запрос о выдаче из Евросоюза).

Возможно также отметить, что еще одну сложность содержит в себе пункт 2.3.5 приказа Судебного департамента при Верховном Суде от 27 декабря 2016 года № 251 «О порядке подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде», который допускает подачу в суд апелляционной жалобы, подписанной усиленной квалифицированной цифровой подписью, то есть без личного участия фигуранта.

Тем самым создается ситуация, при которой скрывшийся фигурант может дождаться окончания заочного рассмотрения дела, а после обжаловать приговор без фактической явки в суд (мотивируя свое отсутствие, например, болезнью, или заявляя о нахождении на территории России, и т.д.), и суд вышестоящей инстанции в силу прямого указания части 7 статьи 247 УПК будет обязан отменить приговор. В Санкт-Петербургском городском суде такие случаи были, а при подготовке к сегодняшней конференции мы находили похожую практику по Краснодару и Приморскому краю.

Возможно, внесение изменений в этот приказ с установлением обязательной личной подачи апелляционной или кассационной жалобы на приговор, вынесенный в отсутствие подсудимого, было бы целесообразным, исходя из задач привлечения к ответственности преступников, скрывшихся за рубежом, особенно в недружественных странах.

В части, к слову, международного розыска представляется не до конца урегулированным вопрос о случаях, когда основания для него установлены по уголовному делу, переданному для дальнейшего расследования по подследственности (территориальности) в другой регион. Подобная ситуация возникла у нас по одному из дел по факту производства и сбыта фальсифицированных медицинских изделий (ст. 238.1 УК РФ), которое передано из Ленинградской области в Томскую область, т.к. преступление (сбыт) окончено там.

При этом розыскное дело в отношении скрывшегося фигуранта заведено ранее в Ленинградской области в период расследования уголовного дела и не может быть передано вслед за уголовным делом в силу отсутствия четкой нормы, регламентирующей подобную ситуацию, в Положении об организации розыска и идентификации лиц, утвержденном совместным приказом МВД и других ведомств от 01 марта 2018 года № 117 дсп.

Буквально недавно розыскники подтвердили предположительное нахождение лица на территории Италии, в связи с чем встал вопрос о международном розыске. Как таковых сложностей во взаимодействии с томским следователем у нас, конечно же нет, но сам по себе отрыв уголовного дела от розыскного впоследствии может вызывать практические сложности уже потом в суде ввиду территориальной отдаленности соответствующих подразделений, например при обеспечении явки в суд.

Тем не менее, примеры эффективного взаимодействия с иностранными государствами сохраняются. Неоценимую помощь нам оказали коллеги из Генеральной прокуратуры в очень актуальной для нашего региона проблеме мошенничества в сфере долевого строительства жилья. Один из фигурантов большого расследования по такому делу, директор застройщика П., обманувший дольщиков многоквартирного дома на более чем 100 миллионов рублей, несколько лет назад по скрылся из России в государство Кабо-Верде к западу от Африки. И в прошлом году огромными усилиями Генеральной прокуратуры, через взаимодействие с МИДом, Интерполом, он был там задержан и рейсами через Португалию и Москву экстрадирован в Ленинградскую область. Благодаря этому уголовное дело было направлено в суд, где сейчас и рассматривается.

В части же взаимодействия с недружественными странами практика у нас небольшая, и, в основном, негативная. Уже не первый год мы пытаемся добиться выдачи в Россию из Италии гражданина Т., который заочно осужден к 18 годам за заказное убийство делового партнера по 105-й второй.

Итальянская сторона, еще на этапе досудебного производства, рассмотрев запрос о выдаче, отказала со ссылкой на то, что Т. у них на слушаниях заявил себя жертвой политических гонений как владелец какой-то оппозиционной газеты, а еще был якобы избит в ИВС Всеволожского района. Именно последний довод стал причиной отказа итальянской стороны.

Мы не остановились на этом - по нашему поручению правоохранительные органы провели проверку обстоятельств выдачи медицинской документации, на которую он ссылался, установили, что она просто поддельная и не выдавалась, и мы уведомили об этом Интерпол и повторно поставили вопрос о продолжении международного розыска уже для исполнения приговора российского суда, на что нам отказали письмом в один абзац со ссылкой, что представленные данные не меняют ситуацию по существу.

Но так или иначе, несмотря на международную обстановку, отдельные возможности для истребования информации остаются и с недружественными странами. Буквально недавно от финской стороны наш областной следственный комитет получил дополнение к запросу о правовой помощи, направленному еще несколько лет назад по уголовному делу об убийстве, совершенном россиянином в Финляндии. Ключевое доказательство было представлено, опровергающее алиби обвиняемого (осмотр его мобильного телефона, изъятого финнами много лет назад), и в итоге уголовное дело направлено нами в суд по 105-й статье часть 2 (убийство из корыстных побуждений) для рассмотрения судом присяжных. Виновный единогласно признан виновным, впоследствии приговорен к 15 годам лишения свободы.

Интерес для нас этого дела еще и в том, что поскольку все события, связанные с преступлением, развивались в Финляндии, то и все доказательства в нем получены финнами в период их досудебного производства по их законодательству, не в полной мере совпадающему с нашим. У них нет осмотров вещественных доказательств, разъяснения прав эксперту и участникам процесса, стадии обвинения, судебных решений о производстве некоторых следственных действий, и так далее.

Мы исходим из их допустимости, поскольку статья 3 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года и ст. 455 УПК прямо говорят об этом при условии, что доказательства получены с соблюдением законодательства запрашиваемой стороны, но в суде этот вопрос иногда встает. Тем более, что в нашем случае информация была представлена финнами посредством электронной почты, что может стать предметом судебной оценки. Но мы полагаем, что Второй дополнительный протокол к европейской конвенции от 2001 года, для России вступивший в силу с 2020-го, допускает передачу информации и материалов по каналам связи напрямую в следственный орган, и, если такой вопрос встанет в суде, будем доказывать нашу правоту. К слову, в вышеуказанном примере по прямым дипломатическим каналам связи мы отдельно получили от финской стороны орудие преступления (гирю, которой ударили потерпевшую) и впоследствии демонстрировали его в суде.

Ранее у нас уже был похожий прецедент в части оценки доказательств, полученных за рубежом, когда Ленинградский областной суд осудил гражданку России за организацию убийства бельгийца на территории Тосненского района Ленинградской области, вопреки доводам адвоката признав допустимым доказательством ее показания, данные в Бельгии без участия адвоката, т.к. по бельгийскому законодательству его участие не требовалось.

Перечисленные проблемы требуют внимательного отношения к подобным случаям на практике и заслуживают внимания законодателя в конкретизации ряда норм для обеспечения более качественной их реализации.

С. В. ЯКУШЕВА

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ

Вопросы доказательств, является одним из важных вопросов при рассмотрении уголовного дела в суде. Действующим уголовно-процессуальным законом предоставлено право участникам уголовного процесса собирать и представлять суду доказательства.

Не маловажным является вопрос оценки представленных доказательств, их более правильному и полному представлению в суде, исключая случаи признания их не допустимыми. Именно, на стадии предварительного расследовании следует более тщательно собирать доказательства в соответствии с действующим законодательством, в последующем которые, оцениваясь судом, будут составлять основу обвинения.

Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве могут возникать сложности в процессе доказывания по уголовным делам, выражающиеся в проблемах оценки доказательств с позиции их допустимости и достоверности, которые остаются проблемными как в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, так и в суде.

В ст. 50 Конституции Российской Федерации, закреплено, что не допускается использование доказательств, которые были получены с нарушением требований федерального закона.

Аналогичное требование закона закреплено в части 3 статьи 7 УПК РФ, но более конкретизированное по отношению к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

В статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится определение доказательств, под которыми закон понимает любые сведения, на основе которых устанавливается наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию, или же их отсутствие. Доказательствами выступают также сведения, указывающие на иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного уголовного дела.

Доказательства способствуют не только раскрытию преступления, но обеспечивают реализацию назначения и принципов уголовного судопроизводства. Перечень закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве доказательств, а также процессуальный порядок их обнаружения, собирания и проверки, гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, как совершивших преступление, от незаконного и необоснованного обвинения и привлечения уголовного ответственности, так и лиц потерпевших от преступления.

Можно выделить следующие признаки доказательств:

- любые сведения,

- указанный в законе перечень субъектов, которые устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела, а именно: суд, прокурор, следователь, дознаватель,

- установление указанных обстоятельств в порядке, строго определенном в Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации,

- исчерпывающий перечень источников доказательств.

В части 1 статьи 86 УПК РФ установлено, что собирание доказательств дознавателем, следователем, прокурором и судом осуществляется через производство следственных и иных процессуальных действий. Из чего следует, что, устанавливая круг субъектов уголовного судопроизводства по собиранию доказательств, закрепленная норма закона предусматривает, что каждый из них действует в пределах своей компетенции.

Статьей 88 УПК РФ закреплено, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а все собранные в ходе расследования преступления доказательства оцениваются с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела.

Раскроем понятия относимости, допустимости и достоверности доказательств в уголовном деле.

Относимость доказательств — это их пригодность своим содержанием и источником законности служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Относимость доказательств включает в себя: прямую или косвенную связь доказательств с обстоятельствами, которые подлежат доказыванию, а также пригодность доказательства для установления факта, входящего в предмет доказывания.

Под допустимостью доказательств понимаются обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, и не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Допустимость доказательств обладает следующими свойствами: об источнике получения сведений и информаций и как следствие, есть возможность их подтверждения; соблюдены ли общие правила доказывания, а именно соблюден процессуальный порядок обнаружения и получения доказательств соответствующим субъектом уголовно-процессуальной деятельности; соблюден ли предусмотренный законом процессуальный способ закрепления доказательств.

Положения уголовно-процессуального закона направлены на осуществление правосудия на основе достоверных доказательств.

Достоверность доказательств — это соответствие содержащихся в них сведений действительности.

Любое доказательство можно считать достоверным в том случае, если содержание которого не было опровергнуто в процессе доказывания при производстве по уголовному делу.

Основной стадией уголовного судопроизводства является судебное разбирательство, в которой суд, в ходе судебного заседания при участии сторон на основе исследования доказательств, решает вопрос о виновности или невиновности подсудимого, о назначении ему наказания и другие, связанные с этим вопросы.

В соответствие со ст. 244 УПК РФ в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по различным вопросам, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

В описательной части приговора должны быть не просто перечислены все доказательства, которые суд исследовал в суде, но и должна быть дана юридическая оценка каждому доказательству. Если имеются какие-то расхождения или противоречия в доказательствах, то в приговоре отражается по каким основаниям суд посчитал одни доказательства достоверными, относимыми и допустимыми, а другие опроверг. Почему одни доказательства вошли в основу судебного решения, а другие нет. В любом случае обвинительный приговор должен быть основан исключительно на достоверных доказательствах. По каждому доказательству, исследованному в суде, в приговоре отражается мотивированное решение о его доказательственном значении.

Законодатель в УПК РФ дал довольно полное и непротиворечивое определение доказательств, а также указал правила их оценки.

Оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению суда. Это означает, что суд не руководствуется оценкой доказательств, данной иными лицами, а оценивает каждое доказательство на предмет относимости, достоверности, допустимости, а всю совокупность доказательств — на предмет достаточности для разрешения дела, и при этом руководствуется нормами закона и собственным убеждением о справедливости. Принцип свободы оценки доказательств, таким образом, помогает преодолеть ряд проблем оценки доказательств.

Вместе с тем, в практике существуют проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрим на конкретных примерах данные проблемы, которые возникали при рассмотрении уголовных дел в Сухиничском районном суде Калужской области и были устранены стороной обвинения.

В Сухиничском районном суде Калужской области рассматривалось уголовное дело по обвинению В. А.В. по ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 4 ст. 291, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2, В. М.А. и И. А.А. по ч. 3 ст. 30 п. «а, б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ.

В. А.В. совершил покушение на дачу взятки должностному лицу через посредника, в крупном размере, и покушение на мелкое взяточничество — дачу взятки через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, В.М.А., И.А.А. совершили покушение на посредничество во взяточничестве, то есть на непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере, при следующих обстоятельствах:

Так, в установленный в ходе судебного заседания период времени, находясь в кабинете под названием «Цензор» административного здания ФКУ ИК, действуя умышленно, согласно достигнутой с В. А.В. договорен-

ности и по его поручению, выступая в качестве посредников при реализации преступного умысла В. А.В. на дачу взятки должностному лицу, его дочери, В. М.А., И. А.А., передали должностному лицу К. Н.И. пакет, в котором находились денежные средства в сумме 300 000 рублей, принадлежащие В. А.В., в качестве незаконного вознаграждения К-ву Н.И. за совершение действий в его пользу, которым К. Н.И., в силу своего должностного положения мог способствовать, а именно: за способствование переводу в другой отряд, за способствование в трудоустройстве на территории колонии, за способствование поощрению осужденного В. А.В., а равно за общее покровительство по службе в отношении В. А.В.

При этом, преступление В-вым А.В. совершено с целью скорейшего выхода на свободу по условно-досрочному освобождению, скорейшему возвращению в семью.

В ходе судебного заседания исследовались доказательства, представленные в уголовном деле, дана оценка показаниям допрошенных свидетелей.

Адвокатами по уголовному делу была выбрана позиция защиты, выражающаяся в представлении суду доказательств, которые бы указывали на невыносимые условия отбывания наказания в исправительной колонии В.А.В., что и вынудило его совершить особо тяжкое преступление, которые бы оправдывали В-ва А.В. в содеянном.

Так, в качестве свидетелей по данному уголовному делу выступали осужденные, отбывающий на тот момент наказание в ИК вместе с осужденным В. А.В., показания которых суд признал достоверными, поскольку они были последовательны, логичны, согласовывались между собой, дополняли друг друга, а также подтверждались другими доказательствами, исследованными в судебном заседании, не содержали существенных противоречий относительно значимых для разрешения дела обстоятельств и сообщали, в том числе, об отсутствии каких — либо жалоб на условия отбывания наказания, привлечения к общественному труду, в том числе на отсутствие какого-либо притеснения В.А.В. со стороны администрации исправительной колонии.

Вместе с тем, в судебном заседании показания свидетелей С-ва и О-ва указывали об обратном — о нарушениях по отношению к В. А.В.

В ходе судебного процесса, государственным обвинителем были представлены доказательства, поставившие под сомнение показания данных свидетелей, которые судом были взяты во внимание.

Так, установлено, что между С-вым и В. А.В. и его семьей сложились дружеские отношения, о чем свидетельствует их совместная работа на заводе, оплата уголовного штрафа в сумме 100 000 рублей дочерью В-ва — Марией по наложенному на С-ва по приговору Калужского районного суда, помощь в трудоустройстве, а также установлены противоречия в возможности видеть в период работы на промышленной зоне исправительной колонии О-вым принудительный труд В. А.В., расположение рабочего места которого не содержало соответствующий обзор.

Также, у В. А.В. возник преступный умысел на дачу через посредника мелкой взятки в виде иного имущества, общей стоимостью 5 322 рубля С-ой И.А., как должностному лицу ФКУ ИК, за совершение действий в его пользу, которые входили в полномочия С-ной И.А., а именно: за получение В.А.В. передачи воспользовавшись правом на получение передачи другим осужденным, а также за размещение В. А.В. в ходе длительного свидания в период в конкретной комнате для длительных свиданий № 7.

05.02.2022 И.А.А., после общения на длительном свидании с осужденным В. А.В., действуя согласно имеющейся с ним преступной договоренности, выступая в качестве посредника при реализации преступного умысла В.А.В. на дачу мелкой взятки должностному лицу ФКУ ИК за совершение действий, входящих в ее служебные полномочия, находясь на территории ФКУ ИК, передала ключ от ячейки камеры хранения №15, в которой находилось иное имущество — две плитки шоколада «Favarger», стоимостью 612 рублей каждая и 1 бутылка виски «Jameson» объемом 0,7 литра, стоимостью 4 098 рублей, общей стоимостью 5 322 рубля, должностному лицу ФКУ ИК С-ной И.А., сообщив последней, что в ячейке № 15 для нее оставлен пакет.

Однако, С. И.А. от получения мелкой взятки, отказалась, в связи с чем, преступление не было доведено В. А.В. до конца по независящими от него обстоятельствам.

Стороной защиты было заявлено в суде, что вышеуказанное состава преступления — мелкого взяточничества, не образует, инспектор С. не обладает признаками должностного лица.

Вместе с тем, стороне обвинения потребовалось дополнительно в судебном заседании приобщать к материалам уголовного дела документы, подтверждающий учет предоставления длительных свиданий осужденным (график свиданий), карточек и журнал учета передач (в нем было указано о вещевой передачи одному из осужденных супругой В. М.А., фактически предназначавшейся В. М.А., которому не была положена передача из-за закончившегося лимита), в котором делались отметки инспектором, разрешающие такую передачу.

При этом, из оцененных судом распорядительных документов должности младшего инспектора 1 категории группы надзора отдела безопасности ФКУ ИК, С-на наделена правами и обязанностями по осуществлению функций органа исполнительной власти, наделена в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от нее в служебной зависимости, правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности, то есть являлась должностным лицом.

В связи с чем, описанные действия В. А.В. и исследованные представленные государственным обвинителем доказательства, судом были признаны как мелкое взяточничество.

Приведу еще один пример об ошибках следствия, свидетельствующих о не полном сборе доказательств и выяснению всех обстоятельств по уголовному делу.

В Сухиничский районный суд Калужской области для рассмотрения поступило уголовное дело в отношении З. А.Ю., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст.162 УК РФ.

В судебном заседании потерпевшим поставлен вопрос о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с указанием в обвинительном заключении обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, как более тяжкого преступления, а также в связи с составлением обвинительного заключения с нарушением требований УПК РФ, исключающим возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения.

В обоснование своего ходатайства потерпевший сообщил, что согласно данным им в ходе предварительного следствия и в судебном заседании показаниям, он был подвергнут избиению двумя лицами, которые повалили его, после чего одно из лиц выдвинуло требование о передаче имущества и после передачи имущества оба лица продолжили его избивать до потери им сознания.

Согласно утвержденному прокурором района обвинительному заключению по указанному делу следует, что, находясь на участке местности, расположенном в 7 метрах от кафе между З. А.Ю. и Г-вым, в отношении которого материалы выделены в отдельное производство с одной стороны и потерпевшим с другой стороны произошла драка, в ходе которой у З. А.Ю. возник преступный умысел на нападение в целях хищения чужого имущества, а именно имущества принадлежащего потерпевшему с применением насилия опасного для жизни и здоровья. Вместе с тем, в результате умышленных преступных действий З. А.Ю. в вышеуказанный временной промежуток и в вышеуказанном месте, потерпевшему согласно заключению эксперта причинены телесные повреждения, которые по признаку расстройства здоровья не свыше трех недель, квалифицируются как причинившие легкий вред здоровью.

Как установлено судом, по выделенному из уголовного дела материалу проверки в отношении свидетеля Г-ва, по факту причинения легкого вреда потерпевшему, какого-либо решения не принято, а причиненные потерпевшему телесные повреждения Г-вым и З. А.Ю. не разграничены.

Тем не менее, на предварительном расследовании надлежащая оценка имеющимся доказательствам в уголовном деле (показаний потерпевшего, обвиняемого и свидетелей), действиям Г-ва, а также оценка совместных действий Г-ва и З.А.Ю. при совершении ими разбоя в отношении потерпевшего не дана, что послужило причиной неправильной квалификации совершенного преступления и, как следствие, возможности избежать наказания второму участнику преступления Г-ву.

По убеждению суда, восполнение указанных недостатков в судебном заседании невозможно, поскольку формулирование обвинения относится к исключительной компетенции органов предварительного расследования, а в соответствии со ст.252 УПК РФ суд не вправе выйти за рамки сформулированного в обвинительном заключении обвинения. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что изложенные в обвинительном заключении обстоятельства свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, как более тяжкого преступления.

В связи с чем, судом в порядке ст. 237 УПК РФ уголовное дело возвращено прокурору.

В отношении Г-ва возбуждено уголовное дело, его статус «свидетеля» изменен на статус «подозреваемого». Кроме того, совершенное преступление переквалифицировано на ч. 2 ст. 162 УК РФ, в настоящее время уголовное дело находится на предварительном расследовании.

Проанализировав на конкретных примерах, представленные в судебном заседании доказательства, приходим к выводу, что доказывание имеет важное значение для определения виновности и определения наказуемости.

Именно при правильном представлении, полном исследовании и объективной оценке, доказательства могут выступать гарантом вынесения справедливого и обоснованного приговора по уголовному делу, так как цель доказывания состоит в достижении объективной истины.

Вместе с тем, для достижения такой цели, является правильный и всесторонний подход к собиранию доказательств на всех стадиях, как предварительного следствия, так и уголовного судопроизводства, и в конечном итоге признании их судом.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

К. И. АРЖАДЕЕВА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. В. БАРКАЛОВА**

ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Внедрение цифровых технологий в различные области общественной жизни отобразились во взаимоотношениях гражданина и государства. В нынешних реалиях государственные органы предоставляют населению страны большинство услуг с использованием электронного документооборота.

В этой связи, внимание ученых неоднократно обращалось к вопросу цифровизации уголовного процесса, включая электронное оформление процессуальных документов, находящихся в материалах «бумажного вариан-

та» уголовного дела. В частности, П. П. Ищенко указал на необходимость закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации норм, позволяющих в полном объеме осуществлять производство по уголовному делу в электронном формате[122].

Несомненно, процесс цифровизации привнес в уголовно-процессуальное законодательство множество положительных нововведений, в том числе связанных с активным использованием электронного документооборота и электронной подписи. Указанные нововведения направлены законодателем на оптимизацию всех стадий уголовного процесса.

В Российской Федерации нет единого закона, регулирующего положение и применение электронного документооборота.

Вместе с тем, электронный документооборот регулируется отдельно взятыми нормативно-правовыми документами в различных отраслях права, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами, которые регулируют порядок применения электронного делопроизводства. Правовым основанием для применения на практике электронного документооборота и электронной подписи являются положения Федерального закона «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ — одного из основополагающих законодательных актов для использования электронного документооборота, который придает электронным документам юридическую силу и Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», положения которого закрепляет определение понятия «электронный документ».

Правоотношения субъектов, касающиеся непосредственно уголовно-процессуальной плоскости на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства, регулируются Федеральным закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ и Федеральным законом «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 25.12.2023 № 672-ФЗ.

Новеллы, указанные выше, связанные с применением электронного документооборота в уголовном судопроизводстве позволяет правоприменителю добиться экономии трудовых и материальных ресурсов. Кроме того, цифровизация уголовного судопроизводства упрощает доступ к правосудию участникам уголовного судопроизводства и его прозрачность.

Применение на практике электронного документооборота в уголовном судопроизводстве существенно увеличит скорость создания, согласования, передачи и рассмотрения документов. Использование современных телекоммуникационных технологий способствует практически мгновенной передаче информации или запросов в одно или несколько ведомств, минимизирует риск фальсификации документов.

---

[122] Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : дис. канд. юрид. наук. Москва, 2009. — 202 с.

Поступательность в цифровизации уголовного процесса, выражающаяся, в том числе, в введении и использовании электронных процессуальных документов на всех стадиях уголовного судопроизводства, нашла отражение в международных нормативных правовых актах, в частности в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в г. Кишиневе 07.10.2002, предусматривающей возможность направления поручения о правовой помощи, оформленное в соответствии с предусмотренными правилами, в случаях, не терпящих отлагательства, по факсимильной связи, а также с использованием иных средств коммуникации (часть 5 статьи 7); возможность использования видеосвязи при оказании правовой помощи по уголовным делам, в том числе при производстве процессуальных действий, в соответствии с национальным законодательством государства-исполнителя запроса (статья 105)[123].

Изучая многолетний опыт использования электронного делопроизводства в зарубежных странах, таких как Казахстана, Саудовской Аравии, Грузии, где переход на электронный формат произошел в 2009 и 2011 годах соответственно, стоит отметить, что необходимые цифровые технологии разработаны, внедрены в уголовно-процессуальную деятельность и широко используются правоприменителями зарубежных стран.

Такой опыт может быть положительно апробирован и в процессе цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» как и указывалось выше, закреплено понятие «электронного документа». Электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах[124].

В современных реалиях, в уголовном судопроизводстве используется электронный документооборот как на досудебной, так и на судебной стадиях уголовного судопроизводства. Рассмотрим подробнее.

На досудебной стадии уголовного судопроизводства законодатель, с учетом тенденции цифровизации, ввел в уголовно-процессуальный закон статью 474.2 УПК РФ[125], предусматривающую возможность подачи жалобы, представления, требования, при наличии технической возможности прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в порядке и сроки, которые установлены УПК РФ, в форме электронного документа, по общему правилу подписанных лицом, направившим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью. Для подписания ходатайств об ознакомлении с материалами уголовного дела, о получении копий процессуальных документов, об участии

[123] Вступила в законную силу для Российской Федерации 28 июня 2023 года.

[124] Понятие введено Федеральным законом от 27.07.2010 № 227-ФЗ.

[125] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ.

в следственных и иных процессуальных действиях можно будет использовать простую электронную подпись.

Также, статья 222 УПК РФ была дополнена частью 3.1, которой предусмотрена возможность изготовления копии постановления, обвинительного заключения (акта, постановления) и копии иных процессуальных документов в форме электронного документа, направления указанных электронных копий участнику уголовного судопроизводства (по его просьбе либо с его согласия) посредством Единого портала госуслуг либо системы электронного документооборота участника уголовного судопроизводства с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия.

На судебной стадии уголовного судопроизводства ранее введена в действие статья 474.1 УПК РФ[126], которая предусматривает возможность использования электронных документов лишь на судебных стадиях. Соответственно, вполне обосновано введение в действие статьи 474.2 УПК РФ, о которой говорилось выше, устраняя законодательный пробел и обеспечивающий возможность участникам уголовного судопроизводства на досудебной стадии широко использовать возможности электронного документооборота, для оптимизации и экономии ресурсов и времени.

Стоит отметить, что в судебной системе на протяжении восьми лет применяется электронная форма взаимодействия субъектов права, которая выработала некоторую устоявшуюся положительную практику функционирования и которую законодатель стремится внедрить и использовать при производстве предварительного следствия.

Практика применения описанных новелл законодательства на стадии производства предварительного следствия в должной степени не сформирована, нет однообразия ее применения. Вместе с тем, при использовании электронного документооборота, актуальными проблемами для правоприменителя остается соблюдение принципов уголовного судопроизводства, в частности права на доступ к правосудию, права на защиту, с одной стороны, и предотвращение злоупотреблений со стороны защиты в виде попыток срыва процессуальных действий, затягивания сроков уголовного судопроизводства, с другой.

Внедрение полноценного электронного документооборота на всех стадиях уголовного судопроизводства это все лишь вопрос времени и гибкости уголовно-процессуального законодательства. Процесс цифровизации уголовного судопроизводства позволит существенно упростить и расширить потенциал деятельность правоприменительных органов, а также защитить права участников уголовного процесса.

Таким образом, разработка механизма использования и правовой регламентации производства уголовного преследования с использованием электронного документооборота требует новых научных знаний и уточнения существующих.

---

[126] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ.

К. М. АТАБАЕВА
научный руководитель
доктор юрид. наук, профессор **Т. Г. НИКОЛАЕВА**

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МОМЕНТА ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Задержание подозреваемого является мерой уголовно-процессуального принуждения, представляющей перед собой в первую очередь ряд ограничительных воздействий на человека, не зависимо от его воли и желания,[127] путем создания условий для полного расследования уголовного дела, неразрывно связанная с моментом его фактического задержания и осуществляемая на срок не более 48 часов, при наличии законных оснований на проведение данного следственного действия. Стоит отметить, что по решению суда срок задержания может быть продлен еще на 72 часа, для решения вопроса о домашнем аресте или избрании в отношении лица меры пресечения заключения под стражу. В условиях же военного положения подозреваемый подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания, при совершении им тяжкого или особо тяжкого преступления[128].

В ч. 1 ст. 91 УПК РФ закреплены основания, исчерпывающий перечень, когда лицо гражданин, иностранный граждан, лицо без гражданства может быть подвергнут задержанию: 1) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.[129]

Стоит отметить, что ч. 2 данной статьи противоречит ч. 1, указывая на возможность задержания подозреваемого «при наличии иных данных», тем самым давая ряд других условий, существо которых в дальнейшем в протоколе не указывается[130]. К примеру, лицо может быть задержано, если пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу[131].

---

[127] Денисова С.Ю. Задержание подозреваемого- фактическое и процессуальное. Судебный контроль за его законностью// Рос. Следователь. 2012 № 16. С.6.

[128] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024).

[129] Там же.

[130] Гриненко А.В. Обоснованность задержания и заключения под стражу // Журнал рос. права. 2003. № 9. С. 47.

[131] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024).

Задержание подозреваемого, исходя из п. 11 ст. 5 УПК РФ, это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления[132]. Фактическое задержание в соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ — это момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Именно здесь и начинаются разногласия среди ученых, что считать моментом фактического лишения свободы:

1) момент задержания подозреваемого в совершении преступления по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 91 УПК РФ (основания задержания подозреваемого). В ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[133] приводится не только круг лиц, которые могут быть подвергнуты задержанию, но и момент исчисления срока их задержания. А именно, ч. 4 данного ФЗ «О полиции», указывает, что срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, т.е. с момента его задержания. Данная позиция указывает на то, что момент фактического задержания подозреваемого, напрямую связан с ограничением его свободы.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022)[134] "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление", указывает на то, что задержание лица, совершившего преступление, осуществляется именно в целях доставления его в органы власти. Тем самым, указывая, что момент фактического задержания происходит задолго до его процессуального оформления в следственном органе (органе дознания). Такого же мнения придерживается руководитель центра Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Радченко В.И., комментируя УПК РФ[135].

2) момент доставления подозреваемого должностному лицу, которое наделено полномочиями проводить процессуальное оформление задержания, путем составления протокола в срок не более 3 часов, в соответствии со ст. 92 УПК РФ.

Данной позиции придерживается Цоколова О.И, которая считает, что «с момента доставления лица следователю, дознавателю начинает исчисляться срок задержания, т. е. фактическое лишение свободы, а значит и свободы его передвижения»[136].

---

[132] Там же.

[133] Федеральный закон "О полиции" от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция).

[134] http://www.consultant.ru/.

[135] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков). 2-е изд., перераб. и доп. "Юрайт-Издат", 2008 г.

[136] Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: Дис. д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 131—184.

Данной позиции придерживается Абдрахманов Р.С., обращая внимание на то, что правовые последствия могут возникать лишь на основании соответствующих процессуальных документов[137], которые возможны лишь после доставления подозреваемого должностному лицу. Тем самым, составление протокола задержания, производимое уже после доставления в орган следствия или дознания, будет моментом фактического лишения свободы, а значит и задержания лица.

Данную позицию по моменту фактического задержания опровергают ряд ученых, а также правоприменительная практика, которая подтверждает, что момент фактического задержания лица происходит задолго до доставления его в орган следствия или дознания, а именно в момент, когда лицо задержано по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Анализируя имеющиеся правовые позиции, следует согласиться с мнением Белкина А.Р., который считает, что во избежание казуистичности, стоит трактовать задержание подозреваемого не как одномоментное действие, а как ряд этапов[138], соглашаясь с позицией о том, что момент фактического задержания начинается с оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Аналогично, отмечает Григорьев В.Н., указывая на то, что под задержанием следует понимать: 1) установление оснований для доставления лица в служебное помещение органа внутренних дел; 2) захват лица; 3) изъятие оружия, предметов и документов; 4) конвоирование лица в служебное помещение и ряд последующих этапов, проводимых после возбуждения уголовного дела[139]. Понимание задержания подозреваемого, не как одномоментного события, а как ряда логически последовательных действий, помогают сместить момент фактического задержания лица на один из этапов, рассматривая данную меру уголовно-процессуального принуждения в более широком смысле.

Возникает вопрос, как урегулировать время, пока лицо только доставляют в следственный орган (в орган дознания) с момента его фактического задержания должностными лицами. Березина Е.С. отмечает, что необходимо закрепить самостоятельную меру процессуального принуждения — «задержание заподозренного», которая в свою очередь будет представлять меру административного принуждения[140]. В данном случае, будет осуществляться фактический захват лица и препровождение (доставление) в компетентный орган, для дальнейшего урегулирования вопроса о его задержании. Захват не будет связан с мерой уголовно-процессуального принуждения, а доставление лица в следственный орган (в орган дознания)

---

[137] Абдрахманов Р. С. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. 2003. № 3. С. 21—22.

[138] Белкин А.Р. Задержание по подозрению в совершении преступления: спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 12.

[139] Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент, 1989. С. 20.

[140] Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 58—80.

будет осуществляться в кратчайшие сроки[141]. Соответственно, фактическое задержание подозреваемого будет происходить в момент ограничения его свободы передвижения, т.е. «задержание заподозренного», а процесс доставления лица в компетентный орган будет считаться административным задержанием.

Во-первых, встает вопрос о тождестве понятий подозреваемый и заподозренный, которые хоть и имеют общие черты, но в полном объеме представляют перед собой разные понятия. Ожегов С.И., указывает на то, что «с позиции русского языка подозрение рассматривается как предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-то поступков, в справедливости чьих-то слов, в честности чьих-то намерений, это предположение о возможности чего-нибудь.[142] Приставка «за» указывает на начало действия». Тем самым говоря о том, что заподозренный-лицо, которое возможно или предположительно совершило то или иное правонарушение. В то время как подозреваемый — это лицо, уже задержанное в соответствии с УПК РФ, либо в отношении которого возбуждено уголовное дело, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо лицо, которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в соответствии с ч.1 ст. 46 УПК РФ. Тем самым, можно сделать вывод о том, что для «заподозренного» и подозреваемого будет устанавливаться разная совокупность норм, устанавливающих элементы их статуса. «Заподозренный» будет подпадать лишь под меру административного принуждения, о которой невозможно говорить в уголовном судопроизводстве.

Во-вторых, каким образом возможно осуществление захвата лица, в рамках административного принуждения. Ведь изначально, на стадии фактического задержания подозреваемого правоохранительными органами все действия в отношении гражданина будут регулироваться УПК РФ. В частности, будет составлен протокол[143] о его задержании. Тем самым, возникает вопрос о необходимости составления иного процессуального документа, подтверждающего статус лица в рамках административного задержания, что будет противоречить ст. 92 УПК РФ.

Следовательно, сложно согласиться с мнением Березиной Е.С. об осуществлении административного задержания «заподозренного» в рамках уголовного судопроизводства, а также о урегулировании промежутка доставления лица в следственный орган (орган дознания) с момента его фактического задержания.

Таким образом, задержание подозреваемого представляет перед собой сложную структуру понятийного аппарата, которая содержит не только ряд мер ограничительного воздействия на гражданина, но и вариативность исчисления сроков его задержания, момент начала которого по-разному видится в научной литературе.

---

[141] Там же.

[142] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. С. 437.

[143] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024).

Список источников

1. Цоколова, О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе / О. И. Цоколова : Дис. д-ра юрид. наук. — Москва, 2007. — 417 с.

2. Францифоров, Ю. В. Уголовный процесс : учеб. и практикум для вузов / Ю. В. Францифоров, Ю. В. Манова. — Москва : Юрайт, 2019. — 422 с.

3. Березина, Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства / Е. С. Березина : автореф. дис. канд. юрид. наук. — Москва, 2009. — 33 с.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; научн. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт-Издат, 2008 г. — 704 с.

5. Абдрахманов, Р. С. Проблемы уголовно-процессуального задержания / Р. С. Абдрахманов // Законность. — 2003. — № 3. — С. 21—22.

6. Белкин, А. Р. Задержание по подозрению в совершении преступления: спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем / А. Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. — 2011. — №4. — С. 12.

7. Томин, В. Т. Уголовный процесс. Проблемные лекции. / В. Т. Томин, И. А. Зинченко. — Москва : Юрайт, 2019. — 800 с.

8. Насонов, А. А. О состоянии правовой регламентации процессуальных возможностей лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче осужденных иностранных граждан / А. А. Насонов // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 2. — С. 266—270.

9. Гриненко, А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу / А. В. Гриненко // Журнал российского права. — 2003. — № 9. — С. 47.

10. Ретюнских, И. А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / И. А. Ретюнских // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. — 2016. — № 1/4.

11. Магомед, П. Р. Задержание как мера процессуального принуждения / П. Р. Магомед. // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 1. — С. 143—145.

12. Тетерин, О. А. Проблемы правового регулирования задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / О. А. Тетерин // Экономика, социология и право. — 2016. — № 11. — С. 148—152.

Е. А. ДЕМЧЕНКО
В. В. СУШКИНА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. Б. СЕРОВА**

ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ, РАССМАТРИВАЕМЫХ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Повсеместное расширение применения института суда присяжных, увеличение преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий, делают актуальным вопрос эффективного поддержания государственного обвинения по делам о киберпреступлениях. Особенно важно, чтобы государственный обвинитель смог адаптировать работу к условиям суда присяжных, сделав сложные технические детали понятными и доступными для всех участников судебного следствия.

Для более точного определения предмета исследования, обратимся к классификации преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

А.Н. Попов указывает, что «преступления данного вида характеризуется тем, что неотъемлемой частью способа совершения выступает применение той или иной цифровой технологии или совокупности таковых. Уголовно-наказуемые деяния, совершаемые с применением цифровых технологий, преимущественно основаны на использовании информационно-телекоммуникационных технологий, а также компьютерных систем, и к таковым относятся не только преступления в сфере компьютерной информации, ответственность за совершение которых предусмотрена гл. 28 УК РФ».[144]

В общем смысле, с учетом современного российского законодательства, предусматривающего ответственность за совершение преступлений с использованием цифровых технологий, можно выделить:

1) преступления, направленные на нарушение нормального функционирования глобальных или локальных сетей и подключенных к ним устройств;

2) иные, «традиционные» преступления, при совершении которых используются цифровые технологии.

Именно вторая категория киберпреступлений подпадает под юрисдикцию суда присяжных.

---

[144] Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 68 с.

Профессиональная деятельность прокурора при участии в рассмотрении дела о киберпреступлениях с участием суда присяжных вызывает особую сложность, поскольку государственному обвинителю предстоит задача убедить не сведущих в тонкостях российского права лиц в виновности подсудимого.

Деятельность государственного обвинителя должна быть грамотно организована, что существенно повысит уровень эффективности его участия в судебном разбирательстве. Так, доктриной уголовного процесса разрабатываются методические рекомендации, основанные на современных теоретических и практических исследованиях.

Особое место в системе организации деятельности по поддержанию государственного обвинения занимает подготовка прокурора к судебному разбирательству, которая начинается с изучения и анализа материалов уголовного дела. Прежде всего объектом познания при изучении уголовного дела является преступление как явление объективное, отражающее окружающую действительность в целом, а также процесс познания события преступления в целом, как системы, способы, субъекты, источники получения информации.[145]

В процессе анализа материалов уголовного дела при подготовке к участию в судебном разбирательстве государственному обвинителю прежде всего необходимо построить мысленную модель преступления, опираясь на криминалистическую характеристику и обстоятельства, подлежащие установлению в рамках расследования по делу. Сложность состоит в том, что объективную картину произошедших событий необходимо воссоздать для всех участвующих в судебном заседании лиц.

С помощью всевозможных средств современной цифровой криминалистики государственный обвинитель должен постараться обеспечить полную наглядность при производстве дела в суде, что облегчит процесс познания присяжных заседателей, сделает информацию о преступлении более доступной.

Визуализировать имеющуюся у прокурора информацию можно следующими способами:

1) демонстрация действий;

2) отображение информации с помощью схем, рисунков, диаграмм, графиков и т.д.;

3) отображение информации с помощью технических средств и методов визуализации, например, 3D-моделирования, графического дизайна и др.

---

[145] Руководство для государственных обвинителей: Криминалистический аспект деятельности. Ч. IV: Особенности поддержания государственного обвинения по делам о грабежах и разбоях, вымогательствах, мошенничестве, обороте наркотиков, преступных ятрогениях / В. С. Бурданова, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристансков, Е. Б. Серова; Науч. ред. О. Н. Коршунова. СПб., 2003. 148 с.

Исходя из специфики процесса познания события киберпреступления в суде присяжных при представлении доказательств устную речь необходимо сопровождать визуальной информацией. Так непрофессионалам легче разобраться в тонкостях построения информационных преступных схем, посредством которых совершено то или иное деяние. Принцип наглядности практически реализуется государственными обвинителями при произнесении вступительного заявления прокурора, выступлении прокурора в прениях сторон.

На сегодняшний день использование приемов и средств визуализации не получило достаточной правовой регламентации, поэтому во избежание неблагоприятных ситуаций, полагаем, что использование стороной таких приемов и средств должно предварительно проходить процедуру оценки председательствующим судьей.

При построении криминалистической модели следует учесть, что в совокупности киберпреступления имеют сложную структуру. В процессе расследования, следователь обращается к помощи специалиста, эксперта в области информационных технологий, когда необходимо привлечение лица, обладающего специальными познаниями, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. В том числе в случае назначения судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации (ст. 57, ст. 164.1, ч. 1 ст. 195 УПК РФ). Так, при производстве экспертизы и исследовании цифровых следов, цифровых носителей информации эксперт применяет специальные приемы и методики, которые основаны на применении цифровых технологий.

В свою очередь, содержание и результаты исследования с указанием примененных методик эксперт указывает в своем заключении, а материалы, иллюстрирующие заключение эксперта, должны быть приложены к заключению и являются его составной частью (п. 9 ч. 1, ч. 3 ст. 204 УПК РФ). Нередко к заключению эксперта прилагаются цифровые носители информации.

Криминалистически значимая компьютерная информация чаще всего может быть представлена на следующих объектах:

1) устройства хранения информации;
2) устройства ввода/вывода информации;
3) устройства обработки информации;
4) устройства передачи информации по каналам связи;
5) информационные комплексы и системы[146].

Данные категории объектов содержат цифровые следы и являются неотъемлемым элементом формирования компьютерной информации, имеющей значение для производства судебного следствия по рассматриваемой категории дел.

---

[146] Россинская Е. Р., Семикаленова А. И., «Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности», 2020. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3: 745—759.

Виды преступной деятельности различаются в зависимости от вида совершаемого преступления (сбыт наркотических средств, публичные призывы к экстремистской деятельности, склонение к совершению самоубийства и др.), примененной цифровой технологии, предмета посягательства.

Основным элементом определения способа совершения преступления служит следовая картина — материальные и цифровые следы, информация о непосредственном объекте, предмете преступного посягательства и др.

Способ совершения преступления может реализовываться как непосредственно, так и опосредованно (удаленно). В первом случае субъект преступления непосредственно взаимодействует с предметами материальной обстановки места происшествия, оставляя, помимо цифровой, материальную следовую картину, взаимодействуя с компьютером, ноутбуком, смартфоном, средствами видеоконтроля и т.д., принадлежащими потерпевшему или иным лицам.

При реализации преступного деяния опосредованно (удаленно) следовая картина характеризуется наличием только цифровых следов. Например, с помощью функции удаленного доступа и активации сетевых команд преступники имеют возможность «отложить» совершаемое преступление, чтобы в виртуальном пространстве оно произошло в определенный момент, когда в реальном мире злоумышленник будет иметь неоспоримое алиби. Причем преступления, совершаемые удаленно, характеризуются использованием совокупности способов и наибольшей сложностью расследования[147].

Перед государственным обвинителем возникает ряд задач, в частности необходимо подробно спрогнозировать наиболее вероятные следственные ситуации, построить версии и контрверсии произошедшего. Исходя из приоритетной версии, построить план представления доказательств в суде.

В ходе анализа имеющихся материалов уголовного дела, прокурору необходимо оценить доказательства с точки зрения относимости и допустимости, что позволит с полной уверенностью опираться в своих выводах на результаты предварительного расследования на этапе судебного следствия.

Как справедливо отмечают Н.В. Кулик, М.А. Спасов, если при оценке на этапе подготовки качества и полноты проведенного по уголовному делу расследования выявлены недостатки, государственному обвинителю необходимо подумать о возможности и целесообразности восполнения обнаруженных упущений в ходе судебного следствия с учетом того, как это будет воспринято присяжными заседателями, а также заранее подготовить соответствующие разъяснения присяжным заседателям[148].

---

[147] Асрян, А. Л. Уголовно-процессуальные проблемы расследования и доказывания по делам о киберпреступлениях / А. Л. Асрян // Альманах молодого исследователя. — 2020. — № 8. — С. 57—59. — EDN FVEARZ.

[148] Кулик, Н. В. Специфика подготовки государственного обвинителя прокуратуры районного звена к поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей / Н. В. Кулик, М. А. Спасов // Право и практика. — 2019. — № 3. – С. 127—131. — EDN TBQJYM.

При выявлении просчетов и ошибок, допущенных в ходе предварительного расследования, прокурор должен подготовиться к возможным ходатайствам стороны защиты в судебном разбирательстве. Особое внимание надлежит обратить на ходатайства стороны защиты, заявленные при производстве по делу, с их помощью можно очертить примерный круг доказательств, на которые вероятнее всего адвокат и подсудимый будут ссылаться.

Полагаем, на этапе подготовки к судебному разбирательству государственному обвинителю целесообразно пообщаться с лицом, которое производило предварительное расследование, чтобы выяснить обстоятельства, оставшиеся за пределами уголовного дела: о предполагаемых версиях стороны защиты, о вероятности изменения показаний потерпевшими, свидетелями, подсудимым и др.

Таким образом, программу подготовки государственного обвинителя к участию в суде присяжных в общих чертах можно представить в виде следующих взаимосвязанных между собой частей:

1) применение определенных тактических приемов при изучении материалов уголовного дела;

2) анализ материалов уголовного дела, выявление недочетов следствия;

3) прогнозирование различных ситуаций, могущих возникнуть в ходе судебного заседания, и комплекс тактических приемов, используемых для их решения;

4) построение, проверка версий обвинения и контрверсий;

5) комплексное планирование своей деятельности по поддержанию государственного обвинения.

Учитывая особую сложность расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, государственному обвинителю необходимо внимательно отнестись к этапу формирования коллегии присяжных заседателей, заранее подготовить вопросы для отбора кандидатов, учитывая личностную характеристику, социальную группу, профессию, образ жизни, материальную обеспеченность и т.д. В данном случае имеет значение, кто из числа кандидатов в присяжные заседатели не сможет объективно и беспристрастно оценить обстоятельства уголовного дела и решить вопрос о виновности лица.

Подводя итог вышесказанному, мы полагаем, что по окончании подготовки к поддержанию государственного обвинения по делам о преступлениях, совершенных с использованием информационных-телекоммуникационных технологий, рассматриваемых судом присяжных, прокурор должен систематизировать доказательства и подготовить план работы в суде, учитывая тактические особенности взаимодействия с присяжными заседателями, опираясь при этом на необходимые вспомогательные материалы.

Список источников

1. Россинская, Е. Р. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Право 3. — 2020. — С. 745—759.

2. Попов, А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие / А. Н. Попов. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 68 с.

3. Руководство для государственных обвинителей: Криминалистический аспект деятельности. Ч. IV: Особенности поддержания государственного обвинения по делам о грабежах и разбоях, вымогательствах, мошенничестве, обороте наркотиков, преступных ятрогениях / В. С. Бурданова, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристансков, Е. Б. Серова; Науч. ред. О. Н. Коршунова. — СПб., 2003. — 148 с.

4. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.] ; под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 490 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17464-9.

5. Кулик, Н. В. Специфика подготовки государственного обвинителя прокуратуры районного звена к поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей / Н. В. Кулик, М. А. Спасов // Право и практика. — 2019. — № 3. — С. 127—131. — EDN TBQJYM.

6. Асрян, А. Л. Уголовно-процессуальные проблемы расследования и доказывания по делам о киберпреступлениях / А. Л. Асрян // Альманах молодого исследователя. — 2020. — № 8. — С. 57—59. — EDN FVEARZ.

Е. В. КОЛОШИНА

научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент **Е. Б. СЕРОВА**

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Вопрос о введении института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации обсуждается в научном сообществе с начала XXI века, объясняется это целями уголовного политики государства, направленной на развитие и внедрение новых эффективных механизмов борьбы с преступностью, повышение оперативности судопроизводства.

Кроме того, карательный характер уголовной политики затрудняет процесс реинтеграции преступников в общество, не позволяет в полной мере удовлетворить интересы потерпевшего, в связи с чем набирает популярность институт восстановительной юстиции.

Процесс разработки механизма применения института медиации в уголовном судопроизводстве России требует анализа немалого количества аспектов, одним из которых является практика применения института медиации в странах дальнего и ближнего зарубежья.

Интересным представляется многолетний опыт применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве стран Европы, а именно Франции и Германии — государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, однако строящих уголовное судопроизводство на различных принципах (Франция — принцип целесообразности, Германия — принцип законности).

В ст. 41.1 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики 1958 г. закреплен порядок проведения медиации в уголовном судопроизводстве[149].

Говоря подробнее о примирительной процедуре во Франции, следует выделить два типа ее применения: «судебная медиация», осуществляемая прокурором и «общественная медиация, осуществляемая под судебным контролем», то есть специально выбранным лицом.

Несмотря на выбранный тип медиации, главным лицом, координирующим процесс проведения данной процедуры, выступает прокурор. Он принимает решение о проведении медиации, осуществляет взаимодействие с представителями из организаций, специализирующихся на проведении уголовной медиации, а именно согласовывает рабочие протоколы, направляет материалы уголовного дела. Сама же примирительная процедура проводится медиатором совместно со сторонами конфликта: стороны выходят на диалог, обсуждают вопросы возмещения вреда — выбор формы такого возмещения (денежная, словесная, например, принесение извинений). По результатам проведения процедуры составляется протокол, содержащий проект примирительного соглашения, в дальнейшем он направляется прокурору для принятия решения по делу[150].

Особенностью уголовной медиации Франции является ее применение по делам с участием совершеннолетних, в отношении несовершеннолетних медиация не популярна, что не характерно, например, для Германии.

Согласно § 155а. Уголовно-процессуального кодекса ФРГ (далее — УПК ФРГ) с согласия суда, к подсудности которого относится открытие основного судебного производства, и обвиняемого прокуратура может при условии, что предметом производства является уголовный проступок

---

[149] Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики 1958 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006121321/#LEGISCTA000027753875 (Дата обращения: 18.12.2024).

[150] Шестакова, Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Л.А. Шестакова. — Самара: Издательство Самарского университета, 2021. — С. 47—49.

временно отказаться от предъявления публичного обвинения и одновременно возложить на обвиняемого обязанности или дать ему указания, если они пригодны для того, чтобы устранить общественный интерес в уголовном преследовании, и тяжесть вины этому не противоречит. В качестве обязанностей или указаний может быть назначено — приложить серьезные усилия для достижения примирения с потерпевшей стороной (соглашения между правонарушителем и потерпевшим) и загладить свои действия полностью или в значительной части. Таким образом, в УПК ФРГ проведение процедуры медиации выступает основанием прекращения уголовного преследования по делам о проступках.

Процедура примирения потерпевшего и преступника регламентирована § 155a. УПК ФРГ: прокуратура и суд должны на каждой стадии производства исследовать возможность достижения компромисса между обвиняемым и потерпевшим. В соответствующих случаях они прикладывают усилия для достижения примирения. Против выраженной воли потерпевшего примирение не может считаться состоявшимся[151].

В соответствии с § 155b. УПК ФРГ прокуратура и суд могут сообщать в уполномоченные организации, в целях примирения или заглаживанием вреда, необходимые для этого личные данные преступника и потерпевшего по собственной инициативе или по ходатайству. В уполномоченную организацию также могут быть направлены материалы дела, если предоставление отдельных справок связано с несоразмерными затратами[152].

Таким образом, отличительной чертой уголовной медиации в Германии является не привлечение прокурора в качестве третьего лица для урегулирования конфликта, однако также, как и во Франции он принимает решение о проведении примирительной процедуры.

Тенденция включения медиации в уголовное судопроизводство прослеживается и в ряде стран постсоветского пространства в соответствии со ст. 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК) процедура медиации применима в случае совершения уголовного проступка или преступления небольшой или средней тяжести, не связанного с причинением смерти.

В соответствии с УПК РК примирение сторон, в том числе путем проведения процедуры медиации является основанием для прекращения как уголовного дела (ст. 35 УПК РК), так и уголовного преследования (ст. 36 УПК РК). Также ст. 85 УПК РК закрепляет правовое положение медиатора: «Медиатором является независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации в соответствии с требованиями закона Республики Казахстан «О медиации»[153].

---

[151] Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ [Электронный ресурс] // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/462323 (Дата обращения: 18.12.2024).

[152] Там же.

[153] Закон РК от 28 января 2011 года № 401-IV «О медиации» [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376&sub_id=90000&pos=140;-54#pos=140;-54 (Дата обращения: 18.12.2024).

Рассматривая порядок проведения процедуры медиации, отметим, что он регулируется Законом Республики Казахстан «О медиации», в частности, в нем говорится о возможности проведения примирительной процедуры как на досудебной, так и на судебной стадии уголовного судопроизводства. С предложением о проведении медиации могут обратиться как конфликтующие стороны, так и орган уголовного преследования[154].

В качестве сравнения рассмотрим правовое регулирование процедуры медиации в Республике Беларусь, где примирение обвиняемого с потерпевшим возможно по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлениях.

Во-первых, ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК РБ) закрепляет понятие медиации, определяя его как переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению, а также медиатора — не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению. Во-вторых, ст. 30.1 УПК РБ установлено, что в случае примирения путем медиации обвиняемый и потерпевший по собственной инициативе и взаимному согласию выбирают медиатора[155].

Таким образом, в странах ближнего зарубежья процедура медиации урегулирована по-разному, УПК РБ не включает статью, регламентирующую правовой статус медиатора в уголовном судопроизводстве, также Закон РБ «О медиации» не содержит отдельных положений об особенностях процедуры медиации в уголовном судопроизводстве. Можем прийти к выводу, что в Республике Казахстан процедура уголовной медиации является более законодательно урегулированным институтом уголовно-процессуального права.

Подводя итог, отметим, что в странах Европы уголовная медиация является устоявшейся процедурой уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное законодательство стран ближнего зарубежья также не стоит на месте и постепенно реализует практику применения медиации в уголовном судопроизводстве. Несомненно, опыт как перечисленных, так и иных государств зарубежья может быть положен в основу формирования института уголовной медиации в Российской Федерации.

Список источников

1. Шестакова, Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / Л.А. Шестакова. — Самара: Издательство Самарского университета, 2021 — 120 с.

[154] Там же.

[155] Уголовно-процессуальный кодекс РБ: с изм. и доп. по состоянию на 17.07.2023 г. // Информационная система «Параграф»: сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (Дата обращения: 18.12.2024).

В. И. КУКОНИН

научный руководитель
канд. юрид. наук **Д. А. СЫЧЕВ**

ПРАВОВЫЕ АНАЛОГИ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Большинство ученых сходятся во мнении о том, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве был заимствован в российскую систему уголовного судопроизводства, как результат успешного зарубежного опыта из англосаксонской системы права. Во многом связано это с тем, что за рубежом, институт «сделки о признании вины» зарекомендовал себя преимущественно с положительной стороны, так как позволял снизить загруженность системы уголовной юстиции, сократить продолжительность судебного разбирательства, сэкономить денежные средства, выделяемые из государственного бюджета на функционировании судебной системы и следственные органы, а также доказал свою эффективность по противодействию организованной преступности. Однако, необходимо допустить оговорку, что употребление термина «досудебное соглашения о сотрудничестве» не совсем допустимо, применительно к рассмотрению, схожих зарубежных правовых механизмов, поскольку в каждой правовой системе имеется своя терминология и её наполнение, поэтому наравне с досудебным соглашением о сотрудничестве будут использованы такие термины как «сделки о признании вины», «сделки с правосудием» и др.

Активное развитие и функционирование данного правового механизма, осуществлялось на территории государств преимущественно с англосаксонской правовой системой. К таким государствам относятся: США, Великобритания, Ирландия, Канада, и другие.

Впервые, такое понятие как «сделка с правосудием», было упомянуто в 1839 г. на территории Соединенных Штатов Америки юристом Реймондом Моли, однако этот термин, в более приближенном к современному правовому пониманию, был сформирован только к концу XIX века[156]. Тем не менее в США весьма длительное время не было устойчивой единообразной системы переговоров в связи применением сделок о признании вины. Она была законодательно закреплена только к 1974 г. в связи с принятием поправок к Федеральным правилам уголовного процесса, которые регламентировали процедуру судебного разбирательства. Несмотря на это, с конца XIX века по 40-ые года XX институт «сделки с правосудием» получил широкое

[156] Климанова, О. В. История и особенности современного правового регулирования и практики применения аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве в зарубежных странах / О. В. Климанова // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11-2(122). — С. 275.

распространение. Для понимания всей значимости этого правового института для уголовной юстиции Соединенных Штатов Америки, полагаю необходимым привести некоторые статистические данные, представленные Американским юристом Реймондом Моли[157]. Так, в штате Нью-Йорк, в 1839 г. около 22 % приговоров по уголовным делам, были итогом заключения «сделки о признания вины», к 1869 г. общее количество приговоров увеличилось до 70 % от всех уголовных дел с использованием данного института, а к 1920 г. возросло до 88 %. Если обращаться к более современным статистическим данным, то в 10-ые годы XXI общее количество сделок о признании вины в федеральных судах США достигает невероятных 97 % от общего числа и приговоров по уголовным делам, и по сей день этот уровень остаётся неизменно высоким.

По мнению О.В. Климановой, во многом, такое широкое распространение сделок о признании вины связано со следующими факторами: дороговизна уголовного судопроизводства, высокая загруженность судов, а также сложность организации суда с участием присяжных. В связи с этим на правоохранительную систему США была возложена задача выработать такой правовой механизм, который одновременно позволил бы снизить нагрузку с судебно-следственных органов, а также добиться процессуальной экономии как во временном, так и в экономическом аспекте[158]. Перейдем к рассмотрению сущности сделки о признании вины в уголовном судопроизводстве США. В уголовном процессе используют два термина, которые необходимо различать друга от друга. «Plea guilty» отношение обвиняемого к предъявленному к нему обвинению, «Plea bargaining» представляет собой соглашение, по которому обвиняемый признает себя виновным, за определенные уступки, заключающиеся в уменьшении объема обвинения, либо смягчение самого наказания. В соответствии с ст. 11 Federal Rules of Criminal Procedure (далее — Федеральные правила уголовного судопроизводства), при предъявлении иска обвиняемый должен выразить к нему свое отношение, то есть: «Plea guilty» — признать свою вину, тем самым согласиться с предъявленным ему обвинением и отказаться от права на судебное разбирательство; «Nolo contendere» — обвиняемый не оспаривает свою виновность; «Plea of not guilty» — обвиняемый оспаривает свою вину[159].

Если обвиняемый идет по пути «plea guilty» и признаёт предъявленное к нему обвинение, то он получает право на заключение соглашения «plea bargaining». Сделки о признании вины могут заключаться на любой стадии уголовного судопроизводства США, а также без какой-либо привязки к категориям дел и, по мнению Дубровиной Е. Г., это абсолютно естественно, так как сам процесс построен исключительно на споре между сторонами,

---

[157] См.: Raymond Moley. Politics and Criminal Prosecution. Minton. Balch (1929). P. 164.

[158] Климанова, О. В. История и особенности современного правового регулирования и практики применения аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве в зарубежных странах / О. В. Климанова // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11-2(122). — С. 274.

[159] Федеральные правила уголовного процесса США URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_11 (дата обращения — 15.09.2024 г.).

а если отсутствует сам спор, то отпадает необходимость судебного разбирательства по данному делу[160]. Весьма интересна роль суда, при заключении подобного соглашения. Инициировать по своей воле или же участвовать в обсуждении условий сделки он не может, однако вправе отклонить соглашение или отложить его рассмотрение. В соответствии ст. 11 Федеральных правил уголовного судопроизводства, перед тем как удовлетворить заявление о признании вины или «nolo contendere», суд должен лично обратиться к обвиняемому в открытом судебном заседании и определить, что заявление о признании вины совершено добровольно и не является результатом применения силы, угроз или обещаний кроме обещаний в соглашении о признании вины. По общему правилу, если суд одобрил условия сделки между сторонами, то при составлении приговора суд связан с содержанием «plea bargaining». Несмотря на все положительные стороны данной сделки, она стала активным предметом критики и споров как со стороны органов государственной власти, так и в научных кругах за чрезвычайное снисходительное отношение к преступникам, и несоответствие принципу презумпции невиновности, однако это ничуть не замедлило темпы роста использования данного правового института. Следует отметить, что в Соединенных Штатах Америки использование «сделок о признании вины» совершенно естественно из-за наличия исковой природы уголовного судопроизводства, кроме этого, институт изначально был разработан на уровне правоприменительной практики, а не искусственно насажден законодателем.

Заслуживает отдельного внимания вопрос, связанный с имплементацией «сделок с правосудием» в романо-германскую правовую систему. Как показывает практика, в континентальной правовой системе такие сделки не получили такого широкого распространения. Во многом это связанно с наличием существенной разницы между англо-американским и романо-германским уголовным процессом. Континентальная правовая система построена преимущественно на смешанной модели уголовного процесса, которая одновременно совмещает предварительное расследование и состязательный судебный процесс, в то время как англо-американская основывается на состязательном судопроизводстве при отсутствии отдельной стадии расследования[161]. Исходя из этого, некоторые ученые полагают, что использование института «сделок» как соглашений, допустима только при наличии состязательного судопроизводства, где есть две практически равноправные стороны, которые могут решить вопрос о назначении наказания за совершение преступления, так и в целом пересмотреть доказательственную базу стороны обвинения.

---

[160] Дубровина, Е. Г. Сделки о признании вины по законодательству США / Е. Г. Дубровина // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Омск, 11 мая 2017 года. Том Выпуск IV. — Омск: Инновационный центр развития образования и науки, 2017. — С. 92.

[161] Косенко, А. М. Уголовный процесс в США: соотношение правовых механизмов и демократических принципов / А. М. Косенко // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2017. — № 6. — С. 22.

Отсюда весьма интересен опыт функционирования института сделок с обвинением в континентальной правовой системе, на примере Италии. Конец 80-ых годов XX в. был ознаменован принятием нового уголовного процессуального кодекса в Италии[162]. В УПК Италии были закреплены два принципиально новых правовых института.

«Abbreviato» представляет собой модель ускоренного судопроизводства, которая реализуется исключительно по делам небольшой тяжести в рамках предварительного слушания по делу, а решение выносится исходя из доказательств, имеющихся в материалах дела. Эта процедура исключает возможность заключения каких-либо соглашения между стороной обвинения и защиты. Преимущество «Abbreviato» заключается в сокращении размера наказания на 1/3 в сравнении с общим порядком рассмотрения дела, кроме этого, сохраняется возможность оправдания обвиняемого.

«Patteggiamento» предполагает наличие соглашения между стороной обвинения и защиты, которое впоследствии представляется на судейское утверждение и служит основанием для вынесения судебного приговора с последующим смягчением наказания на 1/3, при условии, что само наказание не превысит 5 лет лишения свободы. Соглашение утверждается только в том случае, если судья не найдет достаточных оснований для оправдания подсудимого. Родин В. В. отмечает, что положения нового процессуального кодекса Италии предполагают компенсацию значимости материалов предварительного следствия устным разбирательством[163]. В результате этого, суд не может заранее оценить представленную информацию и акцентировать свое внимание на интересующие моменты доказательственной базы, представленной сторонами. Кроме того, Родин В.В. отмечает наличие определенных сходств с американским правовым аналогом, так как и в «сделке о признании вины» имеются состязающиеся стороны и прослеживается пассивность суда, который не участвует в подготовке соглашения, а лишь оценивает его и при наличии оснований, утверждает. Но есть и разница, так как «patteggiamento», не предполагает возможность ни частичного отказа от обвинения, ни изменения самой сути обвинения посредством переквалификации инкриминируемого деяния, и распространяется исключительно на назначение самого наказания. «Patteggiamento» не получила такого широкого распространения, как американская «сделка о признании вины» в США, за период с 1990 по 1998 г. посредством использования данного соглашения было вынесено от 34% до 42% от всех приговоров.

Исходя из всего вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что институт «сделки о признании вины» и его различные правовые аналоги показали свою востребованность и достаточно прочно укоренились как в англосаксонской модели уголовного судопроизводства, так и в континентальной.

---

[162] Ахмедов, Ш. М. Межотраслевой институт досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве зарубежных стран / Ш. М. Ахмедов // Международное публичное и частное право. — 2010. — № 4. —С. 29—30.

[163] Родин, В. В. Досудебное соглашение и "сделка с правосудием": прагматизм без конфликта с нравственностью? / В. В. Родин, Н. В. Яджин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4(30). — С. 186.

А.А. МАНУКЯН

научный руководитель
доктор юрид. наук, профессор **М. О. БАЕВ**

ОГРАНИЧЕННАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В отечественной правовой науке одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о субъектах доказывания. Хотя, казалось бы, вопрос уже окончательно решен законодателем, указавший в ч.1 ст. 81 УПК РФ следующее: «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке определенным УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Таким образом, законодатель установил для нас следующий перечень субъектов доказывания: суд, прокурор, следователь, дознаватель. В то же время возникает вопрос о субъектности стороны защиты, потерпевшего и его представителя в доказывании по уголовному делу. Уголовно-процессуальный кодекс прямо не относит их к субъектам доказывания, однако устанавливает ряд полномочий для них в сфере сбора и проверки доказательств (ч.3 ст.86 УПК РФ). В данной статье нами не будут рассматриваться вопросы, касающиеся проблем субъектности следователя, прокурора, дознавателя, потерпевшего, защитника-адвоката или обвиняемого. Центральной проблемой в вопросе доказывания в раках данной статьи нас является субъектность суда по уголовному делу: есть ли она и в чем она выражается?

Уголовно-процессуальная деятельность связана с процессом доказывания виновности и невиновности обвиняемого. Доказывание в УПК РФ трактуется как деятельность, направленная на собирание, проверку и оценку доказательств по уголовному делу (ст.81 УПК РФ).

Ч. 1 ст. 271 УПК РФ регламентирует деятельность суда по сбору доказательств. Согласно рассматриваемой норме, суд вправе запросить какую-либо информацию, а также вызвать новых свидетелей по уголовному делу только по ходатайству одной из сторон, лишившись возможности осуществлять данные действия по собственной инициативе. Кроме этого, суд не имеет полномочий по сбору и фиксации новых вещественных доказательств по уголовному делу и других действий по сбору доказательств. Таким образом, суд ограничен в самостоятельном сборе доказательств по уголовному делу, что имеет логическое объяснение.

Деятельность органов предварительного расследования носит специфический характер, предполагающий наличие у должностных лиц спе-

циальных технических средств, способностей, умений и навыков, требующих специальной подготовки и специальной процессуальной регламентации. Передача же суду полномочий по, фактически, самостоятельному расследованию уголовного дела приведет к подмене процессуальных функций. Таким образом, ограничение возможностей суда по сбору и фиксации доказательств по уголовному делу является процессуально целесообразным.

Интересно отметить, что в уголовном судопроизводстве в США, суд также частично ограничен в собирании доказательств. Так, в суд могут быть вызваны лишь те свидетели, которые были определены на стадии предания суду[164]. В то же время уголовно-процессуальное законодательство Пятой Французской республики предусматривает возможность вызова в суд любого человека. Более того, во французском уголовном судопроизводстве сторона обвинения и сторона защиты предоставляют друг другу списки свидетелей подлежащих вызову не менее чем за 24 часа до слушания уголовного дела[165].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что перечисленные в главе 37 УПК РФ действия суда, которые проводятся в рамках судебного следствия (допросы свидетелей (ст.278 УПК РФ), назначение экспертиз (ст.283 УПК РФ), осмотр вещественных доказательств (ст.284 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст.287 УПК РФ)) в большей части своей направлены не столько на собирание, сколько на проверку уже имеющихся в уголовном деле доказательств. Суть стадии рассмотрения уголовного дела в суде сводится к проверке собранных на стадии предварительного расследования доказательств, с последующей их оценкой. Помимо этих функций, суд осуществляет проверку не только фактических обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, но и осуществляет процессуальную проверку действий следователя и прокурора, имеет право признавать недействительными отдельные доказательства по уголовному делу.

Правила оценки доказательств установлены в ст.88 УПК РФ, предусматривающая критерии относимости, допустимости и достоверности доказательств. В рамках рассматриваемой проблематики, хотелось бы обратить внимание на ч.4 ст.88 УПК РФ, которая предусматривает право суда признавать недопустимым доказательства не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе. Таким образом, законодатель предусматривает активную роль суда при оценке доказательств на соответствие закону.

Вместе с тем, активная роль суда в оценке доказательств установлена не только в части оценки их формального соответствия закону, но и их соответствия фактическим обстоятельствам дела. Так, ст.299 УПК РФ устанавливает: «при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает следующие вопросы: 1) доказано ли, что имело место деяние,

---

[164] Стойко Н.Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США: учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск. 2000. С.104.

[165] Мелешко А. Уголовный процесс Франции: краткий очерк. Часть 3. [сайт] — URL : https://www.advgazeta.ru/mneniya/ugolovnyy-protsess-frantsii-kratkiy-ocherk-chast-3/ (дата обращения 03.03.2024)

в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый; 3) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено; 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления». Разрешение этих вопросов без детального исследования доказательств — невозможно.

Проанализировав действующее законодательство, мы приходим к следующему выводу. На данный момент в Российской Федерации суды обладают ограниченной субъектностью в уголовном судопроизводстве. Фактически, активная роль суда сведена к проверке и оценке доказательств по уголовному делу, в то время как в части сбора доказательств роль суда существенно ограничена.

Кажется, что ограниченная субъектность суда предполагает его пассивную роль при рассмотрении уголовного дела. На наш взгляд пассивность суда, при рассмотрении уголовного дела — неприемлема для правового государства. В случае, когда судья занимает пассивную роль при рассмотрении дела, его статус превращается в функцию. Статус судьи предполагает определенный набор человеческих (морально-нравственных) качеств, являющиеся незыблемыми ориентирами в процессе отправления правосудия. В противном случае суд для нас становится не местом, где вершится справедливость, а местом алгоритмизированного вынесения решений по делу — иными словами государственной услугой. О данном вопросе писал также и Кокарев Л.Д.: «Да что уж тут говорить, если в последнее время сами судьи в открытую пишут о том, что для них вовсе не обязательно стремиться к объективному и всестороннему исследованию всех обстоятельств дела, достаточно, мол, чтобы решение формально соответствовало материалам дела (Вестник Верхового суда СССР. 1991 № 10. С. 8, 10) или что от суда нельзя требовать, чтоб он установил объективную истину (Советская юстиция. 1991. № 1. С. 2—3)»[166].

Пассивность суда не всегда проявляется в нежелании участвовать в собирании и проверке доказательств судом. Пассивность суда также проявляется при наличии формализма и, как писал Л.Д. Кокарев: «привычки действовать по шаблону». В данном случае судья, идя по пути формализации судебного разбирательства по делу, суть уголовного дела оставляет на втором, а то и третьем плане. Такое положение дел не может вселять оптимизма. Кроме этого, данная тенденция намечается не только в судах первой инстанции, но и в судах апелляционной инстанций.

Так, например, в Ленинском районном суде г. Воронежа находилось уголовное дело по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Согласно фабуле уголовного дела, подсудимый оборудовал 12 закладок с наркотическим веществом. Ленинским районным судом г. Воронежа было вынесено постановление о возвращении уголовного дела прокурору (ст.237 УПК РФ). Согласно данному

[166]Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 277.

постановлению, преступное деяние подсудимого может быть квалифицированно не как одно продолжаемое преступление, а как 12 самостоятельных преступлений. Данное обстоятельство явилось препятствием для рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции. Вместе с тем, Воронежский областной суд, отменил данное постановление, не разрешив вопросы квалификации, сославшись на формальные обстоятельства (отсутствие очевидности неверной квалификации), без должной мотивировки данного решения[167]. Тем самым суд апелляционной инстанции обошел стороной поставленные судом первой инстанции проблемы правоприменительной практики.

С другой стороны, суд, занимая активную роль, рискует оказаться раскритикованным в заинтересованности в исходе дела. Каков выход из данной ситуации? Во-первых, в таких случаях есть механизм отвода судьи. Во-вторых, судья должен быть заинтересован в исходе дела. Он должен быть заинтересован в справедливом исходе дела, а в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства, таким решением может быть принято то, которое соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Статус судьи носит в себе не только юридическую, но и общественную нагрузку. Судья первый сталкивается с отношением общества к государству, а также является связующим звеном между законом и государством с конкретным гражданином. При таких обстоятельствах, занятие судьей пассивного положения является неприемлемым для правового государства. Решение может быть признанно обоснованным и справедливым только в том случае, если судом была в полном объеме реализована его ограниченная субъектность.

[167] Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-2010 от 22.08.2022 [сайт] — URL:https://oblsud--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=31972891&case_uid=ad3953a2-38a3-4b1c-9292-2545c93ab2eb&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 03.03.2024).

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ РИНЦ

БАРКАЛОВА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	**BARKALOVA ELENA V.,** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
ПРИЗНАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРОВ СУДОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	**RECOGNITION OF EXECUTION OF FOREIGN COURTS SENTENCES: NOVELITIES OF LEGISLATION**
В статье проводится сравнительный анализ положений Ашхабадской конвенции и уголовно-процессуального закона в части реализации условий исполнения запроса о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, оснований для отказа в его исполнении и механизма реализации.	The article provides a comparative analysis of the provisions of the Ashgabat Convention and the criminal procedure law in terms of the implementation of the conditions for the execution of a request for the transfer of execution of sentences not related to imprisonment, the grounds for refusing to execute it and the mechanism for implementation.
Ключевые слова: уголовный процесс, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, Ашхабадская конвенция, передача исполнения наказания, не связанного с лишением свободы	**Keywords:** criminal procedure, international cooperation in criminal proceedings, Ashgabat Convention, transfer of execution of punishment not involving deprivation of liberty
ВАТУТИНА Оксана Юрьевна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат ННО «АК «АЛИБИ»	**VATUTINA Oksana Y.**, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Saint Petersburg State University, lawyer of NGO "AK "ALIBI"
ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	**THE LEGAL SIGNIFICANCE OF THE SPECIALIST'S ACTIVITY TO SUPPORT THE PROSECUTION AND THE DEFENSE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS**

В настоящей статье исследуются проблемы участия специалиста в формировании таких доказательств, как заключение и показания специалиста, определяется их значение для поддержания обвинения и осуществления защиты по уголовному делу. Выявляются особенности и специфика заключения и показаний специалиста, как научных доказательств. В статье устанавливается юридическое значение деятельности специалиста по формированию заключения и показаний. Автор формулирует вывод о том, что деятельность специалиста в процессе производства по уголовному делу, имеет существенное значение вне зависимости от того, какой из сторон он вовлекается в дело, поскольку, позволяет обеспечить уголовное дело и итоговое решение по нему научными данными, предоставить выводы, основанные на объективном научном знании.	This article examines the problems of a specialist's participation in the formation of such evidence as the conclusion and testimony of a specialist, determines their importance for supporting the prosecution and defending a criminal case. The features and specifics of the conclusion and testimony of a specialist as scientific evidence are revealed. The article establishes the legal significance of the activity of a specialist in the formation of conclusions and testimonies. The author concludes that the activity of a specialist in the process of criminal proceedings is of significant importance, regardless of which of the parties is involved in the case, since it allows to provide the criminal case and the final decision on it with scientific data, to provide conclusions based on objective scientific knowledge.
Ключевые слова: поддержание обвинения, специальные знания, специалист, осуществление защиты, доказательства	**Keywords:** support of the prosecution, special knowledge, specialist, implementation of the defense, evidence
ЖУКОВ Георгий Константинович, начальник уголовно-судебного отдела прокуратуры Новгородской области, советник юстиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Юридического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого	**ZHUKOV Georgy K.**, Chief Division of Criminal Trials, Public Prosecutor's Office of the Novgorod Region, Counselor of Justice, PhD in Juridical sciences, Senior Educator, Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process, Law Institute of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ГРУППОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	**SUPPORT OF PUBLIC PROSECUTION BY A GROUP OF PUBLIC PROSECUTORS: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM**
Поддержание государственного обвинения в составе группы государственных обвинителей представляет собой важную	Maintaining public prosecution within the group of public prosecutors is an important form of organizing criminal prosecution in

форму организации уголовного преследования в судебном производстве и позволяет повысить эффективность работы прокуроров по объемным и сложным уголовным делам. Вместе с тем в настоящее время многие вопросы группового поддержания обвинения не урегулированы на законодательном и ведомственном уровнях, в связи с чем организационно-правовые основы данной формы нуждаются в упорядочивании и совершенствовании. **Ключевые слова:** роль прокурора в уголовном процессе; уголовное преследование; поддержание государственного обвинения, группа государственных обвинителей	court proceedings. It highly increases the efficiency of prosecutors work in voluminous and complex criminal cases. At the same time, many issues of group support of the prosecution are currently not regulated at the legislative and departmental levels, and therefore the organizational and legal foundations of this form need to be streamlined and improved. **Keywords:** prosecutor's role in criminal justice; criminal prosecution; public prosecution; prosecutor's group
ЗАГВОЗДКИН Николай Николаевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА СРОК НЕ БОЛЕЕ 30 СУТОК В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ЗАКОННОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ** В статье анализируются новеллы уголовно-процессуального законодательства, позволяющие в условиях военного положения задерживать подозреваемого на срок до 30 суток. Автор считает, что такое расширение полномочий следователей порождает теоретические, нормативные и правоприменительные проблемы, а также предлагает пути их решения. **Ключевые слова:** военное положение, задержание, заключение под стражу, подозреваемый, следователь	**ZAGVOZDKIN Nikolai N.**, head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **DETENTION OF A SUSPECT FOR A PERIOD OF NO MORE THAN 30 DAYS IN A MILITARY SITUATION: LEGALITY AND REASONABLENESS** The article analyzes the novelties of the criminal procedure legislation, which make it possible to detain a suspect for up to 30 days under martial law. The author believes that such an expansion of the powers of investigators generates theoretical, regulatory and law enforcement problems, and also suggests ways to solve them. **Keywords:** martial law, detention, detention, suspect, investigator

ИВАНОВ Александр Андреевич, прокурор отдела международно-правового сотрудничества прокуратуры г. Санкт-Петербурга	**IVANOV Alexander A.,** Prosecutor of the Department of International Legal Cooperation of the Prosecutor's Office of St. Petersburg
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗАПРОСОВ КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ	**PROBLEMATIC ISSUES OF PRACTICAL EXECUTION OF MUTUAL LEGAL ASSISTANCE REQUESTS, RECEIVED BY PROSECUTING AUTHORITIES OF RUSSIAN FEDERATION**
Данная статья призвана раскрыть понятие запроса о правовой помощи, его места в системе форм международного сотрудничества органов прокуратуры, его отличия от запроса о правоохранительном содействии. В статье акцентируется внимание на отдельных проблемных вопросах, связанных с практикой организации исполнения органами прокуратуры Российской Федерации запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи, затронуты способы и пути их решения.	In this article author is trying to reveal the concept of a request of mutual legal assistance, it’s place in the system of international cooperation of prosecuting authorities, difference from requests for law enforcement assistance. Also, the article focuses on certain issues related to practical execution of mutual legal assistance requests, received by prosecuting authorities of Russian Federation form competent foreign bodies, considers ways of solving shortcomings in its legal regulation.
Ключевые слова: правовая помощь, правоохранительное содействие, международное право, международное сотрудничество, органы прокуратуры, уголовное преследование	**Keywords:** mutual legal assistance, law enforcement assistance, international law, international cooperation, prosecuting authorities, criminal prosecution.
КИРУША Галина Николаевна, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)	**KIRUSHA Galina N.,** lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-West Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	**ON IMPROVING GUARANTEES OF THE RIGHTS OF MINOR PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION**

В статье охарактеризованы отдельные гарантии прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Сделаны предложения по устранению некоторых противоречий и несовершенств их регламентации. Автор приходит к выводу о необходимости формирования единой модели обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, которая может быть закреплена в главе 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).	The article describes certain guarantees of the rights of minors involved in criminal proceedings. Proposals have been made to eliminate some contradictions and imperfections in their regulation. The author comes to the conclusion that it is necessary to form a unified model for ensuring the rights of juvenile participants in criminal proceedings, which can be fixed in Chapter 50 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.
Ключевые слова: несовершеннолетний, гарантии, уголовное судопроизводство	**Keywords:** minor, guarantees, criminal proceedings
КИСЛЕНКО Сергей Леонидович, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук	**KISLENKO Sergey L.,** Associate Professor of the Department of Criminology O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Doctor of Law, Associate Professor
**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МОДУЛЬНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	**FORMATION OF THE CONCEPT OF MODULAR CRIMINALISTIC METHODS OF INVESTIGATION AND MAINTENANCE OF PUBLIC PROSECUTION AS AN INDICATOR OF IMPROVEMENT OF THE CRIMINALISTIC THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL PROSECUTION BODIES IN THE FRAMEWORK OF PRE-TRIAL AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES**
Статья посвящена исследованию перспектив формирования в рамках криминалистической науки модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения. Представлена авторская точка зрения на возможные варианты развития такого	The article is devoted to the study of the prospects for the formation of modular forensic methods of investigation and maintenance of public prosecution within the framework of forensic science. The author's point of view on possible options for the development of such a direction within the framework of

направления в рамках криминалистической теории. Обосновывается тесная связь криминалистических методик расследования и последующего поддержания обвинения в суде. Приводятся аргументы в пользу преимущества модульного подхода в формировании криминалистической деятельности. **Ключевые слова:** криминалистика, поддержание государственного обвинения, расследование преступлений, криминалистическая методика, следственные и судебные ситуации, личность лица, совершившее преступление	forensic theory is presented. The close connection between the forensic methods of investigation and the subsequent support of the prosecution in court is substantiated. The arguments in favor of the advantages of the modular approach in the formation of forensic activities are presented. **Keywords**: criminalistics, maintenance of public prosecution, investigation of crimes, forensic methodology, investigative and judicial situations, identity of the person who committed the crime
КОМАРОВА Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ ПРОКУРОРОМ, НА ЭТАПЕ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ** Приводится обобщение состояния надзора за исполнением органами дознания и предварительного следствия федерального законодательства при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях. Анализируются типичные нарушения, допускаемые на стадии возбуждения уголовного дела и рассматриваются конкретные примеры практики. **Ключевые слова:** уголовный процесс, сообщение о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела	**KOMAROVA Elena A.,** candidate of Law, Associate Professor, associate Professor of Criminal Procedure, Criminalistics and Participation of the Prosecutor in the Criminal Justice of the Crimean Institute of Law (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation **TYPICAL VIOLATIONS IDENTIFIED BY THE PROSECUTOR AT THE STAGE OF RECEIVING, REGISTERING AND REVIEWING REPORTS OF CRIMES** The article provides a generalization on of the state of supervision over the execution of federal legislation by the bodies of inquiry and preliminary investigation when receiving, registering, considering and resolving reports of crimes. Typical violations committed at the stage of initiation of a criminal case are analyzed and specific examples of practice are considered. **Keywords:** criminal process, reporting a crime, the stage of initiating a criminal case

КОРШИКОВА Елена Олеговна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ** Одной из процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства является институт представительства. Настоящая статья посвящена анализу проблем правового регулирования данного института. **Ключевые слова:** представительство, несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства, законные представители	**KORSHIKOVA Elena O.,** Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **REPRESENTATION OF MINOR PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION** One of the procedural guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of minor participants in criminal proceedings is the institution of representation. This article is devoted to the analysis of problems of legal regulation of this institution. **Keywords:** Representation, minor participants in criminal proceedings, legal representatives
МИНГАЛИМОВА Марьям Фердинандовна, доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **ВИРТУАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ** Статья посвящена проблемам внедрения передовых форм и методов работы в уголовное судопроизводство, в том числе вопросам применения информационных технологий при поддержании государственного обвинения.	**MINGALIMOVA Maryam F.,** Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision of the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **VIRTUAL PUBLIC PROSECUTOR: FROM THEORY TO PRACTICE** The article is devoted to the problems of introducing advanced forms and methods of work into criminal proceedings, including issues of using information technologies in supporting the state prosecution.

Ключевые слова: государственный обвинитель, искусственный интеллект, сторона обвинения, принцип состязательности, судебное разбирательство, тактика государственного обвинения, обвинительная речь прокурора, прения сторон	**Keywords:** public prosecutor, artificial intelligence, prosecution, adversarial principle, trial, tactics of public prosecution, prosecutor's indictment, pleadings
САМОЙЛОВА Юлия Борисовна, кандидат юридических наук, директор Ростовского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА** Автором на основе анализа следственной и судебной практики выявлена необходимость дальнейшего совершенствования процедуры назначения судебной экспертизы, обусловленная требованием соблюдения правовых гарантий участников уголовного судопроизводства. **Ключевые слова:** постановление о назначении, судебная экспертиза, права, недопустимое доказательство	**SAMOILOVA Yulia B.,** Director of the Rostov branch Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law **IMPROVEMENT OF THE PROCEDURE FOR APPOINTING FORENSIC EXPERTISE IN THE CONTEXT OF COMPLIANCE WITH THE LEGAL GUARANTEES OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS** The author, on the basis of an analysis of investigative and judicial practice, identified the need for further improvement of the procedure for appointing a forensic examination, due to the requirement to comply with the legal guarantees of participants in criminal proceedings **Keywords:** decision on appointment, forensic examination, rights, inadmissible evidence
СЕРОВА Елена Борисовна, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**	**SEROVA Elena B.**, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, St. Petersburg, Russia **ACTIVITIES OF THE PUBLIC PROSECUTOR TO COMPENSATE FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME**

В статье анализируется деятельность государственного обвинителя при изучении материалов уголовного дела и участии в судебном следствии, связанная с гражданским иском в уголовном деле. Изучение теоретических источников и нормативной базы позволило автору определить круг связанных с гражданским иском вопросов, подлежащих изучению при подготовке государственного обвинителя к судебному заседанию, в частности, правильности определения в досудебном производстве гражданских истца и ответчика, предмета и основания исковых требований. Обращено внимание на особенности процесса доказывания обстоятельств, связанных с гражданским иском.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, гражданский иск, возмещение ущерба, обеспечительные меры

The article analyzes the activities of the public prosecutor in studying the materials of the criminal case and participating in the judicial investigation related to a civil claim in a criminal case. The study of theoretical sources and the regulatory framework allowed the author to identify a range of issues related to a civil claim that should be studied when preparing a public prosecutor for a court hearing, in particular, the correctness of determining the civil plaintiff and defendant in pre-trial proceedings, the subject and grounds of the claims. Attention is drawn to the specifics of the process of proving the circumstances related to a civil claim.

Keywords: prosecutor, public prosecutor, civil action, compensation for damages, interim measures

СИДОРЕНКО Елена Васильевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права СЗФ Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, старший советник юстиции

SIDORENKO Elena V., ph.d. of juridical sciences, associate professor at the department of criminal procedural law of the north western branch of “the [134] Russian state university of justice”, senior counselor of justice

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К РАССМОТРЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

USING THE KNOWLEDGE SCIENCE OF COLLECTING, RESEARCHING, EVALUATING AND USING EVIDENCE IN THE COURSE OF PREPARING A PUBLIC PROSECUTOR FOR THE CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE

Государственный обвинитель не является объектом криминалистики, но в юридической науке активно развивается отдельное направление, посвященное изучению проблем тактики и методов обеспечения прокурором государственного обвинения. Автор приходит к выводу, что криминалистическое сопровождение, применение и разработка криминалистических рекомендаций, методик, а также развитие

The public prosecutor is not a object of the science of collecting, researching, evaluating and using evidence, but a separate area is actively being developed in legal science dedicated to studying the problems of tactics and methods of maintaining public prosecution by the prosecutor. The author concludes that forensic support, the application and development of forensic recommendations, techniques, and the development of forensic

навыков криминалистического мышления должны стать одним из основных направлений совершенствования деятельности государственного обвинителя. **Ключевые слова:** прокурор, тактика и методика поддержания государственного обвинения, криминалистическое обеспечение	thinking skills should become one of the main directions for improving the activities of the public prosecutor. **Keywords:** prosecutor, tactics and methods of maintaining public prosecution, forensic support
СТРАХОВА Светлана Вячеславовна, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **СУЩЕСТВЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ** Проанализирована судебная практика принятия решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций о прекращении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ, в связи с примирением сторон, а также практика Верховного Суда Российской Федерации по отмене незаконных, необоснованных, немотивированных судебных решений по уголовным делам данной категории. Предложены рекомендации прокурорам, принимающим участие в судах первой и апелляционной инстанции, направленные на формирование судебной практики по принятию решений о прекращении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ, основанной на требованиях закона, с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, положений постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.	**STRAKHOVA Svetlana V.,** Head of the department for Criminal Procedure, Criminalistic and Participation of Public Prosecutor in Criminal Proceedings of the Crimean Institute of Law (the branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor **SIGNIFICANT VIOLATIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS GROUNDS FOR CANCELLATION OF A COURT JUDGEMENT UNDER CASSATION PROCEDURE** The article considers the practice of adjudication by courts of trial, appeal and cassation on termination of criminal cases under Part 3 of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the reconciliation of the parties, as well as the practice of the Supreme Court of the Russian Federation of cancellation of illegitimate, unfounded and non-motivated court judgements on criminal cases of this category. Recommendations are offered for prosecutors taking part in courts of trial and courts of appeal towards adjudication on criminal cases covered by part 3 of article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation based on the provisions of the criminal law and the criminal procedure law taking into account the legal stance of the Constitutional Court of the Russian Federation and the plenary resolutions of the Russian Federation Supreme Court.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, примирение сторон, законное, обоснованное, мотивированное судебное решение	**Keywords:** termination of the criminal case, reconciliation of the parties, legitimate, founded, motivated court judgement
СУХОДОЛОВ Арсений Сергеевич, судья Херсонского областного суда, Россия, **СУХОДОЛОВА Ирина Александровна,** помощник прокурора Бахчисарайского района Республики Крым **ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ** В статье на основе анализа и обобщения действующего законодательства, судебной практики, юридической доктрины выявлены спорные вопросы, касающиеся переквалификации обвинения с публичного на частное. Доказано, что отсутствие единой системы правил вышеназванной переквалификации в уголовном судопроизводстве не только порождает квалификационные ошибки, но и снижает эффективность реализации института частного обвинения в целом. Авторами сформулированы пути преодоления юридических коллизий в данной сфере правоприменения. **Ключевые слова:** уголовный процесс, правоприменительная деятельность, частное обвинение, публичное обвинение, переквалификация	**SUKHODOLOV Arseniy S.,** Kherson Regional Court Judge, Russia **SUKHODOLOVA Irina A.,** Assistant Prosecutor of the Bakhchisarai district of the Republic of Crimea **PUBLIC AND PRIVATE PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS OF AMENDMENT OF CHARGES** Based on the analysis and generalization of the current legislation, judicial practice, and legal doctrine, the article identifies controversial issues concerning the re-qualification of the prosecution from public to private. It is proved that the absence of a unified system of rules for the above-mentioned retraining in criminal proceedings not only generates qualification errors, but also reduces the effectiveness of the implementation of the institution of private prosecution as a whole. The authors have formulated ways to overcome legal conflicts in this area of law enforcement. **Keywords:** criminal proceedings, law enforcement, private prosecution, public prosecution, amendment of charges
ХОЛОПОВ Алексей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	**KHOLOPOV Alexey V.**, Candidate of Law, Associate Professor, forensic laboratory head St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor of the Russian Federation

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ	**ON SOME FEATURES OF THE KNOWLEDGE OF CRIME IN THE ACTIVITIES OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE JURY TRIAL**
Статья посвящена особенностям познания преступления в деятельности государственного обвинителя в судебных разбирательствах с участием присяжных заседателей. Автор в качестве таких особенностей рассматривает: 1) присяжных как непрофессиональных субъектов познания, обладающих профанными знаниями в области юридических наук, в частности уголовного права, процесса и криминалистики, что осложняет им возможность мысленного моделирования события преступления в сравнении с профессиональными субъектами уголовного судопроизводства; 2) деятельность государственного обвинителя необходимо основывать на криминалистическом обеспечении реализации принципа наглядности в представлении доказательственной информации, позволяющем компенсировать сниженную способность присяжных к осуществлению в сознании внутренней визуализации модели события преступления.	The article is devoted to the peculiarities of crime cognition in the activities of a public prosecutor in court proceedings with the participation of jurors. The author considers the following peculiarities: 1) jurors as non-professional subjects of cognition, possessing profane knowledge in the field of legal sciences, in particular criminal law, procedure and forensic science, which complicates their ability to mentally model a crime event in comparison with professional subjects of criminal proceedings; 2) the activities of a public prosecutor must be based on forensic support for the implementation of the principle of clarity in the presentation of evidentiary information, which allows compensating for the reduced ability of jurors to implement in their minds an internal visualization of a crime event model.
Ключевые слова: познание преступления; событие преступления; присяжные заседатели; государственный обвинитель; наглядность; визуализация	**Keywords:** crime cognition; crime event; jurors; public prosecutor; clarity; visualization
ШИЛИН Василий Викторович, начальник управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Ленинградской области	**SHILIN Vasily V.**, Head of the Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities of the Prosecutor's Office of the Leningrad Region
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ ПРОКУРАТУРОЙ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	**SELECTED ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION CARRIED OUT BY THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Статья посвящена вопросам международно-правового сотрудничества, осуществляемого органами прокуратуры в уголовно-процессуальной сфере **Ключевые слова:** международно-правовое сотрудничество, экстрадиция, задержание иностранного гражданина, находящегося в международном розыске, выдача для уголовного преследования, незаконная миграция, допустимость доказательств, квалификация	The article is devoted to the issues of international legal cooperation carried out by the prosecutor's office in the criminal procedural field **Keywords:** international legal cooperation, extradition, detention of a foreign citizen who is on the international wanted list, extradition for criminal prosecution, illegal migration, admissibility of evidence, qualifications
ЯКУШЕВА Светлана Валерьевна, заместитель прокурора Сухиничского района Калужской области **ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ** Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов доказывания в суде своей позиции стороной обвинения при определенных пороках формы добытых на предварительном следствии доказательств. **Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, государственный обвинитель, доказывание в суде, состязательность сторон, представление доказательств	**YAKUSHEVA Svetlana V.** Deputy Prosecutor of the Sukhinichsky District of the Kaluga Region **PROBLEMS OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN CONSIDERING A CRIMINAL CASE IN COURT** The article is devoted to the consideration of certain aspects of proving one's position in court by the prosecution in the event of certain defects in the form of evidence obtained during the preliminary investigation. **Keywords:** criminal proceedings, public prosecutor, proof in court, adversarial nature of the parties, presentation of evidence

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

АРЖАДЕЕВА Кристина Игоревна, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации научный руководитель **БАРКАЛОВА Елена Владимировна,** доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала)	**ARZHADEEVA Kristina I.,** postgraduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation scientific adviser **BARKALOVA Elena V.,** Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the

Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	**PROCEDURE FOR USING ELECTRONIC DOCUMENTS IN LEGAL PROCEEDINGS**
Статья посвящена модернизации уголовного судопроизводства в части внедрения электронного документооборота. Законодательство, регламентирующее применение электронных документов в уголовном судопроизводстве	The article is devoted to the modernization of criminal proceedings in terms of the introduction of electronic document management. Legislation regulating the use of electronic documents in criminal proceedings
Ключевые слова: уголовный процесс, электронный документооборот, цифровизация, модернизация судопроизводства	**Keywords:** criminal procedure, electronic document management, digitalization, modernization of legal proceedings
АТАБАЕВА Кристина Максимовна, студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург научный руководитель **НИКОЛАЕВА Татьяна Геннадьевна**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	**ATABAEVA Kristina M.**, 5st year specialist student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation scientific supervisor **NIKOLAEVA Tatiana G.,** Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor
ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МОМЕНТА ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО	**PROBLEMS OF ESTABLISHING THE MOMENT OF THE ACTUAL DETECTION OF A SUSPECT**
В статье рассматриваются моменты установления фактического задержания подозреваемого. На основе изучения различных точек зрения научного сообщества, а также сопоставление их с правоприменительной практикой и законом, выдвигаются и аргументируются выводы о противоречивости данной меры процессуального принуждения.	The article discusses the moments of establishing the actual detention of a suspect. Based on the study of various points of view of the scientific community, as well as comparing them with law enforcement practice and the law, conclusions about the inconsistency of this measure of procedural coercion are put forward and argued.

Ключевые слова: момент фактического задержания, подозреваемый, момент доставления, лишение свободы	**Keywords:** moment of actual arrest, suspect, moment of delivery, deprivation of liberty
ДЕМЧЕНКО Екатерина Александровна, студентка Санкт-Петербургского института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, **СУШКИНА Валерия Владимировна,** студентка Санкт-Петербургского института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации научный руководитель **СЕРОВА Елена Борисовна**, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ, РАССМАТРИВАЕМЫХ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ** В статье анализируется организация деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения по делам о киберпреступлениях, рассматриваемых присяжными заседателями. Авторами дана краткая криминалистическая характеристика данной категории преступлений и проанализированы основные этапы подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству. **Ключевые слова:** киберпреступления, информационно-коммуникационные технологии, подготовка к судебному разбирательству, присяжные заседатели, поддержание государственного обвинения	**DEMCHENKO Ekaterina A**. student of the St. Petersburg Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **SUSHKINA Valeria V.** student of the St. Petersburg Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation scientific adviser **SEROVA Elena B**., Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **PREPARATION OF THE PUBLIC PROSECUTOR FOR JUDICIAL PROCEEDINGS IN CASES OF CYBERCRIME, CONSIDERED WITH THE PARTICIPATION OF JURORS** The article analyzes the organization of the prosecutor's activities to maintain public prosecution in cases of cybercrimes considered by jurors. The authors give a brief criminalistic description of this category of crimes and analyze the main stages of preparing a public prosecutor for trial. **Keywords:** cybercrimes, information and communication technologies, preparation for trial, jurors, maintaining public prosecution
КОЛОШИНА Екатерина Викторовна, студентка Санкт-Петербургского юриди-	**KOLOSHINA Ekaterina V.,** a 5th year student of St. Petersburg Law Institute (branch)

ческого института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации научный руководитель **СЕРОВА Елена Борисовна,** заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation scientific adviser **SEROVA Elena. B.,** Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalisticsof St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	**MEDIATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN FOREIGN COUNTRIES**
Статья посвящена сравнительно-правовому анализу законодательства стран Европы и стран постсоветского пространства (Франции, Германии, Республики Казахстан, Республики Беларусь) с целью выявления особенностей применения института медиации в уголовном судопроизводстве. В данной статье автором рассмотрено нормативно-правовое закрепление института уголовной медиации в странах зарубежья, порядок проведения уголовной медиации, кандидатура медиатора.	The article is devoted to a comparative legal analysis of the legislation of European and post-Soviet countries (France, Germany, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus) in order to identify the specifics of the use of mediation in criminal proceedings. In this article, the author examines the regulatory and legal consolidation of the institution of criminal mediation in foreign countries, the procedure for conducting criminal mediation, and the candidacy of a mediator.
Ключевые слова: зарубежный опыт, уголовный процесс, уголовная медиация, медиатор, прекращение уголовного дела	**Keywords:** foreign experience, criminal procedure, criminal mediation, mediator, termination of a criminal case
КУКОНИН Владислав Игоревич, студент юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации научный руководитель **СЫЧЕВ Дмитрий Анатольевич**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук	**KUKONIN Vladislav I.,** a 5th year student of St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation scientific adviser **SYCHEV Dmitry A.,** associate professor of the Department of criminal procedure and criminalistics St. Petersburg law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law

ПРАВОВЫЕ АНАЛОГИ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ	**LEGAL ANALOGUES OF THE INSTITUTION OF PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN FOREIGN COUNTRIES**
В статье рассмотрены некоторые правовые аналоги института досудебного соглашения о сотрудничестве на примере Соединенных Штатов Америки и Италии. Изучены основные причины внедрения данного правового механизма в систему уголовного судопроизводства, динамика развития, а также некоторые особенности их функционирования.	The article examines some legal analogues of the institution of pre-trial cooperation agreement using the example of the United States of America and Italy. The main reasons for the introduction of this legal mechanism into the criminal justice system, the dynamics of development, as well as some features of their functioning have been studied.
Ключевые слова: сделка о признании вины, досудебное соглашение о сотрудничестве	**Keywords:** pre-trial cooperation agreement, plea guilty
МАНУКЯН Аргишти Арсенович, аспирант Воронежского государственного университета научный руководитель **БАЕВ Максим Олегович**, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор	**MANUKYAN Argishti A.**, Postgraduate student at Voronezh State University scientific supervisor **BAEV Maxim O.,** Head of the Department of Criminology, Faculty of Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor
ОГРАНИЧЕННАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	**LIMITED SUBJECTIVITY OF THE COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION**
Статья посвящена определению субъектности суда в уголовном судопроизводстве в парадигме состязательного разбирательства.	The article is devoted to the definition of the subjectivity of the court in criminal proceedings in the paradigm of adversarial proceedings.
Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, функция суда, доказывание в деятельности суда, объективное и всестороннее исследование доказательств, активная роль суда	**Keywords:** criminal procedure activity, function of the court, proof in the activities of the court, objective and comprehensive examination of evidence, active role of the court

Научное издание

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:

ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

III Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 25 сентября 2024 года

М А Т Е Р И А Л Ы

Компьютерная правка и верстка *И. А. Щербаковой*

Подписано к использованию 13.03.2025.
Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 15 экз. Заказ 4/25.
1 электрон. опт. диск (CD-R). 1,24 Мб.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru тел.: 272-27-59